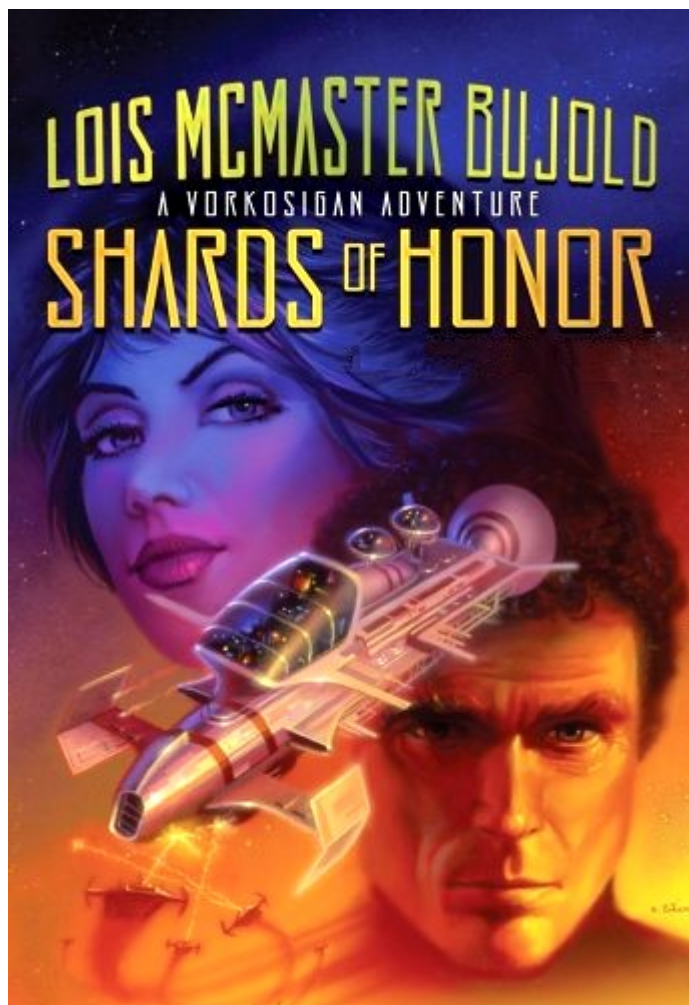

**Лоис Макмастер Буджолд
Осколки чести**

Барраяр – 1

<http://lavka.lib.ru/>
«Не издавалось»:

Аннотация

Lois McMaster Bujold. Shards of Honor. 1986. Перевод: Екатерина Грошева.

Этот роман открывает цикл о Майлзе Форкосигане — сыне высокопоставленного сановника при дворе императора планеты Барраяр. Майлз — один из самых известных героев американской фантастики 80–90-х годов. Его приключениями зачитываются миллионы читателей во всем мире. «Осколки чести» — настоящий подарок любителям фантастики.

**Лоис Макмастер БУДЖОЛД
ОСКОЛКИ ЧЕСТИ
Shards of Honor**

ГЛАВА 1

Сквозь мглистый лес струилось море тумана: мягкого, сумрачного, мерцающего. На вершинах хребтов дымка становилась прозрачнее — утреннее солнце, уже начинавшее припекать, рассеивало влагу, хотя в ущельях, залитых прохладной безмолвной мглой, все еще царили предрассветные сумерки.

Командор Корделия Нейсмит, оглянувшись на ботаника своей группы и поправив ремни рюкзака с биообразцами, продолжила подъем в гору. С трудом переводя дыхание, она смахнула упавшую на глаза длинную прядь влажных медных волос, нетерпеливо подоткнув ее под заколку на затылке. Да, в следующий раз надо бы выбрать для исследований район пониже. Сила тяжести на этой планете была чуть меньше, чем на их родной Колонии Бета, но даже это не могло компенсировать физическую нагрузку, вызванную разреженностью горного воздуха.

Растительность становилась все гуще — они уже достигли лесистого участка. Спустившись в русло пересохшего ручья, протекавшего по дну ущелья, они долго пробирались сквозь естественный туннель сплетенных над ручьем ветвей, пока наконец не выбрались на открытое место.

Утренний ветерок развеял последние обрывки тумана с золотистых нагорий. Они простирались до самого горизонта, уступ за уступом поднимаясь ввысь и завершаясь величественной серой громадой центрального пика, увенчанного сверкающей ледяной шапкой. Солнце этого мира, сиявшее с ярко-бирюзовых небес, невероятно щедрыми красками расцветило золотые травы, крошечные цветы и кустики серебристого растения, рассыпанные тут и там, словно тонкое кружево. Оба исследователя замерли в изумленном восхищении, не в силах оторвать глаз от красоты открывшейся им картины.

Ботаник, мичман Дюбауэр, обернулся к Корделии с восторженной улыбкой, делясь своим восхищением, и сразу же опустился на колени, чтобы рассмотреть поближе кустик серебристой травы.

Корделия подошла к ближайшему обрыву, чтобы взглянуть на раскинувшуюся внизу панораму. На пологих склонах предгорий лес становился еще гуще. Пятьюстами метрами ниже расстилались гряды облаков — словно белое море, простирающееся до самого горизонта. Лишь далеко на западе сквозь эту непроницаемую пелену пробивалась еще одна вершина — меньшая сестра их горы-исполина.

Корделия, замечтавшись было о том, как здорово было бы оказаться внизу, на равнинах, и впервые увидеть падающую с неба воду, внезапно очнулась от грез.

— Что за чертовщину мог запалить Роузмонт, чтобы поднять такую вонь? — пробормотала она.

Маслянисто-черный столб дыма вздымался из-за следующего уступа горы и, уходя ввысь, постепенно таял, развеянный легким ветерком. Он определенно поднимался из района их базового лагеря. Корделия внимательно вгляделась в него. Внезапно тишину пронзило донесшееся издалека гудение, перешедшее в вой. Их планетарный катер взмыл над уступом и с грохотанием пронесся у них над головами, оставляя за собой сверкающий шлейф ионизированных газов.

— Вот это взлет! — воскликнул Дюбауэр, провожая взглядом катер.

Корделия нажала кнопку на ручном комме ближней связи, и заговорила в микрофон:

— Нейсмит вызывает Базу Один. Прием, прием.

Единственным ответом ей было тихое шипение пустого эфира. Она повторила вызов, дважды, — с тем же результатом. Мичман Дюбауэр обеспокоено заглядывал ей через плечо.

— Попробуй-ка свой, — предложила она.

Но и ему повезло не больше.

— Собирай свое добро, мы возвращаемся в лагерь, — распорядилась она. — Да поживей.

Они быстро вскарабкались на следующий уступ и, с трудом переводя дух, снова нырнули в чащу. Среди тонких раскидистых деревьев на этой высоте было немало упавших, перепутавшихся. На пути в гору их переплетение казалось природным произведением

искусства; при спуске они становились грозной полосой препятствий. В голове Корделии одновременно прокручивалось не меньше десятка версий происшедшего — одна другой невероятней и ужаснее.

«Все это лишь игра воображения, не более, — убеждала себя она, пытаясь сдержать панику. — Такой же страх перед неизвестностью побуждал древних картографов изображать диковинных чудовищ на картах еще не исследованных морей».

Они преодолели последнюю полосу лесной чащи и выбрались на пригорок, с которого открывался вид на широкую поляну, где был разбит их базовый лагерь. Корделия потрясенно ахнула. Действительность превзошла самые худшие опасения.

Дым поднимался от пяти обуглившихся черных бугорков, на месте которых совсем недавно было аккуратное кольцо палаток. На другой стороне ущелья, напротив лагеря — там, где стоял их катер — виднелся тлеющее пятно выжженной травы. Повсюду было разбросано поломанное оборудование. Их стерильный санузел выгорел дотла; да, точно, даже от уборной остались одни только головешки.

— Господи, — выдохнул мичман Дюбауэр и непроизвольно двинулся вперед, словно лунатик. Корделия ухватила его за шиворот.

— Лежи тут, прикроешь меня, — скомандовала она и направилась к безмолвным руинам, осторожно поглядывая по сторонам.

Трава вокруг лагеря была вытоптана и опалена.

Ошеломленный разум Корделии пытался осознать причины этого погрома. Кто мог это сделать? Не замеченные ранее аборигены? Нет, для того, чтобы расплавить ткань их палаток, нужен по меньшей мере плазмотрон. Долго разыскиваемые, но так до сих пор и не найденные разумные формы жизни? Внезапная эпидемия? Вирус, который не засекали биоанализаторы, целый месяц изучавшие местную экосистему? Быть может, происшедшее было попыткой стерилизации участка?

Агрессия со стороны правительства какой-нибудь другой планеты? Едва ли нападавшие могли проникнуть в систему через тот же пространственно-временной туннель, который открыли они сами. Но ведь их экспедицией обследовано лишь около десяти процентов пространства в радиусе светового месяца от этой системы.

Разумные инопланетяне?

Она болезненно четко сознвала, что ход ее рассуждений пошел по второму кругу — разум отчаянно метался в колесе, как одна из ручных зверушек их зоолога. Корделия без особого энтузиазма поворошила мусор, пытаясь отыскать хоть какой-нибудь ключ к разгадке. Подсказка обнаружилась в высокой траве на полпути к ущелью.

Долговязое тело в мешковатой полевой форме Бетанского Астроэкспедиционного Корпуса растянулось на земле в полный рост, руки и ноги были раскинуты, словно выстрел настиг человека на бегу, когда он пытался укрыться в лесу. Ее дыхание перехватило от боли узнавания. Она осторожно перевернула его.

Добросовестный трудяга, славный лейтенант Роузмонт. Его глаза остекленели и застыли, но при этом сохранили какое-то тревожное выражение, словно отражая последние отблески души. Проведя по лицу ладонью, Корделия закрыла мертвецу глаза.

Она осмотрела его, пытаясь определить причину смерти. Никакой крови, ни ушибов, ни переломов... ее длинные тонкие пальцы ощущали его череп. Кожа под светлыми волосами была покрыта волдырями — верный признак действия нейробластера. Значит, не инопланетяне. Она положила его голову себе на колени, беспомощно, словно слепая, глядя знакомые черты. Нет, сейчас не время для оплакивания мертвых.

Прокравшись на четвереньках к выжженному кольцу, она принялась выискивать среди оплавленных обломков коммуникационное оборудование. Похоже, нападавшие успели позаботиться об этом — свидетельством тому служили куски искореженного металла и пластика. Многие ценные оборудование отсутствовало вовсе.

В траве послышался шорох. Она выхватила парализатор и застыла. Из-за золотистой травы показалась взволнованная физиономия мичмана Дюбауэра.

— Это я, не стреляйте, — воскликнул он сдавленным голосом, долженствующим, видимо, изображать шепот.

— Я почти что выстрелила. Почему ты не остался на месте? — прошипела она в ответ. — Ладно, раз пришел, помоги мне отыскать комм — нам нужно срочно связаться с кораблем. И не высовывайся из травы, они могут вернуться в любой момент.

— Кто? Кто это сделал?

— Вариантов несколько, выбирай на вкус: новобразильцы, барраярцы, цетагандийцы — кто угодно из этой компании. Рег Роузмонт мертв. Нейробластер.

Корделия подползла к пепелищу одной из палаток и тщательно рассмотрела ее обугленные останки.

— Передай-ка мне вон ту палку, — прошептала она Дюбауэру.

Она на пробу ткнула шестом самый многообещающий холмик. Палатки перестали дымиться, но от них все еще поднимались волны жара, опалая лицо, подобно солнечным лучам их родного мира. Прогоревшая ткань разлеталась невесомыми хлопьями, словно бумажный пепел. Зацепив шестом полурасплавленный шкафчик, Корделия выволокла его на открытое место. Нижний ящик не расплавился, однако оказался сильно покореженным: обернув руку краем рубашки, Корделия попыталась открыть его, но безуспешно — ящик заклинило.

Последующие несколько минут ушли на поиски предметов, которые с некоторой натяжкой могли бы заменить молоток и долото; в результате были обнаружены плоский осколок металла и тяжелая штукавина, в которой Корделия с грустью узнала чрезвычайно хрупкий и очень дорогой метеорологический самописец. С помощью этих пещерных орудий и грубой силы, приложенной Дюбауэром, им удалось выломать выдвижной ящик; раздавшийся при этом треск, смахивающий на пистолетный выстрел, заставил их обоих подскочить.

— Есть! — воскликнул Дюбауэр.

— Давай-ка сперва отнесем его к ущелью, а там уж и попробуем, — сказала Корделия. — У меня до сих пор мурашки по спине. Сверху нас тут любой увидит.

Все еще пригибаясь, они устремились к укрытию, минуя по дороге тело Роузмонта. Дюбауэр оглянулся на него с гневом и смятением:

— Кто бы это ни сделал, он за это ответит.

Корделия лишь покачала головой.

Укрывшись в зарослях папоротника, они опробовали передатчик. Машина издала серию радиошумов и жалобных стонов, затем заглохла, однако когда по ней хорошенько постучали и как следует встряхнули, наконец прокашляла аудиосигнал к готовности. Корделия отыскала нужную частоту и попыталась вслепую установить связь.

— Командор Нейсмит вызывает экспедиционный корабль «Рене Магритт». Ответьте, пожалуйста.

После нескольких мгновений мучительного ожидания донесся тихий, заглушенный помехами ответ:

— Лейтенант Стьюбен на связи. С вами все в порядке, капитан?

Корделия с облегчением выдохнула.

— Пока что да. Как вы? Что произошло?

Послышался голос доктора Уллери, старшего после Роузмонта офицера в экспедиции:

— Барраярский военный патруль окружил лагерь и велел нам сдаться. Они заявили, что это место принадлежит им по праву первооткрывателей. Потом какой-то воинственный псих с их стороны пальнул из плазмотрона — и тут началось. Пока Рег отвлекал их своим парализатором, остальные рванули к катеру. Тут барраярский корабль класса «генерал», и пока мы играем с ним в прятки, если вы понимаете, о чем я...

— Не забывайте, вы вещаете через открытый канал, — резко напомнила ей Корделия.

Помедлив, доктор Уллери продолжила:

— Ладно. Они до сих пор требуют, чтобы мы сдались. Вы не знаете, они взяли в плен

Рег?

— Дюбауэр со мной. Все остальные на месте?

— Все, кроме Рега.

— Рег мертв.

Шум помех заглушил проклятия Стьюбена.

— Стью, теперь ты командуешь кораблем, — прервала его Корделия. — Слушай внимательно. Этим чокнутым милитаристам нельзя, я повторяю, нельзя доверять. Ни в коем случае не сдавайтесь. Я видела секретные отчеты по крейсерам класса «генерал». Вы уступаете им в вооружении, защите и количестве личного состава, но по крайней мере вдвое превосходите их по скорости. Так что выходи из зоны их досягаемости и не давай им приблизиться снова. Отступай, если понадобится, хоть до самой Колонии Бета, но не рискуй моими людьми. Усек?

— Мы не можем бросить вас, капитан!

— Ты не сможешь прислать за нами катер — баррарцы тут же засекут его и сядут тебе на хвост. А если мы окажемся в плену, гораздо больше шансов выволочить нас по дипломатическим каналам, чем затевая какую-нибудь сумасбродную попытку спасения. Но для того, чтобы пожаловаться кому следует, вам нужно сначала добраться до дома, я ясно говорю? Отвечай, как понял меня! — потребовала она.

— Вас понял, — ответил он неохотно. — Но, капитан — как долго вы рассчитываете скрываться от этих психованных ублюдков? Они ведь рано или поздно поймут вас — засекут сканерами.

— Сколько получится. Главное, вы сами там поживей уносите ноги! — Корделия иногда размышляла о том, как экипаж сможет обойтись без нее, но никогда не думала, что они потеряют и Роузмонта. Нужно во что бы то ни стало удержать Стьюбена от героизма, подумала она. Баррарцы не дилетанты, с ними шутки плохи. — От тебя сейчас зависят жизни пятидесяти шести человек. Можешь посчитать. Пятьдесят шесть — больше, чем два. Не забывай об этом, ладно? Нейсмит связь закончила.

— Корделия... Удачи вам. Стьюбен связь закончил.

Корделия выпрямилась и уставилась на маленький коммуникатор.

— Уф-ф. Ну и дела.

— Это слабо сказано, — хмыкнул Дюбауэр.

— Сказано точно. Не знаю, заметил ли ты...

Внезапно она уловила краем глаза движение какой-то пятнистой тени. Она вскочила на ноги, потянувшись за парализатором. Но высокий, остролицый баррарский солдат в зелено-сером пятнистом камуфляже двигался быстрее. Однако самой молниеносной оказалась реакция Дюбауэра, инстинктивно метнувшегося вперед и успевшего отпихнуть Корделию в сторону.

Отлетев к краю ущелья и выронив комм и парализатор, Корделия сорвалась вниз. В этот момент раздался треск нейробластера. Земля, лес, ручей и небо бешено завертелись вокруг нее, ее голова треснулась обо что-то с такой силой, что искры из глаз посыпались, а затем все поглотила тьма.

* * *

Болотный мох охлаждал щеку Корделии. Влажный земляной запах щекотал ноздри. Она вздохнула глубже, расправляя легкие — и тут гнилостный смрад скрутил ее желудок. Как только Корделия попыталась приподняться из вонючей болотной жижи, голова взорвалась острой вспышкой боли.

Она невнятно застонала. Темные сверкающие вихри закружились перед глазами, затем рассеялись. Она попыталась сфокусировать зрение на ближайшем объекте, расположенном в полуметре от ее головы. Тяжелые черные ботинки, залепленные грязью; выше начинаются серые камуфляжные брюки; ноги расставлены в позе «вольно». Она подавила измученный

всхлип, снова положила голову в илистую грязь и осторожно перевернулась на бок, чтобы получше рассмотреть барраярского офицера.

Ее парализатор! Она смотрела прямо в маленький прямоугольный раструб ствола, сжатого в широкой могучей руке. Ее глаза тревожно искали нейробластер. Пояс офицера был увешан разнообразным снаряжением, но кобура нейробластера на его правом бедре была пуста, так же как и кобура плазмотрона — на левом.

Он был лишь ненамного выше ее, но коренаст и крепок. Взъерошенные темные волосы были тронуты сединой, холодные внимательные серые глаза... на самом деле, по строгим меркам барраярской армии весь его внешний вид был довольно неряшлив. Комбинезон почти так же измят и перепачкан в грязи, как и ее собственный, на правой скуле — след ушиба. «Похоже, у него сегодня тоже был плохой день», — смутно подумала она. Затем искристые черные водовороты стали расти и снова поглотили ее.

Когда в глазах наконец прояснилось, ботинки уже исчезли... Хотя нет, вот он — удобно расположился на поваленном дереве. Она попыталась сосредоточиться на чем-то еще, кроме своего бунтующего желудка, и подавить позывы к рвоте, однако желудок быстро одержал верх.

Вражеский капитан невольно пошевелился при виде того, как ее выворачивает, однако остался сидеть. Корделия поползла до ручейка, протекавшего в нескольких метрах от нее по дну ущелья, и сполоснула рот и лицо ледяной водой. Почувствовав себя несколько лучше, она села и хрипло осведомилась:

— Ну?

Офицер склонил свою голову, изображая вежливое приветствие.

— Я капитан Эйрел Форкосиган, командующий барраярским военным крейсером «Генерал Форкрафт». Назовитесь, пожалуйста. — Его низкий баритон звучал почти без акцента.

— Командор Корделия Нейсмит. Бетанская астроэкспедиция. Мы исследовательская группа, — подчеркнула она обвиняющим тоном. — Не военное подразделение.

— Я так и понял, — сухо ответил он. — Что произошло с вашей группой?

Корделия сузила глаза:

— А разве вас при этом не было? Я в тот момент находилась выше по склону, ассистировала нашему ботанику. — И продолжила взволнованно, — Вы не видели его — ботаника, мичмана? Он столкнул меня в ущелье, когда на нас напали.

Он глянул вверх, на край ущелья, с которого она сорвалась — как давно это произошло?

— Темноволосый паренек?

Сердце оборвалось в тяжелом предчувствии.

— Да.

— Вы больше ничего не можете для него сделать.

— Это же убийство! У него был только парализатор! — Она бросила на барраярца испепеляющий взгляд. — Почему на моих людей напали?

Он задумчиво похлопал парализатором о ладонь.

— Вашу экспедицию, — ответил он, тщательно подбирая слова, — было необходимо интернировать, желательно мирным путем, за нарушение границ барраярского пространства. Имел место конфликт. Мне в спину выстрелили из парализатора. Когда я пришел в себя, ваш лагерь уже был в таком виде, в каком вы его нашли.

— Отлично. — горькая желчь подступила к горлу. — Я рада, что Регу удалось зацепить хоть одного из вас, прежде чем вы убили его.

— Если вы имеете в виду того сумасбродного, но исключительно храброго светловолосого парня, который остался на поляне, то он не смог бы попасть и в дом. Не знаю, зачем вы, бетанцы, напяливаете военную форму. Подготовка у вас, как у детишек на пикнике. Может, ваши ранги и значат что-то еще, кроме размера получаемой вами платы, но вот что — мне непонятно.

— Он был геологом, а не наемным убийцей, — огрызнулась Корделия. А что касается моих «детешек», то ваши солдаты даже не сумели поймать их.

Он нахмурил брови. Корделия тут же прикусила язык.

«Отлично», — подумала она. — «Он еще даже не начал выкручивать мне руки, а я уже выболтала все, что мне известно».

— Да что вы говорите, — задумчиво отозвался Форкосиган. Он указал дулом парализатора на лежащий в ручье разбитый комм, который все еще слегка дымился. — И какой же приказ вы отдали своему экипажу, когда они сообщили вам, что сумели ускользнуть?

— Я приказала им проявить инициативу, — пробормотала она неопределенно, пытаясь восстановить дыхание.

— Самый подходящий приказ для бетанцев, — фыркнул он. — По крайней мере вы можете быть уверены, что они ему последуют.

«О, нет. Теперь моя очередь.»

— Ладно, я-то знаю, почему осталась здесь, а вот вас почему тут бросили? Разве командующий офицер, пусть даже и барраярский, не слишком важная фигура, чтобы забыть его на поле боя? — она вдруг выпрямилась. — Если Рег не мог попасть и в дом, то кто же подстрелил вас?

«Похоже, он обиделся», — подумала она, когда парализатор, которым он рассеянно жестикулировал, снова нацелился на нее. Но он лишь проронил:

— Это вас не касается. У вас есть еще один комм?

Ого! Неужто этот суровый барраярский командир столкнулся с чем-то вроде мятежа? Вот и славно — смятение врагам!

— Нет. Ваши солдаты все уничтожили.

— Неважно, — пробормотал Форкосиган. — Я знаю, где достать другой. Вы можете идти?

— Я не уверена. — Корделия заставила себя подняться на ноги и тут же прижала ладонь к голове, пытаясь унять стреляющую боль.

— Это всего лишь сотрясение мозга, — прокомментировал Форкосиган без всякого сочувствия. — Прогулка пойдет вам на пользу.

— Далеко идти? — выдохнула она.

— Около двухсот километров.

Она снова рухнула на колени. — Желаю приятно прогуляться.

— В одиночку у меня ушло бы на это два дня. Наверное, вам понадобится чуть больше, ведь вы геолог или кто там еще.

— Астрокартограф.

— Встаньте, пожалуйста. — Он снизошел до того, чтобы поддержать ее за локоть. Казалось, ему почему-то очень не хочется к ней прикасаться. Она продрогла до костей, и ощутила тепло его руки даже сквозь плотную ткань рукава. Форкосиган начал решительно подталкивать Корделию вверх по склону.

— Вы что, серьезно? — изумилась она. — Что вы собираетесь делать с пленной во время марш-броска? А что если я пристукну вас камнем, пока вы будете спать?

— Я рискну.

Они добрались до края ущелья. Тяжело дыша, Корделия прислонилась к тоненькому деревцу. Форкосиган даже не запыхался, с завистью заметила она.

— Я никуда не пойду, пока не похороню своих офицеров.

— Это пустая трата времени и сил, — ответил он раздраженно.

— Я не оставляю их падальщикам, словно павший скот. Ваши барраярские громилы, может, умеют более мастерски убивать, но ни один из них не мог бы принять более достойной солдатской смерти.

Какое-то время он молча глядел на нее — лицо его при этом оставалось совершенно непроницаемым — и наконец пожал плечами:

— Ладно.

Корделия прошла вдоль края ущелья.

— Я думала, это здесь, — озадаченно сказала она. — Вы не перетаскивали его?

— Нет. Но он не мог далеко уползти, в его-то состоянии.

— Вы сказали, что он погиб!

— Так и есть. Хотя его тело все еще функционировало. Должно быть, нейробластер не задел мозжечок.

Корделия пошла по следу примятой травы, ведущему за небольшой уступ, Форкосиган молча последовал за ней.

— Дюбауэр! — Она подбежала к фигуре в бежевом комбинезоне, свернувшейся калачиком в зарослях папоротника. Когда она упала рядом с ним на колени, он перевернулся, вытянулся и начал сотрясаться в конвульсиях; его губы растянулись в странной усмешке. «Замерз?» — ошарашено подумала она, но тут же поняла, в чем дело. Она вытащила из кармана платок, свернула его в жгут и торопливо пропихнула между зубов Дюбауэра. Его губы были прокушены во время предыдущих приступов. Спустя три минуты судороги прекратились, мичман вздохнул и обмяк.

Она горько вздохнула и озабоченно осмотрела раненого. Он открыл глаза, и они как будто сфокусировались на ее лице. Он вцепился в ее руку и издал лишенное смысла поскуливание. Она попыталась утихомирить его, нежно погладив по голове и утерев с губ кровавую слюну; он притих.

Она обернулась к Форкосигану, слезы ярости и боли застилали ей глаза.

— Он жив! Вы солгали! Он только ранен. Ему нужна медицинская помощь.

— Не пытайтесь обмануть себя, командор Нейсмит. Нейробластерные ранения не излечиваются.

— Ну так что? Без обследования нельзя сказать с уверенностью, насколько сильные повреждения нанесло ему ваше гнусное оружие. Он все еще видит, слышит, чувствует — вы не можете понизить его до звания трупа ради вашего собственного удобства!

Его лицо заledenело.

— Если хотите, — сказал он осторожно, — я мог бы прекратить его страдания. Мой боевой нож отлично заточен. Если действовать быстро, им можно практически безболезненно перерезать горло. Или, если вы считаете, что как его командир вы должны сделать это сами, то я могу одолжить вам свой нож.

— Вы поступили бы так же с кем-нибудь из ваших людей?

— Конечно. И они сделали бы то же самое для меня. Ни один человек не захочет влачить подобное существование.

Она встала и очень внимательно посмотрела на него. — Наверное, быть барраярцем — это все равно что жить среди каннибалов.

Между ними надолго воцарилось молчание. Наконец тишину нарушил стон Дюбауэра. Форкосиган шевельнулся и спросил:

— Ну так что вы предлагаете с ним делать?

Она устало помассировала виски, пытаясь придумать аргумент, способный пронять столь бесчувственную публику. Ее тошнило, язык будто онемел, ноги дрожали и подгибались от усталости — мало сахара в крови, да еще и реакция на боль.

— А куда именно вы планируете пойти? — наконец спросила она.

— Здесь расположен наш тайный склад — я смогу отыскать его. Там есть коммуникационное оборудование, оружие, пища... когда склад окажется в моем распоряжении, то я смогу... э-э... разрешить некоторые проблемы с командованием.

— Там есть медикаменты?

— Да, — неохотно признался он.

— Хорошо. — Вряд ли из этой затеи что-нибудь выйдет, но нужно попытаться. — Я буду сотрудничать с вами — как ваш пленник, я дам слово чести помогать вам во всем, что не ставит под угрозу мой корабль, — если вы позволите взять с собой мичмана Дюбауэра.

— Это исключено. Он даже идти не может.

— Я думаю, может, если ему помогать.

Он глядел на нее с изумлением и досадой.

— А что если я откажусь?

— Тогда вам придется либо бросить, либо убить нас обоих, — она упрямо вздернула подбородок, стараясь не коситься на висящий на его поясе нож, и стала ждать.

— Я не убиваю пленных.

Корделия облегченно вздохнула, услышав множественное число. Похоже, в его загадочном барраярском мозгу произошла некая переоценка — Дюбауэру было возвращено человеческое звание. Она опустила на колени и попыталась поднять Дюбауэра на ноги, отчаянно надеясь, что этому Форкосигану не придет в голову парализовать ее и добить беспомощного ботаника, положив таким образом конец препирательствам.

— Ладно, — наконец сдался он, бросив на нее странный пронзительный взгляд. — Берите его с собой. Но нам придется идти быстро.

Ей удалось поднять мичмана на ноги. Он тяжело опирался на ее плечо, то и дело спотыкался, но все же мог идти. Похоже, он мог слышать, но не понимал смысла речи.

— Видите, — отчаянно защищала она его, — он может идти. Ему просто нужно немного помогать.

Они достигли края поляны, когда последние лучи вечернего солнца уже расчертили ее длинными черными тенями, сделав похожей на тигровую шкуру.

Форкосиган помедлил.

— Будь я один, — сказал он, — я бы мог дойти до склада с теми лишь припасами, что есть у меня на поясе. Но раз нас трое, то нам придется поискать еще чего-нибудь съестного в вашем лагере. Пока я буду искать, вы сможете похоронить своего второго офицера.

Корделия кивнула.

— Заодно поищите что-нибудь, чем можно было бы копать. Мне надо сперва позаботиться о Дюбауэре.

Он устало махнул рукой в знак согласия и направился к выжженному участку. Среди обугленных останков одной из палаток Корделия сумела откопать пару спальных мешков, однако ни одежды, ни лекарств, ни мыла, ни котелка там не обнаружилось.

Смирившись с неизбежностью, Корделия подвела Дюбауэра к ручью, раздела его, умыла, промыла ссадины и, как смогла, простирнула его штаны в холодной воде. Затем она обтерла мичмана спальным мешком, снова натянула на него футболку и куртку, и обернула второй спальный мешок вокруг его талии наподобие саронга. Он дрожал и стонал, но не сопротивлялся ее импровизированному уходу. Тем временем Форкосиган отыскал два пакета с какой-то едой: этикетки сгорели, но в остальном упаковки не пострадали. Корделия разорвала серебристую пленку, добавила к содержимому воды из ручья, попробовала. Оказалось — овсянка на соевом молоке.

— Повезло, — заметила она. — Самая подходящая еда для больного. А что во втором?

Форкосиган проводил собственный эксперимент. Он добавил воды в другой пакет, размешал и понюхал полученный результат.

— Что-то не пойму, — ответил он, передавая ей пакет. — Пахнет как-то странно. Может, испортилось?

Это оказалась белая паста с острым ароматом.

— Нет, все в порядке, — заверила его Корделия. — Это искусственная салатная заправка из сыра рокфор.

Устроившись поудобнее, она рассмотрела все имеющееся в их распоряжении меню.

— Ну, по крайней мере, это довольно калорийно, — ободрила она себя. — Нам необходимы калории. На этом вашем поясе случайно не найдется ложки?

Форкосиган отцепил от ремня какой-то маленький предмет и молча вручил его Корделии. Эта штука оказалась собранным в одной рукоятке столовым набором, включающим в себя и ложку.

— Спасибо, — сказала Корделия, по-дурацки обрадовавшись тому, что ее робкое пожелание как по волшебству осуществилось.

Форкосиган пожал плечами и снова отправился на пепелище, скрывшись в сгущающихся сумерках. Она принялась кормить Дюбауэра: он оказался ужасно голодным, однако не мог есть самостоятельно.

Форкосиган вернулся к ручью.

— Вот что я нашел, — он вручил ей маленькую геологическую лопатку для сбора образцов почвы, примерно в метр длиной. — Не слишком удобный инструмент для этих целей, но ничего лучшего я не нашел.

— Это лопатка Рега, — отозвалась Корделия. — Сойдет.

Она отвела Дюбауэра к намеченному ею месту и усадила его на землю. Наверное, лесной папоротник можно использовать в качестве подстилки — она решила, что позже нарвет охапку-другую. Разметив границы могилы неподалеку от лежащего в траве тела Роузмонта, Корделия принялась сдирать маленькой лопаткой дерн. Корни травы оказались на редкость жесткими и прочными, и она быстро запыхалась.

Из темноты возник Форкосиган.

— Я нашел несколько люминофоров.

Надломив одну из трубок величиной с карандаш, он положил ее на землю рядом с предполагаемой могилой, и все вокруг озарилось жутковатым, но довольно ярким изумрудным светом. Стоя рядом, баррарец критически наблюдал за работой Корделии.

Она вонзила лопатку в землю, возмущенная тем, что он на нее пялится. «Пошел вон, ты, — мысленно огрызнулась она, — дай мне с миром похоронить друга». Внезапно в голову пришла другая мысль, заставившая ее занервничать: «Я работаю слишком медленно — а вдруг он не даст мне закончить?» Она принялась копать усерднее.

— Такими темпами вы и за неделю не управитесь.

«Интересно, — подумала она с раздражением, — если я буду двигаться достаточно быстро, успею я треснуть его лопатой по башке? Ну, хотя бы разок...»

— Идите к своему ботанику. — Он протянул ей руку, и до ее наконец дошло, что он предлагает ей помощь.

— Ох... — она отдала ему лопатку. Вытащив нож и подрезав корни травы там, где она отметила края прямоугольника, Форкосиган принялся копать — гораздо эффективнее, чем она.

— Каких падальщиков вы здесь обнаружили? — спросил он, отбрасывая землю в сторону. — Насколько глубоко придется копать?

— Я не знаю наверняка, — ответила она. — Мы высадились всего три дня назад. Но экосистема тут довольно сложная, так что все вероятные ниши должны быть заполнены.

— Хм.

— Лейтенант Стьюбен, мой главный зоолог, пару раз натыкался на трупы этих травоядных шестиногов — они были неплохо обглоданы. Он успел заметить рядом с останками какую-то тварь, которую он назвал пушистым крабом.

— И какого они были размера? — заинтересовался Форкосиган.

— Он не сказал. Я видела изображения земных крабов, они не слишком крупные — примерно с вашу ладонь.

— Тогда метра в глубину будет достаточно. — Он продолжал копать, резко вонзая в землю несоразмерную лопатку. Холодный свет озарял его лицо снизу, отбрасывая вверх причудливые тени от тяжелого подбородка, прямого широкого носа и густых бровей. Корделия заметила старый изогнутый шрам на левой стороне его подбородка. Сейчас баррарец напоминал короля гномов из какой-нибудь старинной скандинавской саги, выкапывающего бездонную яму.

— Где-то рядом с палатками остался длинный шест. Я могла бы закрепить этот огонек повыше, чтобы он освещал яму, — предложила она.

— Было бы неплохо.

Покинув круг холодного света, она направилась к палаткам и отыскала шест именно там, где она оставила его этим утром. Вернувшись к могиле, она привязала люминофор к палке стебельками жесткой травы и воткнула шест в землю. Круг света стал заметно шире. Вспомнив о своем намерении набрать для Дюбауэра папоротника, Корделия направилась к лесу, но вдруг остановилась.

— Вы слышали? — спросила она Форкосигана.

— Что?

Яма была ему уже по колено, и даже он к этому времени слегка запыхался. Перестав копать, он замер, настороженно вслушиваясь в тишину ночи.

— Какой-то... топающий звук со стороны леса.

Он подождал еще минуту, затем покачал головой и продолжил работу.

— Сколько у нас люминофоров?

— Шесть.

Так мало. Ей не хотелось растрчивать их, зажигая два одновременно. Она уже собиралась спросить у него, не возражает ли он побыть некоторое время в темноте, когда шум раздался снова, более отчетливо.

— Там что-то есть.

— Это мы знаем, — буркнул Форкосиган. — Вопрос в том...

В круг света одновременно ворвались три существа. Корделия успела разглядеть проворные приземистые тела, слишком большое количество черных волосатых ног, четыре черных бусинки-глаза на безшейной голове и острые как бритва желтые клювы, которые клацали и шипели. Эти животные были размером со свинью.

Форкосиган среагировал молниеносно, ударив ближайшую тварь точно по морде лезвием лопаты. Вторая зверюга бросилась к телу Роузмонта, вцепилась в руку покойника и попыталась уволочь его в темноту. Корделия схватила свой шест и со всей силы ударила тварюгу между глаз. Клюв со скрежетом перекусил конец алюминиевого шеста, однако тварь, зашипев, отступила.

К этому моменту Форкосиган уже успел выхватить свой боевой нож и энергично отгонял третьего зверя, крича и пиная его своими тяжелыми ботинками. Острые когти рассекли ему ногу, брызнула кровь, но ему удалось так садануть ножом эту тварь, что она визгом и шипением понеслась обратно в лес, а следом за ней и остальная шайка.

Воспользовавшись передышкой, Форкосиган наконец вытащил парализатор, застрявший, судя по его приглушенным проклятиям, в слишком глубокой кобуре нейробластера, и настороженно вгляделся в темноту.

— Пушистые крабы, а? — проговорила задыхающаяся Корделия. — Ох, Стьюбен, шею тебе сверну!

Ее голос сорвался на визг, и она стиснула зубы, решив, что лучше пока помолчать.

Форкосиган обтер испачканное черной кровью лезвие об траву и вернул нож в ножны.

— Думаю, могилу тут нужно копать глубиной метра в два, — сказал он серьезно. — Может, даже больше.

Корделия вздохнула, соглашаясь, и вернула укоротившийся шест на прежнее место.

— Как ваша нога?

— Я сам позабочусь об этом. Вы лучше идите проведайте своего мичмана.

Задремавший было Дюбауэр был разбужен шумом и снова порывался отползти подальше. Корделия попыталась успокоить его, затем у него начался очередной припадок, после которого, к ее глубокому облегчению, он наконец уснул.

Тем временем Форкосиган уже успел перевязать свою рану — среди его снаряжения нашлась и маленькая аптечка — и снова принялся копать, разве только чуть медленнее. Когда глубина ямы достигла его плеча, он поручил Корделии выгребать из нее грунт, используя в качестве ведра ящик для сбора биообразцов. Около полуночи он возвестил из темной ямы:

— Вот и все.

Выбравшись из могилы, он обозрел результаты своего труда.

— То же самое можно было бы сделать с помощью плазмотрона за пять секунд, — проговорил он, тяжело дыша. Он весь перепачкался и сильно взмок, несмотря на ночную прохладу. Над ущельем, по дну которого протекал ручей, поднимались струйки тумана.

Вдвоем они подтащили тело Роузмонта к краю могилы. Форкосиган помедлил.

— Вы не возьмете его одежду для вашего мичмана?

Это было чрезвычайно практичное предложение. Корделию возмущала идея хоронить Роузмонта нагим, но в то же самое время она корила себя за то, что не подумала об этом раньше, когда Дюбауэру было так холодно. Она стащила одежду с окоченевшего трупа, испытывая при этом жуткое ощущение, будто раздевает гигантскую куклу. Затем они свалили тело в яму — оно упало на дно с глухим стуком.

— Подождите.

Корделия вытащила из кармана комбинезона Роузмонта платок и спрыгнула в яму. Она накрыла платком лицо покойного. Это был ничтожный, абсурдный жест, но от этого ей почему-то стало легче на душе.

— Теперь все.

Они забросали могилу землей, гораздо быстрее, чем копали, и как следует утрамбовали грунт ногами.

— Вы не желаете совершить какой-нибудь обряд? — спросил Форкосиган.

Корделия покачала головой — ей не хотелось декламировать невыразительный, формальный текст заупокойной службы. Но все же она преклонила колени перед могилой и, как смогла, помолилась за умершего — не вслух, не слишком уверенно, но зато гораздо более серьезно. Молитва взмыла ввысь и растаяла в пустоте, беззвучная как перышко.

Форкосиган терпеливо ждал, пока она поднимется на ноги.

— Сейчас уже поздно, — сказал он, — и мы только что видели три убедительных причины, по которым не следует разгуливать тут в темноте. Пожалуй, нам лучше отдохнуть здесь до рассвета. Я подежурю первым. Вы все еще планируете пристукнуть меня камнем?

— В данный момент — нет, — ответила она искренне.

— Отлично. Я разбужу вас позже.

Тут же приступив к дежурству, Форкосиган отправился на патрулирование поляны, прихватив с собой люминофор. Зеленоватый огонек дрожал во тьме, будто пленный светлячок. Корделия улеглась рядом с Дюбауэром и устремила взгляд в небо. Звезды слабо мерцали сквозь сгущающийся туман. Может ли одна из них быть ее кораблем, или кораблем Форкосигана? Вряд ли — они наверняка уже слишком далеко.

Она чувствовала себя опустошенной. Энергия, воля, желания ускользали сквозь пальцы, словно сияющая жидкость, поглощаемая песками бесконечности. Она поглядела на Дюбауэра, лежащего рядом, и заставила себя вырваться из манящего водоворота отчаяния. «Я все еще командир, — резко сказала она себе. — У меня все еще есть подчиненный, за которого я в ответе. Ты все еще служишь мне, мичман, хотя не можешь помочь даже себе самому...»

Ей показалось, что эта мысль вот-вот приведет ее к какому-то великому открытию, но озарение ускользнуло от нее — и Корделия погрузилась в сон.

ГЛАВА 2

В сером утреннем тумане они разложили все обнаруженные на пепелище скудные пожитки в самодельные рюкзаки и начали спуск с горы. Корделия вела Дюбауэра за руку, поддерживая его, когда он спотыкался. Она не была уверена, что он узнает ее, однако он предпочитал цепляться за ее и сторонился Форкосигана.

Чем ниже по склону они спускались, тем гуще становился лес и тем выше — деревья. Некоторое время Форкосиган ножом прорубал дорогу через подлесок, затем они решили продолжить путь по руслу ручья. Сквозь завесу листвы начали просачиваться лучи

солнечного света, осветившие холмики изумрудного мха, сверкающие воды ручья и донные камешки, блестевшие подобно россыпям медных монет.

Среди крошечных существ, заменяющих в этой экосистеме земных насекомых, была распространена радиальная симметрия. Некие воздушные создания, подобные наполненным газом медузам, парили в радужных клубках брызг над бурным потоком, словно стайка мыльных пузырей. Корделия залюбовалась этим сказочным зрелищем; похоже, что и Форкосигана эта картина заставила смягчиться — прервав убийственный, по мнению Корделии, марш-бросок, он объявил привал.

Они напились из ручья и сидели, наблюдая, как крохотные шарики мечутся и раздуваются в брызгах водопада. Закрыв глаза, Форкосиган прислонился к дереву. «А ведь он тоже порядком вымотался» — поняла вдруг Корделия. Воспользовавшись тем, что он не смотрит на нее, она с любопытством разглядывала его. Он держался с резковатым, но исполненным достоинства профессионализмом военного. И все же какая-то неясная тревога не давала ей покоя — такое ощущение, что она забыла что-то очень важное. Нужное слово внезапно вынырнуло из глубин памяти, словно поплавок из воды.

— Я знаю, кто вы. Форкосиган, Мясник Комарра.

Она тут же пожалела о своих словах, поскольку он открыл глаза и очень странно посмотрел на нее. Его лицо отразило целую серию эмоций.

— Что вы знаете о Комарре? — произнес он таким тоном, словно хотел добавить «вы, невежественная бетанка».

— То же, что и все остальные. Это была никчемная скалистая планетка, завоеванная вами ради ее пространственно-временных туннелей. Правящий сенат сдался на ваших условиях, и сразу же после капитуляции был истреблен. Вы командовали операцией, или... — Хотя тот комаррский Форкосиган должен был быть адмиралом, разве нет? — Это были вы? Вы ведь сказали, что не убиваете пленных.

— Это был я.

— И за это вас понизили в чине? — удивилась она. Ей казалось, что такое поведение для баррарцев в порядке вещей.

— Не за это. За то, что было потом. — Ему явно не хотелось об этом говорить, но, к ее удивлению, он все же продолжил: — Эти... последствия как раз удалось замять, они так и не стали достоянием общественности. Я дал сенаторам слово — слово Форкосигана, что им будет сохранена жизнь. Мой политофицер нарушил данный мною приказ, расстреляв их всех без моего ведома. Так вот, за это я казнил его.

— Боже милостивый.

— Я свернул ему шею собственными руками — прямо на капитанском мостике флагманского корабля. Видите ли, это стало моим личным делом, ведь была затронута моя честь. Я не мог приказать расстрелять его — все боятся министерства политического воспитания.

Таков официальный эвфемизм для баррарской тайной полиции, вспомнила Корделия. Политофицеры — резиденты этого министерства в армии.

— А вы не боитесь?

— Скорее, это они меня боятся. — Он кисло улыбнулся. — Они вроде вчерашних трупоедов — бегут, как только запахнет жареным. Но спину им подставлять не следует.

— Удивительно, как вас не вздернули за это.

— Поднялась страшная шумиха, но лишь за закрытыми дверями, — признался он, рассеянно теребя нашивки на воротнике. — Но Форкосиганов не так-то просто заставить раствориться в ночи... по крайней мере пока. Хотя я и нажил себе нескольких могущественных врагов.

— Охотно верю. — Чутье подсказывало Корделии, что эта история, рассказанная без всяких прикрас или оправданий, действительно правдива, хотя у нее и не было никаких разумных оснований верить ему. — А вы, случайно, вчера не... э-э... подставили спину одному из ваших врагов?

Он кинул на нее пронизывающий взгляд.

— Возможно, — медленно произнес он. — Хотя данная теория не лишена недостатков.

— Например?

— Я все еще жив. Вряд ли они, отважившись на такое рискованное дело, не довели бы его до конца. Безусловно, они соблазнились бы возможностью обвинить в моей гибели вас, бетанцев.

— Уф. А я-то думала, что это у меня трудная задача — совладать с шайкой бетанских интеллектуалов-примадонн, которые вечно норовят перессориться. Боже, храни меня от политики.

Форкосиган слегка улыбнулся. — Судя по тому, что мне приходилось слышать о бетанцах, вам тоже приходится несладко. Не думаю, что хотел бы поменяться с вами местами. Я бы просто взбесился, если бы экипаж принялся оспаривать каждый мой приказ.

— Они оспаривают не *каждый* приказ. — Она усмехнулась: его слова вызвали в памяти кое-какие бесценные воспоминания. — Со временем учишься их уламывать.

— Где, по-вашему, сейчас ваш корабль?

Вся ее беззаботность тут же улетучилось, уступив место настороженности.

— Я полагаю, это зависит от того, где находится ваш.

Форкосиган пожал плечами и встал, поправив за плечами рюкзак.

— Тогда, наверное, нам пора перестать тратить время на эти пустые домыслы. — Он помог ей подняться. Лицо его снова застыло — он нацепил привычную личину невозмутимого служаки.

На то, чтобы спуститься со склона горы и достичь красновато-бурых равнин, у них ушел целый день. При ближайшем рассмотрении равнины оказались сплошь изрезаны скалистыми выступами и бурными потоками мутной воды, оставшимися после недавних дождей. Издали были видны стада пасущихся шестиногов. Животные вели себя довольно настороженно, и Корделия заключила, что хищники наверняка затаились где-то неподалеку.

Форкосиган намеревался продолжить переход, однако у Дюбауэра случился очередной приступ конвульсий, сменившийся вялостью и сонливостью. Корделия решительно настояла на том, что пора устраиваться на ночевку.

Они разбили лагерь, проще говоря — уселись на землю прямо там, где остановились: посреди поляны в лесной чаще, на высоте около трехсот метров над равниной. Путники разделили ужин из овсянки и рокфора в усталом молчании. Когда померкли последние краски живописного заката, Форкосиган надломил очередной люминофор и разместил его на большом плоском валуне. Корделия, растянувшись на траве, украдкой наблюдала за баррарцем, снова вступившим на ночную вахту, пока сон наконец не сморил ее, дав отдых ноющим ногам и голове.

Он разбудил ее после полуночи. Чувствуя, как скрипят ее задеревеневшие мышцы, она поднялась и заняла свой пост. На сей раз Форкосиган дал ей парализатор.

— Поблизости ничего не видно, — прокомментировал он, — но временами отсюда доносится какой-то жуткий шум. — Корделия сочла это вполне достаточным объяснением подобного жеста доверия.

Проведав Дюбауэра, она устроилась на валуне и устремила взгляд на темный склон горы. Где-то там, наверху, покоится в своей глубокой могиле Роузмонт. Он спасен от острых клювов мерзких трупоедов, но все равно обречен на медленное разложение. Затем ее мысли обратились к Форкосигану, почти невидимому в своем камуфляже у границы сине-зеленого света.

Загадка на загадке, вот что он такое. Определенно, он принадлежит к баррарской военной аристократии старой школы, ведущей безуспешную борьбу за власть с нарождающимся классом бюрократов. И хотя «ястребы» обеих партий исхитрились образовать несуразный, шаткий альянс, руководящий государством и контролирующий вооруженные силы, эти группировки по самой своей природе были естественными врагами. Император искусно удерживал хрупкий баланс власти между ними, но после смерти хитрого

старика Барраяр просто обречен на смутный период политического каннибализма, а может, и открытой гражданской войны — если только преемник старого властителя не проявит больше воли, чем от него ожидают. Она пожалела, что ей так мало известно о кровных связях и властвующей верхушке Барраяра. Она смогла вспомнить фамилию императора — Форбарра — и то лишь потому, что это имя было связано с названием планеты, а обо всем остальном имела весьма смутное представление.

Рассеянно положив руку на маленький парализатор, она поддразнила себя: кто здесь пленник, а кто — захватчик? Но нет, в одиночку ей не уберечь Дюбауэра в этих диких краях. Она должна раздобыть для него продукты и медикаменты, а поскольку Форкосиган предусмотрительно не сообщил ей, где именно находится его склад, барраярец просто необходим ей в качестве проводника. Кроме того, она дала ему слово. Любопытно, что Форкосиган принял ее обещание как достаточную гарантию — он сам явно привык опираться на эти понятия.

Наконец восток начал светлеть, медленно заливаясь розовыми, зелеными и золотыми красками — чуть более приглушенными, чем цвета вчерашнего феерического заката. Проснулся Форкосиган и помог ей отвести Дюбауэра к ручью умыться. Они снова позавтракали овсянкой и сырной заправкой. Ради разнообразия Форкосиган попытался перемешать оба блюда. Корделия не стала так рисковать, попробовав лишь чередовать кушанья. Никто не высказался по поводу меню.

Форкосиган повел их дальше на северо-запад, через красноватую песчаную равнину. В засушливый сезон эти места, должно быть, превращались в пустыню, но сейчас вся земля была ярко расцвечена зеленой и желтой свежей порослью и всевозможными полевыми цветами. «Жаль, что Дюбауэр их не замечает», — с грустью подумала Корделия.

После трех часов быстрого перехода они достигли первой на этот день преграды — скалистого каньона, по которому гнала свои мутные бежевые воды бурная река. Они подошли к краю обрыва, высматривая подходящий брод.

— Вон тот валун внизу шевелится, — внезапно заметила Корделия.

Форкосиган снял с пояса бинокль и посмотрел в указанном направлении.

— Вы правы.

с полдюжины светло-коричневых валунов на песчаной отмели при ближайшем рассмотрении оказались приземистыми толстоногими шестиногами, нежащимися на утреннем солнышке.

— Похоже, какие-то земноводные. Интересно, они хищники? — спросил Форкосиган.

— Какая жалость, что вы так рано прервали нашу экспедицию, — посетовала Корделия. — Я смогла бы ответить на все эти вопросы. А вон там еще несколько этих мыльных пузырей — Боже, я и не думала, что они могут достигать таких размеров, не теряя способности летать!

Стая крупных, около фута в диаметре, прозрачных как хрусталь шаров, парила над рекой словно связка потерявшихся воздушных шариков. Несколько шаров подплыли к шестиногам и плавно опустились на их спины, распластавшись на их холках, будто диковинные береты. Корделия позаимствовала бинокль, чтобы получше рассмотреть происходящее.

— Может, они как те птицы с Земли, собирающие паразитов на шкурах крупных животных? Ох. Нет, похоже, нет.

Шипя и неуклюже взбрыкивая тучными телами, шестиноги поднялись с песка и скользнули в воду. Пузыри, напоминавшие теперь бокалы с бургундским, надулись и поднялись в воздух.

— Шарики-вампиры? — предположил Форкосиган.

— Вероятно.

— Что за отвратительные создания.

У него был настолько возмущенный вид, что Корделия едва не рассмеялась.

— Вам ли осуждать их — вы же сами хищник.

— Осуждать, конечно, не могу, но общения с ними постараюсь избежать.

— Вот тут я с вами согласна.

Они продолжали идти вверх по течению, минуя бурлящий мутный водопад.

Прошагав еще около полутора километров, они достигли места слияния двух притоков и, отыскав самое мелкое место, двинули вброд к противоположному берегу. При переходе через второй поток Дюбауэр остушился и, вскрикнув, упал в воду.

Корделия судорожно вцепилась в мичмана и под тяжестью его веса тоже рухнула в воду; их тут же отнесло на глубокое место. Ее охватил ужас: что если течение унесет его? Там эти шестиноги... острые скалы... водопад! Не обращая внимания на то, что рот наполняется водой, она вцепилась в него обеими руками. Все, это конец...

Но тут она почувствовала, как некая сила потащила ее назад, преодолевая мощнейший натиск течения. Форкосиган, ухватив ее сзади за пояс, с изяществом портового грузчика выволок их обоих обратно на мелководье.

Слегка смущенная таким бесцеремонным обращением, но исполненная благодарности, Корделия кое-как поднялась на ноги и выпихнула кашляющего Дюбауэра на ближайшую отмель.

— Спасибо, — выдохнула она.

— Вы что, думали, я дам вам утонуть? — насмешливо осведомился Форкосиган, выливая воду из ботинок.

Корделия смущенно пожала плечами:

— Ну, по крайней мере без нас вы могли бы идти быстрее.

— Хм. — Он прочистил горло, но больше ничего не сказал. Они присели на близлежащей скале, подкрепились все той же овсянкой с сырной заправкой и, слегка обсушившись, снова двинулись в путь. Они прошли уже многие километры, хотя, казалось, ничуть не удалились от исполинской горы, высившейся справа от них. Дойдя до какого-то одному ему известного ориентира, Форкосиган повернул западнее, оставив гору за спиной, а солнце, клонившееся к закату, — впереди.

Они пересекли еще один поток. Выбравшись на другую сторону оврага, Корделия едва не споткнулась о красношкурого шестинога, неподвижно лежавшего в углублении и совершенно сливавшегося с окружающей средой. Это было изящное создание размером с небольшую собаку; оно тут же вскочило и помчалось по равнине грациозным галопом.

— Это же еда! — внезапно опомнилась Корделия.

— Парализатор, парализатор! — завопил Форкосиган, и она торопливо вручила ему оружие. Он упал на одно колено, прицелился и уложил животное с одного выстрела.

— О, классный выстрел! — восторженно воскликнула Корделия.

Обернувшись, Форкосиган сверкнул ей мальчишеской улыбкой и помчался за своей добычей.

— Ох, — пробормотала она, ошеломленная этой улыбкой. На мгновение его лицо словно солнцем осветилось. «О, сделай так еще, — мысленно взмолилась она, но тут же отогнала эту мысль. — Долг. Помни о долге».

Она последовала за ним к тому месту, где рухнуло животное. Форкосиган уже вытащил свой нож и теперь размышлял, с чего бы начать. Глотку своей добыче он перерезать не мог по причине отсутствия какой-либо шеи.

— Мозг расположен прямо за глазами. Наверное, следует ударить между первой парой лопаток, — предложила Корделия.

— Этого будет вполне достаточно, — согласился Форкосиган и последовал ее инструкциям. Животное дрогнуло и испустило дух. — Сейчас еще рано разбивать лагерь, но здесь есть вода и дрова для костра — сплавной лес, принесенный рекой. Но завтра нам придется пройти больше, — предупредил он.

Корделия глянула на охотничий трофей, думая о жарком.

— Хорошо.

Форкосиган поднял тушу на плечо и встал.

— Где ваш мичман?

Корделия огляделась — Дюбауэра нигде не было.

— О, Боже, — ахнула она и помчалась назад — к тому месту, где они стояли в момент выстрела. Нет Дюбауэра. Корделия подбежала к берегу.

Дюбауэр стоял у воды, зачарованно глядя вверх. А на его лицо медленно опускался огромный прозрачный пузырь.

— Дюбауэр, нет! — завопила Корделия и бросилась к нему, чуть ли не кубарем скатившись с высокого берега. Форкосиган одним прыжком опередил ее, и они понеслись к потоку. Пузырь опустился на лицо Дюбауэра и начал сплющиваться. Мичман с воплем вскинул руки.

Форкосиган подоспел первым. Он голыми руками вцепился в обмякшую тварь и одним рывком отодрал ее от лица Дюбауэра. В кожу Дюбауэра уже успела впитаться дюжина темных щупальцевидных отростков, растягивавшихся и лопавшихся по мере того, как вампира оттащивали от его жертвы. Швырнув чудовище на песок, Форкосиган начал топтать его ботинками, а спасенный мичман повалился наземь и свернулся калачиком. Он прижимал руки к лицу, и Корделии лишь с большим трудом удалось отвести их. Дюбауэр издавал странные хриплые звуки, его трясло. Очередной припадок, подумала она — и тут с ужасом поняла, что парнишка плачет.

Корделия положила его голову себе на колени, пытаясь унять сотрясающую его дрожь. Места, где щупальца проникли под кожу, почернели, кожа вокруг них покраснела и начала опасно вздвигаться. Самое неприятное пятно было в уголке глаза. Корделия потянула за один из оставшихся в коже отростков и почувствовала, что он жжет ее пальцы словно кислота. Вероятно, вся тварь целиком покрыта этим ядом — вон и Форкосиган склонился над водой, опустив в нее руки. Корделия быстро вытащила остатки щупалец и подозвала к себе баррарца.

— В вашей аптечке не найдется чего-нибудь подходящего?

— Только антибиотики.

Он выдал ей тюбик, и она нанесла немного мази на лицо Дюбауэра. Конечно, это не было настоящим противоожоговым средством, но придется обходиться тем, что есть. Форкосиган некоторое время глядел на Дюбауэра, потом неохотно достал небольшую белую таблетку.

— Это сильное обезболивающее. У меня таких всего четыре штуки. С ним он должен продержаться до вечера.

Корделия положила таблетку Дюбауэру под язык. Видимо, она была горькая, поскольку мичман попытался выплюнуть ее, но Корделии все же удалось заставить его проглотить лекарство. Всего через несколько минут она сумела поднять его на ноги и отвести к лагерю над песчаной отмелью.

Тем временем Форкосиган уже успел собрать внушительный штабель дров для костра.

— Как вы собираетесь разжечь его? — поинтересовалась Корделия.

— Когда я был маленьким мальчиком, нас учили разжигать огонь при помощи трения, — вспомнил Форкосиган. — В летнем лагере военной школы. Это было не так-то просто, почти весь день провозился. Если честно, то в конце концов я разжег его, закоротив энергоблок из выпотрошенного коммуникатора.

Он пошарил в своих карманах и ремне.

— Инструктор тогда просто взбесился. Наверное, это был его коммуникатор.

— У вас нет никаких химических зажигалок? — спросила Корделия, кивнув на его ремень, увешанный снаряжением.

— Предполагается, что когда вам необходимо тепло, вы стреляете из плазмотрона. — Он похлопал по пустой кобуре. — У меня есть другая идея. Довольно решительная мера, но зато весьма эффективная. Вам с вашим ботаником лучше присесть где-нибудь в сторонке — это будет довольно громко.

Он достал из кармашка в задней части пояса запасной энергоблок плазмотрона.

— Ой, — сказала Корделия, отступая подальше. — А вам не кажется, что это немного чересчур? И как быть с кратером? Он будет замечен с воздуха на расстоянии многих километров.

— А вы хотите сидеть и тереть две дощечки? Хотя с кратером действительно надо что-то делать.

Немного поразмыслив, он направился к реке, скрывшись за краем высокого берега. Корделия села рядом с Дюбауэром, обхватила его за плечи и пригнулась, предвкушая грандиозное зрелище.

Форкосиган стремглав вылетел из-за края обрыва и бросился наземь, откатившись в сторону. А через мгновение все озарилось ослепительной бело-голубой вспышкой, и взрыв сотряс землю. Огромный столб дыма, пара и пыли взметнулся в воздух, и с неба дождем посыпались галька, грязь и кусочки оплавленного песка. Форкосиган вновь скрылся за кромкой берега и вскоре вернулся с пылающим факелом.

Корделия выглянула за кромку, оценивая последствия взрыва. Форкосиган поместил закороченный энергоблок в сотне метров выше по течению, у внешнего края излуины, где быстрая речка сворачивала к востоку. Взрыв оставил впечатляющий остекленевший кратер метров пятнадцати в диаметре и глубиной в пять. Тот все еще дымился. На ее глазах поток размыл тонкую перемышку и хлынул внутрь кратера, поднимая клубы пара. Не пройдет и часа, как течение оставит на его месте лишь естественную на вид заводь.

— Неплохо, — пробормотала она одобительно.

К тому времени, когда костер прогорел до угольев, они уже приготовили к жарке кусочки темно-красного мяса, нанизанного на палочки.

— Какое жаркое предпочитаете? — спросил Форкосиган. — С кровью? Среднепрожаренное?

— Пожалуй, лучше пропечь его как следует, — ответила Корделия. — Мы еще не закончили исследование на предмет паразитов.

Форкосиган опасливо глянул на шашлык.

— А, конечно, — произнес он уже без всякого энтузиазма.

Тщательно прожарив свой ужин, они расселись вокруг костра и с чисто дикарским удовольствием впились в дымящиеся кусочки мяса. Даже Дюбауэр, соблазненный божественным ароматом, самостоятельно подцепил себе несколько ломтиков. Мясо получилось жестковатым, обуглившимся снаружи, и вдобавок имело горьковатый привкус, однако никто не предложил приправить блюдо овсянкой или рокфором.

Корделия находилась в смятенных чувствах. Ее спутник сидел перед огнем — мокрый, грязный, на комбинезоне пятна крови после разделки туши — впрочем, и ее одежда тоже заляпана. Он оброс трехдневной щетиной, в отсветах костра его лицо лоснилось от жира шестинога, и от него разило высохшим потом. Корделия подозревала, что сама выглядит не лучше — за вычетом щетины, разумеется — и воняет от нее так же. Она необычайно остро ощутила близость его тела, мускулистого, компактного, удивительно мужественного. В ней проснулись чувства, которые, как ей казалось, она сумела полностью подавить. Лучше думать о чем-нибудь другом...

— От космонавтов до пещерных людей за три дня, — подумала она вслух. — И с чего мы взяли, будто наша цивилизация — в нас самих, когда на самом деле она заключается в вещах, которыми мы окружаем себя?

Криво улыбнувшись, Форкосиган глянул на заботливо ухоженного Дюбауэра.

— Вам, похоже, удастся сохранить свою цивилизацию в себе.

Корделия неловко покраснела, радуясь, что в оранжевых отблесках костра это не так заметно.

— Каждый делает то, что велит ему долг.

— Для некоторых долг — гораздо более растяжимое понятие. Или... вы были влюблены в него?

— В Дюбауэра? Господи, нет! Я же не растлитель малолетних. Просто он был хорошим

пареньком. Я бы хотела вернуть его домой, к семье.

— А у вас есть семья?

— Конечно. Дома, на Колонии Бета, у меня мама и брат. Мой отец тоже служил в Экспедиции.

— Он был одним из тех, что не вернулись?

— Нет, он погиб при аварии в космопорте, меньше чем в десяти километрах от дома. Он был дома в отпуске и как раз отправлялся обратно.

— Мои соболезнования.

— О, это было давным-давно. — «Сдается мне, он нарочно переводит разговор на личные темы», — подумала Корделия. Но это все же лучше, чем сопротивляться военному допросу. Она от всей души надеялась, что беседа не затронет кое-каких щекотливых вопросов — например, последних технических новинок Беты. — А вы? У вас есть семья? — Она внезапно осознала, что это вежливый вариант вопроса «Женаты ли вы?»

— Мой отец жив. Он граф Форкосиган. А моя мать... знаете, ведь она была наполовину бетанкой, — неуверенно поделился барраярец.

Корделия решила, что если по-военному немногословный Форкосиган кажется довольно грозным, то Форкосиган, пытающийся быть любезным, нагоняет прямо-таки панический ужас. Но любопытство пересилило желание прервать опасный разговор:

— Какая необычная история. Как это случилось?

— Мой дед с материнской стороны, принц Ксав Форбарра, был дипломатом. В юности, еще до Первой Цетагандийской Войны, он служил послом на Колонии Бета. Кажется, моя бабка работала в вашем министерстве межзвездной торговли.

— Вы хорошо ее знали?

— После того, как моя мать... умерла, и закончилась гражданская война Юрия Форбарры, я несколько раз гостил на каникулах в столичной резиденции принца. Правда, он не ладил с моим отцом — и до, и после войны: они принадлежали к разным политическим партиям. В те времена Ксав был путеводной звездой прогрессистов, а мой отец был — и остается — приверженцем старой военной аристократии.

— Ваша бабушка была счастлива на Барраяре? — Корделия прикинула, что школьные годы Форкосигана закончились лет тридцать назад.

— По-моему, она так и не сумела до конца приспособиться к нашей жизни. Ну и конечно, война Юрия... — Он немного помолчал, потом заговорил снова. — Люди с других планет — в особенности вы, бетанцы, — представляют себе Барраяр как некий монолит. Не знаю, право, почему. На самом деле у нас крайне разобщенное общество. Правительству вечно приходится бороться с центробежными тенденциями.

Форкосиган наклонился вперед и подбросил в костер сухую ветку. Искры взметнулись вверх, словно вихрь крошечных оранжевых звездочек, плывущих домой, в небо. Корделии вдруг мучительно захотелось улететь вместе с ними.

— А к какой партии принадлежите вы? — спросила она, надеясь перевести разговор в менее личностное русло. — Вы поддерживаете отца?

— Пока он жив. Я всегда хотел быть солдатом, и избегать всяческих партий. У меня отвращение к политике: она погубила мою семью. Но пора кому-то взяться за этих чертовых бюрократов и их согладатаев. Они воображают себя могучей волной, несущейся к будущему, хотя на самом деле они всего лишь сточная вода, катящаяся под уклон.

— Если вы так же откровенно высказываетесь у себя дома, неудивительно, что политика следует за вами по пятам. — Она разворошила палкой костер, отправив в странствие новую стайку искр.

Благодаря болеутоляющему Дюбауэр быстро уgomонился и заснул, но Корделия долго лежала без сна, вспоминая их удручающую беседу. Ну какое ей, в сущности, дело, если этот барраярец хочет лезть в петлю? У нее нет причин ввязываться в это. Никаких причин. Абсолютно. Даже если его квадратные крепкие ладони — само олицетворение силы...

Глубокой ночью ее разбудил какой-то шум. Но это был всего лишь треск костра, в который Форкосиган только что подбросил целую связку дров. Корделия села, моргая и шурясь, и он подошел к ней.

— Хорошо, что вы проснулись. Вы нужны мне. — Он вложил ей в руку свой боевой нож. — Похоже, эта туша кого-то приманила. Я намереваюсь сбросить ее в реку. Вы поддержите факел?

— Конечно. — Она потянулась, встала, нашла подходящую для факела ветку и, протирая глаза, поплелась за ним к воде. Мерцающее оранжевое пламя отбрасывало беспокойные черные тени: разглядеть что-либо при таком освещении было еще сложнее, чем в ровном свете звезд. Когда они достигли берега, Корделия уловила краем глаза какое-то движение среди камней. Оттуда раздалось царапанье и знакомое шипение.

— Ух ты. Там, выше по течению, слева — компания «крабов»-трупоедов.

— Ясно.

Форкосиган зашвырнул остатки их ужина в середину реки, где они исчезли с глухим бульканьем. Послышался еще один всплеск — более громкий. «Ага! — подумала Корделия. — Я видела, ты тоже подскочил, баррарец». Но то, что плеснуло по воде, на поверхность больше не вынырнуло, и разбегающиеся круги были подхвачены течением. Снова раздалось шипение и душераздирающий визг — теперь уже ниже по течению. Форкосиган вскинул парализатор.

— Там их целая стая, — нервно прокомментировала Корделия. Они встали спиной к спине, пытаясь разглядеть сквозь мрак приближающуюся опасность. Форкосиган положил ствол парализатора на запястье левой руки, тщательно прицелился и выстрелил. Оружие тихо зажужжало, и один из темных силуэтов повалился наземь. Приятели удивленно обнюхали его и снова двинулись вперед.

— Жаль, что ваш парализатор стреляет так тихо. — Он снова прицелился и уложил еще двоих, однако на остальных это не произвело никакого впечатления. Он прочистил горло. — Знаете, аккумулятор почти на исходе.

— Не хватит на остальных, а?

— Не хватит.

Один из трупоедов, посмелее, ринулся вперед. Форкосиган с громким криком бросился ему навстречу, и зверь на время отступил. Эта равнинная разновидность трупоедов была чуть крупнее и, хотя это казалось невозможным, еще уродливее своих горных собратьев. По всей видимости, эти вдобавок еще и сбивались в большие стаи. Круг тварей все сжимался, отрезая путь к отступлению.

— О, ч-черт, — пробормотал Форкосиган. — Похоже, нам крышка. — Сверху неслышно опускалась дюжина призрачных шаров. — Какая гнусная смерть. Что ж, если погибать, так давайте захватим с собой как можно больше этих гадов. — Он поглядел на нее, словно собираясь сказать что-то еще, но лишь покачал головой и приготовился к драке.

У Корделии сжалось сердце. Она взглянула на спускающиеся шары, и тут ее осенила гениальная догадка.

— О, нет, — выдохнула она. — Это не конец. Это наш родной флот летит на подмогу. Летите сюда, мои сладкие, — ласково поманила она их. — Летите к мамочке.

— Вы спятили? — изумился Форкосиган.

— Вы хотели шума? Будет вам шум. Как по-вашему, что удерживает этих тварей в воздухе?

— Не задумывался об этом. Но, наверное, это должен быть...

— Водород! Готова спорить на что угодно, что эти миленькие вампирчики — живые электролизеры. Заметили, как они вечно крутятся возле рек и водопадов? Жалко, у меня нет перчаток.

— Позвольте мне, — его улыбка сверкнула ей из темноты, слабо озаренной мятущимся

пламенем факела. Он подпрыгнул, ухватил один из пузырей за извивающиеся бордовые щупальца и швырнул его на землю перед приближающимися трупоедами. Держа факел наподобие рапиры, Корделия сделала быстрый выпад, вложив в него всю силу. Посыпались искры. Она ткнула второй раз, третий...

Пузырь взорвался вспышкой ослепительного пламени, опалившего ей брови. Громовой хлопок, и одновременно — волна невообразимой вони. Яркий свет ослепил Корделию, перед глазамиплыли зеленые и оранжевые пятна. Она повторила этот прием на еще одном пойманном Форкосиганом пузыре. У одного из трупоедов загорелся мех, и он с шипением и визгом возглавил всеобщее бегство. Корделия ткнула факелом парящий в воздухе шар. Он взорвался, осветив всю долину и горбатые спины убегающих тварей.

Форкосиган отчаянно хлопал ее по спине; только уловив запах, она поняла, что подпалила собственные волосы. Он потушил их. Пузыри взмыли вверх и исчезли в темноте — все, кроме одного, который Форкосиган поймал и удерживал сейчас, наступив на его щупальца.

— Ха! — ликующая Корделия закружилась вокруг него в воинственной пляске. От переизбытка адреналина ей хотелось глупо захихикать. Она глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться.

— Как ваша рука?

— Слегка обжег, — признался Форкосиган. Сняв рубашку, он завернул в нее вонючий пульсирующий шар. — Он может нам еще пригодиться.

Он еще раз пополоскал руку в воде, и они бегом вернулись к лагерю. Ничем не потревоженный Дюбауэр спокойно спал, хотя уже через несколько минут после их прихода на краю освещенного костром круга объявился трупоед-одиночка. Шипя и принюхиваясь, он начал подбираться ближе. Форкосиган отогнал его факелом, ножом и руганью. Ругался он шепотом, чтобы не разбудить мичмана.

— Я думаю, остаток пути нам лучше продержаться на сухом пайке, — сказал он, возвращаясь.

Корделия кивнула в знак полного согласия.

Как только забрезжил серый рассвет, Корделия разбудила мужчин. Теперь ей не меньше, чем Форкосигану, хотелось как можно скорее добраться до безопасного убежища на барраярском складе. Пузырь, плененный в рубашке Форкосигана, за ночь умер и сдулся, превратившись в кошмарный студенистый комок. Форкосигану пришлось потратить несколько минут на стирку в реке, но несмотря на его усилия, рубашка так провоняла и пошла такими пятнами, что Корделия тут же присудила ее владельцу титул бесспорного чемпиона в негласном соревновании «кто грязнее». Они быстро перекусили надоевшей, но безопасной овсянкой с сыром, и с восходом солнца отправились в путь, отбрасывая перед собой длинные тени, скользившие по ржавой, усыпанной цветами равнине.

Незадолго до полуденного привала Форкосиган объявил короткую остановку и скрылся в зарослях кустарника. Через несколько секунд оттуда донеслись изощренные проклятия, а следом за ними появился и сам Форкосиган. Он прыгал с ноги на ногу, словно пытаясь вытряхнуть что-то из штанов. Корделия встретила его невинно-вопросительным взглядом.

— Помните те светло-желтые конусы на песке, которые нам тут попадались? — спросил Форкосиган, расстегивая брюки.

— Да...

— Не становитесь на них, если соберетесь пописать.

Корделии не удалось подавить смех.

— Что вы обнаружили? Или мне следовало спросить, кто обнаружил вас?

Форкосиган вывернул свои штаны наизнанку и начал обирать с них крошечные белые шарики, сновавшие в складках ткани на ножках-ресничках. Корделия взяла один и положила на ладонь, чтобы рассмотреть поближе. Это была еще одна разновидность пузырей — подземная.

— Ой! — воскликнула она, когда насекомое впилося ей в ладонь. Она поспешно

смахнула его с руки.

— Кусается, да? — огрызнулся Форкосиган.

В ней начала подниматься волна неудержимого смеха, но она была спасена от потери самоконтроля, когда заметила нечто, мгновенно заставившее ее посерьезнеть.

— Эй, эта царапина неважно выглядит, вам не кажется?

След от клюва трупоеда, оставшийся с той ночи, когда они хоронили Роузмонта, распух и посинел, от него до самого колена тянулись красные полосы.

— Ерунда, — отрезал Форкосиган, натягивая очищенные от паразитов брюки.

— Выглядит совсем как не ерунда. Дайте мне посмотреть.

— Вы все равно здесь ничего не сможете сделать, — запротестовал он, но согласился на краткое обследование.

— Довольны? — саркастически осведомился он, натягивая брюки.

— Жаль, что ваши микробиологи не смогли составить мазь получше, — Корделия пожала плечами. — Но вы правы. Сейчас мы ничего не можем сделать.

Они поплелись дальше. Теперь Корделия наблюдала за ним гораздо более внимательно.

Время от времени он начинал прихрамывать, стараясь уменьшить нагрузку на больную ногу, но затем замечал ее взгляд, и переходил на решительный марш. Но к концу дня от отбросил притворство и уже откровенно хромал. Несмотря на это он продолжал вести их вперед — и когда солнце уже склонилось к закату, и когда заалела вечерняя заря, и когда сгустились ночные сумерки, — пока наконец изрытая кратерами гора, служившая им ориентиром, не встала перед ними черной тенью. Лишь тогда, спотыкаясь в темноте, он объявил привал на ночь. Корделия была очень рада, поскольку Дюбауэр уже совсем выбился из сил, тяжело опирался на нее и все норовил прилечь. Они устроились на ночлег там, где остановились, прямо на красной песчаной земле. Форкосиган надломил люминофор и встал на свою обычную вахту. А Корделия лежала на земле и созерцала недостижимые звезды, вершившие свой путь в небесной вышине.

* * *

Форкосиган попросил разбудить его до рассвета, но она дала ему отоспаться. Ей не нравился его вид: бледность сменялась лихорадочным румянцем, а дыхание стало частым и неровным.

— Может, вам лучше принять ваше обезболивающее? — спросила она его, когда он встал, с трудом опираясь на еще более распухшую ногу.

— Нет еще. Я приберегу его на конец пути. — Вместо этого он срезал себе длинную палку, и трое путников снова зашагали вперед. Теперь это стало для них каждодневной задачей — шагать из утра в вечер, покуда их собственные тени не останутся у них за спиной.

— Долго нам еще идти? — спросила Корделия.

— Примерно день-полтора, в зависимости от того, как пойдём. — Он скривился. — Не волнуйтесь, вам не придется тащить меня. Я один из самых тренированных людей в моем экипаже. — Он похромал дальше. — Из тех, кому за сорок.

— А много в вашем экипаже сорокалетних?

— Четверо.

Корделия фыркнула.

— Все равно, если потребуется, у меня в аптечке есть стимулятор, который даже мертвого поднимет. Но его я тоже хочу приберечь на крайний случай.

— Ждете каких-нибудь неприятностей?

— Зависит от того, кто примет мой сигнал. Я знаю, что у Раднова — моего политофицера — есть по крайней мере двое агентов среди связистов. — Он сжал губы, снова испытующе поглядев ее. — Видите ли, я не думаю, что это всеобщий мятеж. Скорее, импровизированная попытка убийства. Раднов и еще несколько офицеров решили втихую избавиться от меня и спрятать концы в воду, свалив все на вас, бетанцев. Если я прав, то на

корабле все сейчас считают меня убитым. Все, кроме одного.

— Кого именно?

— Хотел бы я знать. Того, кто стукнул меня по голове и спрятал в папоротниках, вместо того чтобы перерезать мне глотку и сбросить в ближайшую расщелину. Похоже, в группе у лейтенанта Раднова есть мой сторонник. И все же — будь этот тип действительно верен мне, ему стоило только слово сказать Готтиану, моему первому помощнику, и тот мигом выслал бы патруль подобрать меня. Так кто среди моего экипажа настолько запутался, что предает сразу обе стороны? Или я что-то упустил?

— Может, они до сих пор преследуют мой корабль, — предположила Корделия.

— Где сейчас ваш корабль?

Сейчас уже можно быть откровенной, прикинула Корделия: теперь это уже не стратегический, а чисто отвлеченный вопрос.

— Ну, наверное, на пути к Колонии Бета.

— Если только их не поймали.

— Нет. Когда я с ними разговаривала, они уже вышли из вашей зоны обстрела. Может, они и не вооружены, но скорость у них такая, что они могут круги наматывать вокруг вашего боевого крейсера, и тот все равно их не достанет.

— Хм, пожалуй.

«А он совсем не удивлен, — заметила Корделия. — Могу поспорить, что он читал такие доклады о наших секретных разработках, от которых всю нашу контрразведку удар бы хватил».

— И как долго они будут его преследовать?

— Это решать Готтиану. Если он сочтет, что надежды захватить их нет, то вернется на пограничную станцию. В противном случае он приложит все усилия для того, чтобы захватить ваш корабль.

— Почему?

Он искоса глянул на нее.

— Я не в праве обсуждать это.

— Не понимаю, почему бы и нет. В ближайшем будущем мне не светит ничего, кроме барраярской тюремной камеры. Забавно, как меняются воззрения на жизнь. После этого вояжа даже тюрьма покажется верхом роскоши.

— Я постараюсь, чтобы до этого не дошло, — улыбнулся он.

Его глаза тревожили ее, да и улыбка тоже. Его краткие и язвительные выпады она могла парировать напускной беззаботностью, защищаясь, как фехтовальщик рапирой. Но как отразить его доброту? Это ведь все равно что воевать с морем: ее выпады смягчаются и теряют всю свою силу. Она вздрогнула, чуть отшатнувшись. Его улыбка тут же погасла, и лицо снова сделалось замкнутым и мрачным.

ГЛАВА 3

Наскоро позавтракав, они некоторое время шли молча. Форкосиган первым нарушил молчание — похоже, лихорадка подточила его сдержанность.

— Поговорите со мной. Это отвлечет меня от моей ноги.

— О чем?

— О чем угодно.

Она задумалась.

— Как по-вашему, есть разница между командованием обычным кораблем и военным?

— Разница не в корабле, а в людях, — подумав, ответил он. — Лидерство — это главным образом власть над воображением людей, а в бою это проявляется ярче всего. В одиночку даже самый отчаянный храбрец — всего лишь вооруженный псих. Настоящая сила — в способности заставить других выполнять твою работу. И это справедливо даже в отношении флотов Колонии Бета, вы не находите?

Корделия улыбнулась.

— Наверное, даже в большей степени. Если бы мне пришлось подкреплять свою власть силой, то это означало бы, что я уже потеряла эту власть. Я предпочитаю ненавязчивый стиль. В этом у меня есть преимущество, поскольку я всегда могу сохранять терпение — или еще что-то — чуть дольше остальных. — Она окинула взглядом весеннюю пустыню. — Я думаю, цивилизация была изобретена ради выгоды женщин, в особенности матерей. Не представляю, как моим пещерным предкам удавалось заботиться о семьях в таких примитивных условиях.

— Наверное, они действовали совместно, целыми группами, — предположил Форкосиган. — Готов поспорить, вы сами отлично справились бы с этим, будь вы рождены в ту эпоху. Вы обладаете качествами, которых ожидаешь от матери воинов.

Он, наверное, шутит, подумала Корделия. Это у него, надо думать, такое своеобразное сдержанное чувство юмора.

— Нет уж, увольте! Восемнадцать-двадцать лет вкладывать всю свою жизнь в сыновей, чтобы в конце концов правительство забрало их у меня и извело на ликвидацию очередного политического провала — нет, спасибо.

— Никогда не смотрел на это с такой точки зрения, — признался Форкосиган. Некоторое время он шел молча, тяжело опираясь на свою палку. — А если они идут добровольно? Разве у вашего народа нет идеалов служения родине?

— Положение обязывает? — Но теперь и она умолкла, слегка смутившись. — Наверное, если добровольно, это совсем другое дело. Как бы то ни было, детей у меня нет, так что мне, к счастью, не придется сталкиваться с этой проблемой.

— Вы рады или жалеете?

— Что нет детей? — Она быстро взглянула ему в лицо. Похоже, он не заметил, что задел самое больное место. — Наверное, не судьба.

Они начали пробираться по каменистому плато, где под ногами то и дело внезапно разверзались расщелины, и нить разговора прервалась. Все внимание Корделии было сосредоточено на том, чтобы не дать Дюбауэру куда-нибудь свалиться. Добравшись до края пустоши, они по взаимному молчаливому соглашению остановились на привал, устало привалившись к скале. Форкосиган подвернул штанину и расшнуровал ботинок, чтобы осмотреть загноившуюся рану, грозившую лишить его возможности передвигаться.

— По-моему, вы довольно опытная медсестра. Как считаете — может, стоит вскрыть нарыв и промыть его? — спросил он Корделию.

— Не знаю. Боюсь, если трогать его, то есть риск занести туда новую грязь. — Она догадалась, что теперь рана беспокоит его гораздо сильнее, раз он заговорил о ней. Ее подозрения тут же подтвердились: он принял половину таблетки болеутоляющего из своего драгоценного и весьма ограниченного запаса.

Они зашагали дальше, и Форкосиган снова принялся болтать. Он рассказал несколько едких анекдотов о своей кадетской юности, затем подробно расписал своего отца, который в свое время был генералом, командовавшим всеми сухопутными войсками, и вдобавок личным другом хитрого старика — нынешнего императора. В воображении Корделии возник смутный, далекий образ строгого отца, которому юный сын, как ни старался, никак не мог угодить; но тем не менее их крепко связывала главная общая черта — преданность. Она рассказала о своей матери, настырном медицинском специалисте, которая из всех сил сопротивлялась отставке, и о брате, недавно купившем разрешение на второго ребенка.

— Вы хорошо помните свою мать? — спросила Корделия. — Насколько я поняла, она умерла, когда вы были еще ребенком. Несчастный случай, как с моим отцом?

— Не случай. Политика. — Он сразу посерьезнел, лицо стало отчужденным. — Вы разве не слышали о Резне Юрия Форбарры?

— Я... мало что знаю о Барраyre.

— А, понятно. Так вот, император Юрий на последней стадии своего безумия стал чрезвычайно подозрительно относиться к собственной родне. Что ж, в конце концов это

пророчество претворило в жизнь самое себя. Однажды ночью он выслал сразу несколько отрядов убийц. Взвод, отправленный за принцем Ксавом, не сумел пробиться сквозь его охрану. И по какой-то неясной причине он не послал убийц к моему отцу — вероятно, потому, что тот не был потомком императора Дорки Форбарры. Не представляю, чего хотел добиться Юрий, убивая мою мать и оставляя отца в живых. Ведь после этого отец перешел со своими войсками на сторону Эзара Форбарры в начавшейся гражданской войне.

— Ох. — Горло у нее пересохло от послеполуденного пыльного воздуха. Воспоминания заставили его похолодеть, и пот, проступивший на его лбу, внезапно показался Корделии каплями конденсата на ледяной поверхности.

— Я все думал... Вы вот говорили о том, какие странные вещи люди вытворяют в панике, и я вспомнил об этом. Не думал об этом уже много лет. Когда люди Юрия разнесли дверь...

— Господи, так вы были там?

— О да. Я тоже был в их списке, разумеется. Каждому из убийц предназначалась конкретная жертва. Тот, что пришел за моей матерью... Я схватил этот ножик — тупой столовый ножик, лежавший рядом с тарелкой — и ударил его. Но ведь рядом на столе лежал отличный разделочный нож. Если бы я схватил его... а так... С таким же успехом я мог бы ударить его ложкой. Он просто поднял меня в воздух и швырнул через всю комнату...

— Сколько вам было лет?

— Одиннадцать. К тому же я был маленьким для своих лет. Всегда был меньше своих сверстников. Он оттеснил ее к дальней стене. Он выстрелил из... — Форкосиган со свистом втянул в себя воздух и закусил нижнюю губу, стиснув ее зубами едва не до крови. — Удивительно, сколько подробностей снова возвращается, когда заговариваешь о чем-то. А я-то думал, что уже почти все забыл.

Он заметил, как она побледнела, и виновато произнес:

— Я расстроил вас своей болтовней. Простите. Это было много лет назад. Сам не знаю, отчего так много говорю.

«Зато я знаю», — подумала Корделия. Он был бледен и больше не потел, несмотря на жару. Почти неосознанно он застегнул воротник рубашки. Его знобит, подумала она; температура повышается. Насколько? Да вдобавок еще эффект этих таблеток, каким бы он ни был. Это будет просто кошмар.

Какой-то смутный импульс заставил ее сказать:

— Я знаю, что вы имеете в виду, говоря о том, что воспоминания возвращаются от разговоров. Я помню, как катер пулей неся вверх, и мой брат махал рукой, хотя это было глупо, потому что он все равно не мог нас видеть... а потом в небе вспыхнула ослепительная полоска света, словно засияло второе солнце, и посыпался огненный дождь. И это глупое ощущение полного осознания происшедшего. Ждешь, пока наступит шок и заглушит боль — но он так и не наступает. А затем упала пелена. Много дней стояла перед глазами — даже не тьма, а все то же серебристо-пурпурное свечение. Я почти забыла о том, что ослепла тогда. Только теперь снова вспомнила.

Он уставился на нее.

— Именно это я и собирался сказать. Он выстрелил ей в живот акустической гранатой. Я потом очень долго ничего не слышал. Словно все звуки перешли за порог чувствительности. Остался лишь сплошной шум, еще более бессмысленный, чем тишина.

— Да... — «Как странно, он совершенно точно знает, что я чувствовала тогда. Хотя он объяснил это лучше, чем я...»

— Кажется, именно тогда я твердо решил стать солдатом. Я имею в виду настоящую военную службу — не парады и блеск униформы, а четкую организацию, нападательное преимущество, скорость и внезапность — словом, власть. Быть подготовленнее, сильнее, проворнее, опаснее и злее любого из тех мерзавцев, что ворвались тогда в ту дверь. Мой первый боевой опыт. Не слишком удачный.

Теперь его трясло. Хотя, справедливости ради надо заметить, и ее саму пробрала

дрожь. Они продолжили путь, и она решила сменить тему разговора.

— Я ни разу не была в бою. На что это похоже?

Он задумчиво помолчал. «Опять оценивает, изучает меня», — подумала Корделия. Он начал потеть — благодарение небесам, жар на время отступает.

— На расстоянии, в космосе, возникает иллюзия чистой и славной битвы. Почти абстракция. С таким же успехом это может быть компьютерная модель боя или игра. Реальность прорывается сквозь иллюзию лишь тогда, когда твой корабль подбит. — Он всмотрелся в расстилающуюся впереди пустошь, словно выбирая путь — хотя грунт здесь был ровный. — Убийство... с убийством все иначе. В тот день на Комарре, когда я убил своего политофицера... я был еще более взбешен, чем... чем в тот, другой раз. Но вблизи, когда чувствуешь, как под твоими руками улетучивается чья-то жизнь, видишь это пустое безжизненное тело, в лице своей жертвы ты видишь свою собственную смерть. Но все же он предал мою честь.

— Я не уверена, что понимаю вас.

— Да. Похоже, гнев делает вас сильнее, а не слабее, как меня. Хотел бы я знать, как вам это удается.

Вот еще один из этих его странных комплиментов. Как на них реагировать?

Она умолкла и уставилась на свои ботинки, затем устремила взгляд на возвышавшиеся впереди горы, на небо — куда угодно, только бы не на его непроницаемое лицо. Поэтому она первая заметила в небе реактивный след, высвеченный лучами клонящегося к закату солнца.

— Эй, там катер! Часом, не вас разыскивают?

— Наверняка. Давайте-ка укроемся под этим большим кустом и понаблюдаем за ним, — распорядился Форкосиган.

— Разве вы не хотите попробовать привлечь их внимание?

— Нет. — В ответ на ее вопросительный взгляд он повернул руку ладонью вверх. — И мои лучшие друзья, и самые смертельные враги носят одну и ту же форму. Я предпочел бы оповестить о моем присутствии лишь определенных людей.

Они могли слышать удаляющийся рев двигателей — катер умчался на запад, скрывшись за поросшей темно-зеленым лесом горой.

— Похоже, они направляются к складу, — прокомментировал Форкосиган. — Это усложняет дело. — Он сжал губы. — Интересно, зачем они вернулись? Возможно, Готтиан нашел мой пакет с секретными приказами?

— Ну, ему ведь должны достаться все ваши бумаги.

— Да, но я обычно прячу свои документы: не хочу оповещать кого попало о своих делах с Советом Министров. Сомневаюсь, чтобы Корабик Готтиан мог отыскать то, что ускользнуло от Раднова. Раднов — толковый шпион.

— Раднов — высокий широкоплечий тип с узким, будто лезвие топора, лицом?

— Нет, это описание больше подходит сержанту Ботари. Где вы его видели?

— В лесу над ущельем. Это он тогда стрелял в Дюбауэра.

— О, вот как? — глаза Форкосигана вспыхнули, и он по-волчьи ухмыльнулся. — Это многое объясняет.

— Не для меня, — напомнила Корделия.

— Сержант Ботари — очень странный человек. Мне пришлось довольно строго наказать его месяц назад.

— Настолько строго, что он мог стать участником заговора Раднова?

— Готов поспорить, что Раднов так и подумал. Не уверен, что смогу объяснить вам, что за тип этот Ботари. Этого никто не понимает. Он отличный солдат, в рукопашной ему нет равных. Меня он на дух не переносит, как выразились бы вы, бетанцы. Ему нравится меня ненавидеть. Видимо, это льстит его самолюбию.

— Мог он выстрелить вам в спину?

— Никогда. Врезать по физиономии — пожалуйста. По правде говоря, именно за это он и был наказан в тот раз. — Форкосиган задумчиво потер подбородок. — Но вооружить его

до зубов и оставить у себя за спиной в бою можно не колеблясь.

— Похоже, он просто форменный псих.

— Знаете, многие люди говорят то же самое. Но мне он нравится.

— И вы еще говорите, будто это мы, бетанцы, устраиваем из жизни цирк!

Форкосиган пожал плечами, немало позабавленный последней репликой.

— Ну, всегда полезно потренироваться с кем-то, кто не боится сделать тебе больно.

Пережить очередную схватку с Ботари на ринге — это значит снова почувствовать остроту жизни. Хотя я все же предпочитаю, чтобы эта сторона наших взаимоотношений ограничивалась спортивным залом. Могу себе представить: Раднов втянул Ботари в этот заговор, даже не разобравшись толком в его убеждениях... Ведь сержант кажется как раз таким типом, которому можно поручить грязную работу — ей-богу, готов поспорить, что именно так Раднов и сделал! Молодчина Ботари.

Корделия поглядела на Дюбауэра, безучастно стоявшего рядом с ней.

— Боюсь, что не могу разделить ваш энтузиазм. Он чуть не убил меня.

— Я и не утверждаю, что он гигант мысли или оплот нравственности. Он — очень сложная личность с крайне небогатым диапазоном выражения чувств, и в жизни ему пришлось нелегко. Но на свой извращенный лад он весьма достойный человек.

Почти незаметно земля у них под ногами пошла на подъем — они уже приблизились к подножию горы. Перемена была отмечена постепенным наступлением растительности: редкий лесок подпитывался множеством маленьких ручейков из тайных источников горы. Родники били на южном склоне, огибая подножие пыльного зеленого пика высотой километра в полтора, круто вздымающегося над более пологим основанием горы.

Волоча за собой спотыкающегося Дюбауэра, Корделия в тысячный раз мысленно проклинала выбор оружия баррарцев. Когда мичман упал, рассадив себе лоб, ее горечь и раздражение вырвались наружу.

— Ну какого черта вы не желаете пользоваться цивилизованным оружием? Я бы скорее доверила нейробластер шимпанзе, чем баррарцу. Вам бы только палить, головорезы безмозглые. — Очухавшийся Дюбауэр сел, Корделия вытерла ему кровь грязным платком и присела рядом с ним.

Форкосиган неловко опустился на землю напротив них, осторожно вытянув перед собой больную ногу, выражая таким образом молчаливое согласие с идеей устроить привал. Он взглянул в ее напряженное, несчастное лицо и решил ответить на риторический вопрос со всей серьезностью.

— Я испытываю неприязнь к парализаторам: в подобных ситуациях они часто оказываются бесполезны, — задумчиво произнес он. — Любой, не задумываясь, бросается под его выстрел, так что если противников много, вас в конце концов обезоружат. Я видел, как люди погибали из-за того, что полагались на парализатор, хотя вполне могли бы остаться в живых, будь у них при себе нейробластер или плазмотрон. Нейробластер обладает реальной властью.

— Зато можно не колебаться, применяя парализатор, — многозначительно заметила Корделия. — Ошибка вполне поправима.

— А что, вы бы колебались, применяя бластер?

— Да. Я вообще вряд ли взяла б его в руки.

— А, вот как.

Меж тем ее одолело любопытство:

— А каким образом им удалось убить того человека из парализатора?

— Не из парализатора. Его обезоружили и забили ногами до смерти.

— Ох. — желудок Корделии сжался. — Надеюсь, он... он не был вашим другом.

— Представьте себе, был. И он разделял ваше отношение к оружию. Мягкотелость. — Он нахмурился, глядя вдаль.

Они с трудом поднялись на ноги и побрели дальше через лес. Баррарец попытался помочь ей с Дюбауэром, но мичман в ужасе шарахался от него, да и больная нога тоже

порядком мешала, так что ему пришлось отказаться от этой затеи.

После этого Форкосиган замкнулся в себе и стал куда менее разговорчив. Похоже, теперь все его внимание было сосредоточено на том, чтобы заставить себя сделать очередной шаг вперед. Он начал бормотать что-то себе под нос. Корделия с ужасом представила себе, как он теряет сознание и начинает бредить... Вряд ли ей самой удастся отыскать среди членов его экипажа верного человека. Очевидно, что ошибка в суждении может оказаться смертельной. И хотя нельзя сказать, что все баррарейцы казались ей одинаковыми, она невольно вспомнила старую загадку, начинавшуюся со слов «все критяне — лжецы».

Ближе к закату, когда они пробились сквозь участок густых зарослей, их взору внезапно предстала поляна удивительной красоты. По черным камням, блестевшим словно обсидиан, бежал пенный водопад, подобный каскаду напоенных светом кружев. Солнце вызолотило травы, растущие по берегам ручья. Высокие темно-зеленые тенистые деревья обрамляли это чудо, словно драгоценный камень. Опершись на палку, Форкосиган некоторое время созерцал открывшуюся им картину. Корделия подумала, что никогда еще не видела более усталого человека, хотя, конечно, у нее не было зеркала.

— Осталось пройти еще километров пятнадцать, — сказал он. — Не хотелось бы заявляться туда среди ночи, в темноте. Остановимся на ночь здесь, отдохнем как следует, а утром доберемся до места.

Они плюхнулись на мягкую траву и долго любовались великолепным огненным закатом, точно утомленные пожилые супруги. Наконец подступившие сумерки заставили их встать и приняться за свои обычные заботы. Они умылись в ручье, и Форкосиган наконец разделил с ней свой неприкосновенный запас — плитки баррарейского полевого рациона. Даже после четырех дней овсянки и рокфора они показались крайне неаппетитными.

— Вы уверены, что это не растворимые ботинки? — жалобно спросила Корделия, поскольку по цвету, вкусу и запаху кушанье больше всего походило на тонко измельченную и спрессованную обувную кожу.

Форкосиган язвительно усмехнулся.

— Они органические, питательные, могут храниться годами... видимо, и хранились.

Корделия улыбнулась, пытаясь прожевать сухой и жесткий кусок. Она покормила Дюбауэра — хотя он все время пытался выплюнуть еду, — умыла его и устроила на ночь. Сегодня у него не было припадков, и она надеялась, что это было знаком некоторого улучшения его самочувствия.

Земля все еще дышала приятным теплом жаркого дня, в тишине нежно журчал ручей. Корделии страшно хотелось уснуть на сотню лет, как заколдованной принцессе. Но вместо этого она заставила себя встать и вызвалась дежурить первой.

— По-моему, вам нужно сегодня как следует выспаться, — сказала она Форкосигану. — Я две ночи из трех несла короткую вахту. Теперь ваша очередь.

— Вовсе не нужно... — начал он.

— Если вы свалитесь, то я пропаду здесь, — жестко напомнила она. — И он тоже. — Она ткнула пальцем в сторону дремлющего Дюбауэра. — Я хочу, чтобы завтра вы могли держаться на ногах.

Сдавшись, Форкосиган принял вторую половинку болеутоляющего и лег на траву. Но сон не шел к нему, и он наблюдал за нею сквозь полумрак. Его глаза мерцали в темноте лихорадочным блеском. Когда она закончила обход и присела рядом с ним, он приподнялся и оперся на локоть.

— Я... — начал он и стушевался. — Вы совсем не такая, какой я представлял себе женщину-офицера.

— О? Ну, вы тоже совсем не такой, каким я представляла себе баррарейского офицера, так что, я полагаю, мы квиты, — ответила она, и тут же добавила с любопытством: — А чего вы ожидали?

— Ну... не знаю. Вы такой же профессионал, как и любой офицер, с которым мне доводилось служить, и при этом не пытаетесь... имитировать мужчину. Это поразительно.

— Да нет во мне ничего такого, — возразила она.
— Тогда, должно быть, Колония Бета — просто необычайное место.
— Планета как планета. Ничего особенного. Отвратный климат.
— Да, мне говорили. — Он подобрал прутик и начал ковырять им землю, пока не сломал. — Скажите, на Колонии Бета не бывает браков по сговору?

Она изумленно уставилась на него.

— Конечно, нет! Вот уж дикая идея. Похоже на нарушение гражданских прав. Господи, уж не хотите ли вы сказать, что у вас на Барраяре это практикуется?

— В моей касте — почти повсеместно.

— Неужели никто не сопротивляется?

— А никого и не заставляют. Обычно браки устраиваются родителями. Похоже, это срабатывает. Для многих.

— Ну, вероятно, это возможно.

— А как, э-э... как устраиваете это вы? Без посредников это, должно быть, очень неловко. Я имею в виду — отказывать кому-то прямо в лицо.

— Не знаю. Обычно это решают любовники, которые уже довольно долго живут вместе и собираются получить разрешение на ребенка. А заключать какое-то соглашение — это ведь все равно что сочетаться браком с совершенно незнакомым человеком. Вот это, по моему, действительно неловко.

— Хм. — Он нашел еще один прутик. — В Период Изоляции на Барраяре мужчина, сделавший своей любовницей женщину из воинской касты, рассматривался как похититель ее чести и должен был умереть за это смертью вора. Обычай, чаще нарушавшийся, чем исполнявшийся, хоть и стал излюбленным сюжетом для драматических произведений. А сейчас все смешалось. Старые обычаи умерли, и мы примеряем новые, словно платье с чужого плеча. Так трудно разобраться, что правильно, а что нет, — задумчиво проговорил он, а затем спросил: — А чего ожидали вы?

— От барраянца? Не знаю. Наверное, чего-то преступного. Я не слишком обрадовалась тому, что попала в плен.

Он опустил глаза.

— Мне, конечно... приходилось видеть вещи, которые вы имеете в виду. Не могу отрицать — такое случается. Это болезнь воображения, она передается от человека к человеку. Хуже всего, когда она распространяется сверху. Вредит дисциплине, морали... Ненавистно наблюдать, что происходит с молодыми офицерами, встречающими порок в людях, которые должны служить им примером. Им недостает жизненного опыта — ни для того, чтобы бороться с заразой в собственной голове, ни для того, чтобы различить, когда человек использует дарованные императором полномочия для удовлетворения собственных appetitov. И они развращаются, даже не успев понять, что произошло.

Его голос, доносившийся из темноты, звучал с необычной страстностью.

— Вообще-то я думала об этом только с точки зрения пленной. Я так понимаю, с захватчиками мне повезло.

— Они — отбросы армии. Но вы должны поверить мне — их меньшинство. Хотя я терпеть не могу и тех, кто закрывает глаза на эти вещи, а ведь они-то как раз не в меньшинстве... Не обманывайтесь. Справиться с этой заразой нелегко. Но меня вы можете не бояться. Обещаю.

— Я... уже поняла.

Некоторое время они сидели в тишине, пока ночь не выползла из низин, чтобы закрасить последние остатки небесной бирюзы, а водопад, освещенный лишь сиянием звезд, не заиграл жемчужными бликами. Она уже было подумала, что Форкосиган заснул, но он пошевелился и снова заговорил. Она почти не различала его лица в темноте — лишь отблески зубов и белков глаз.

— Ваши обычаи кажутся мне такими свободными, такими мирными. Невинными, как солнечный свет. Ни скорби, ни боли, ни непоправимых ошибок. Страх не делает мальчишек

преступниками. Никакой глупой ревности. И никакой навек потерянной чести.

— Это лишь иллюзия. Даже у нас можно потерять честь. Просто это происходит не за одну ночь. Это может занять многие годы, она будет исчезать по крупинкам, по капелькам. — Она немного помолчала, окруженная доброжелательной темнотой. — Я была знакома с женщиной... Она была моим хорошим другом. Тоже служила в астроэкспедиции. Она не... очень легко сходилась с людьми. Казалось, все вокруг нее уже нашли свою платонову половинку, и чем старше она становилась, тем сильнее боялась остаться в стороне. Ударилась в прямо-таки трогательную панику.

В конце концов она связалась с человеком, обладающим непревзойденным талантом превращать золото в свинец. В его присутствии она не могла произнести такие слова, как «любовь», «доверие» или «честь», не получив в ответ остроумной издевки. Порнография дозволялась; поэзия — никогда.

Так случилось, что, когда освободилось место капитана их корабля, они были в одном звании. Она вкалывала как проклятая ради этой должности, просто в лепешку готова была расшибиться... ну, вы-то знаете, как это бывает. Должность командира — редкий шанс, все стремятся его получить. Ее любовник уговорил ее отказаться от командования в его пользу, пустив в ход обещания, впоследствии оказавшиеся лживыми — если конкретно, он обещал ей детей — и, разумеется, получил свое капитанство. Исключительно ловкий махинатор. Вскоре они порвали друг с другом. Сдержанно, без всяких сцен.

После этого у нее не хватало духу завести другого любовника. Так что, наверное, ваши баррарьские блюстители традиций в чем-то правы. Таким неумехам... необходимы правила, ради их же собственного блага.

Долгое время тишину нарушал лишь вкрадчивый шепот водопада.

— Я... знал одного человека, — донесся из темноты его голос. — Однажды, когда ему было двадцать, его женили на знатной девушке восемнадцати лет. Брак по сговору, но он был счастлив тогда.

Он часто подолгу отсутствовал — почти все время проводил на службе. Она оказалась свободна, богата и одинока в столице, среди людей... не то что бы порочных, но намного старше ее. Богатые паразиты, их прихлебатели и подхалимы. За ней ухаживали, она потеряла голову. Но, по-моему, не сердце. Она завела любовников, как делали это все вокруг. Оглядываясь назад, я понимаю, что она не испытывала к ним никаких чувств, кроме тщеславия и гордости своими завоеваниями, но тогда... Он создал в своем воображении ее вымышленный образ, и когда этот идеал разлетелся вдребезги... У этого парня был жуткий характер. Вспыльчивость всю жизнь была его проклятием. Он решил драться на дуэли с ее любовниками.

У нее их было двое — или она была у них двоих, я так и не разобрался. Ему было плевать, кто из них выживет, его не волновало, что его могут арестовать. Видите ли, он вообразил, что его обесчестили. Он назначил им обоим встречу в безлюдном месте с промежутком примерно в полчаса.

Он надолго умолк. Корделия ждала, едва дыша, не зная, стоит ли поощрять его к продолжению рассказа. Тут он снова заговорил, но теперь речь его звучала бесстрастно и торопливо, словно он жаждал поскорее покончить с этим.

— Первый был таким же упрямым молодым аристократом, как и он сам, и сыграл весь спектакль по правилам. Он хорошо владел двумя мечами, бился весьма искусно, и едва не убил м... моего друга. Его последние слова были о том, что он всегда мечтал быть убитым ревнивым мужем — но только лет в восемьдесят.

К этому времени небольшая оговорка уже не удивила Корделию. Она подумала лишь, не был ли ее рассказ столь же прозрачен для него. Похоже, что так.

— Второй был государственным министром, человеком в летах. Тот парень уже не мог драться, хотя он несколько раз сбивал противника с ног и снова поднимал. После... после того, первого, погибшего с шуткой на устах, это было почти невыносимо. Этот умолял его о пощаде. Наконец он просто заколол его, оборвав на середине фразы. И оставил их обоих там.

Он заехал к жене, чтобы рассказать ей, что он сделал, и вернулся на свой корабль — ожидать ареста. Все это произошло за один вечер. Она была в ярости, ее гордость была задета — будь ее воля, она сама дралась бы с ним на дуэли — и она покончила с собой. Выстрелила себе в голову из его табельного плазмотрона. Никогда не думал, что женщина способна избрать для этого такое оружие. Понимаю — яд, или взрезанные вены, или что-нибудь в этом духе. Но она была истинной фор-леди. Лицо сгорело полностью. У нее было самое прекрасное лицо, какое только можно себе представить...

Все обернулось очень странно. Все решили, что двое ее любовников убили друг друга — клянусь, он вовсе не планировал этого — и она от отчаяния покончила с собой. Никто даже не спрашивал его ни о чем. — Форкосиган заговорил медленнее, напряженнее. — Он прошел через весь тот день как лунатик, или актер, произнося реплики и совершая движения, которых от него ожидали, и в конце концов и от его чести осталась только притворство, пустая оболочка. Все было не так, все лишено смысла. Так же фальшиво, как и ее любовные связи. За исключением смертей. Они были реальны. — Он помедлил. — Так что, у вас, бетанцев, есть одно преимущество. Вы по крайней мере позволяете другим учиться на ваших ошибках.

— Я... скорблю о вашем друге. Но ведь... это произошло давно?

— С тех пор прошло уже более двадцати лет, но временами... Говорят, старики помнят события юности более ясно, чем то, что было на прошлой неделе. Может, он стареет.

— Понятно.

Корделия приняла эту историю как некий странный колючий подарок — слишком хрупкий, чтобы его бросить, и слишком ранящий, чтобы держать. Форкосиган снова умолк и улегся на траву. Она обошла дозором поляну, прислушиваясь к тишине леса — тишине настолько глубокой, что рев пульсирующей в ушах крови полностью заглушал ее. Когда она завершила обход, Форкосиган уже спал, дрожа и ворочаясь в лихорадке. Она позаимствовала у Дюбауэра одно из обгоревших одеял и укрыла его.

ГЛАВА 4

Форкосиган проснулся часа за три до рассвета и заставил Корделию поспать хотя бы пару часов. В серых предрассветных сумерках он снова разбудил ее. За это время он успел вымыться в ручье и избавиться от колючей четырехдневной щетины, используя одноразовую упаковку депилятора, которую он приберег на этот день.

— Вы должны помочь мне с этой ногой. Я хочу вскрыть и промыть рану, а затем снова перевязать. До вечера я продержусь, а тогда это уже не будет иметь значения.

— Верно.

Форкосиган стянул ботинок и носок, и Корделия заставила его поместить ногу под быструю струю водопада. Она сполоснула его боевой нож и быстрым глубоким надрезом вскрыла страшно распухшую рану. У Форкосигана побелели губы, но он не шелохнулся и не издал ни звука. Зато Корделия вздрогнула от ужаса. Из разреза хлынули кровь и гной, вынося странные зловонные сгустки, вмиг смытые потоком. Корделия постаралась не думать о новых микробах, попавших в рану из-за этой процедуры. Придется обойтись временными мерами.

Она смазала рану явно неэффективной антибиотической мазью и заклеила ее остатками пластыря из тюбика.

— Вроде полегчало. — Но он споткнулся и чуть не упал, едва попробовал идти. — Ладно, — пробормотал он. — Теперь пора. — Он торжественно извлек последнюю таблетку болеутоляющего и еще какую-то маленькую голубую пилюлю, проглотил их и выбросил пустую аптечку. Корделия машинально подняла ее, затем сообразила, что положить ее некуда, и украдкой снова отбросила в сторонку.

— Эти штуки действуют великолепно, — объяснил Форкосиган, — но когда эффект кончается, ты падаешь, словно марионетка с обрезанными ниточками. Теперь у меня есть

часов шестнадцать.

И действительно, к тому времени, когда они разделались с плитками полевого рациона и подготовили Дюбауэра к дневному переходу, барраярец не только выглядел вполне нормально, но и казался вполне отдохнувшим, свежим и полным энергии. Никто из них не упомянул о ночном разговоре.

Они сделали большой крюк, огибая гору, и к полудню вышли к изрытому кратерами западному склону. Миновав лесные заросли, перемежавшиеся открытыми участками, они вышли на крутой уступ, нависший над громадной чашеобразной впадиной — последнем напоминании о склоне горы времен древнего вулканического катаклизма. Форкосиган пополз к краю обрыва, стараясь не высовываться из высокой травы. Оставшись вместе с Корделией под прикрытием зарослей, вконец измученный Дюбауэр свернулся калачиком и уснул. Корделия посидела рядом с ним, пока его дыхание не сделалось глубоким и ровным, а затем присоединилась к Форкосигану. Барраярский офицер обозревал сквозь бинокль раскинувшийся перед ним туманный зеленый амфитеатр.

— Вон там катер. Они расположились в пещерном складе. Видите вон ту темную щель рядом с высоким водопадом? Это вход. — Он передал ей бинокль, чтобы она смогла рассмотреть все получше.

— О, оттуда кто-то выходит. При большом увеличении можно разглядеть их лица.

Форкосиган забрал у нее бинокль.

— Куделка. Он свой. Но вон тот худой тип рядом с ним — Дэробей, один из шпионов Раднова среди моих связистов. Запомните его лицо — вы должны знать, когда нельзя высовываться.

Корделия размышляла, было ли это приподнятое настроение Форкосигана побочным эффектом стимулятора, или же некоей первобытной радостью в предвкушении схватки. Он наблюдал, считал и прикидывал, и глаза его сияли.

Вдруг он зашипел сквозь зубы, слегка напоминая при этом одного из местных хищников.

— Господи, да это ж сам Раднов! Вот уж кого бы я с радостью удавил собственными руками. Но на этот раз я смогу привлечь одного из этих министерских ребят к суду. С удовольствием понаблюдаю, как они попытаются отмазать одного из своих любимчиков от неопровержимого обвинения в мятеже. На этот раз высшее командование и Совет Графов будут на моей стороне. Нет, Раднов, ты останешься в живых — и будешь сожалеть об этом. — Оперевшись на локти, он пожирал глазами происходящее внизу.

Вдруг он замер и ухмыльнулся. — Похоже, на этот раз мое невезение мне изменило. Вон Готтиан, он вооружен — значит, он командует. Мы почти дома. Идем.

Они отползли обратно под прикрытия деревьев. Дюбауэра на месте не было.

— О Боже! — ахнула Корделия и растерянно завертела головой, всматриваясь в заросли. — Куда он мог подеваться?

— Он не мог далеко уйти, — заверил ее Форкосиган, хотя он тоже выглядел встревоженным. Они бросились на поиски в разные стороны, углубившись в лес примерно метров на сто. «Вот идиотка! — яростно ругала себя не на шутку перепуганная Корделия. — Все твоё проклятое любопытство! И куда тебя понесло...» Сделав круг, они встретились у прежнего места — нигде не обнаружилось никаких признаков исчезнувшего мичмана.

— Слушайте, сейчас у нас нет времени разыскивать его, — сказал Форкосиган. — Как только я верну себе командование, я вышлю на розыски патруль. С поисковыми сканерами они найдут его гораздо быстрее, чем мы.

Корделия подумала о хищниках, острых скалах, глубоких реках, барраярских патрульных, скорых на расправу.

— Мы столько прошли... — начала она.

— А если я не получу обратно командование, ни один из вас не выживет.

Волей-неволей вняв доводам рассудка, Корделия позволила Форкосигану опереться на ее руку. Они двинулись через лес. Когда барраярский лагерь был уже совсем близко, он

приложил палец к губам.

— Идите как можно тише. Я проделал такой путь не для того, чтобы меня подстрелили собственные часовые. Так... вы ляжете вот здесь. — Он устроил ее за поваленными стволами у едва заметной тропинки, протоптанной сквозь невысокие заросли.

— А вы не хотите просто постучать в парадную дверь?

— Нет.

— Почему? Ведь вы сказали, что этот ваш Готтиан вполне надежен.

— Потому что здесь что-то не так. Не знаю, зачем сюда прибыл этот отряд. — Поразмыслив, он отдал ей парализатор. — Если вам придется воспользоваться оружием, то пусть у вас будет такое, которое вы можете применить. Заряда хватит еще на один-два выстрела. Эта тропинка соединяет два поста, и рано или поздно здесь кто-нибудь появится. Не высовывайтесь, пока я не позову вас.

Он снял с пояса ножны с ножом и затаился по другую сторону тропы. Они прождали четверть часа, потом еще столько же... Лес словно дремал, нежась в мягком, теплом тумане.

Но вот на тропе послышался шорох шагов по опавшей листве. Корделия застыла, пытаясь одновременно разглядеть идущего сквозь заросли и не высовывать головы из укрытия. Смутный силуэт в идеальном барраярском камуфляже оказался высоким седовласым офицером. Когда тот прошел мимо, Форкосиган поднялся из своего укрытия, словно восстав из могилы.

— Корабик, — произнес он негромко, но с подлинно искренней теплотой в голосе. Он стоял и ждал, скрестив руки и улыбаясь.

Готтиан стремительно развернулся на месте, одновременно выхватывая из кобуры нейробластер. Через секунду на лице его отразилось изумление.

— Эйрел! Разведгруппа доложила, что бетанцы убили тебя, — и он шагнул, но не вперед, как ожидала Корделия по интонации Форкосигана, а назад. Бластер по-прежнему оставался у него в руке, будто он забыл его убрать, но пальцы крепко сжимали рукоятку. Желудок Корделии ухнул вниз.

Форкосиган казался слегка озадаченным, словно он был разочарован таким сдержанным приемом.

— Я рад, что ты не суеверен, — отшутился он.

— Мне следовало бы помнить, что тебя можно считать мертвым, лишь увидев в могиле с колом в сердце, — с печальной иронией произнес Готтиан.

— В чем дело, Корабик? — тихо спросил Форкосиган. — Ты ведь никогда не был министерским лизоблюдом.

При этих словах Готтиан уже не таясь направил на своего капитана нейробластер. Форкосиган остался недвижим.

— Нет, — искренне ответил Готтиан. — Я сразу подумал, что история насчет тебя и бетанцев, которой попотчевал нас Раднов, звучит довольно подозрительно. И уж конечно, я бы позаботился о том, чтобы по прибытии домой ею занялась следственная комиссия. — Он помолчал. — Но к тому времени я уже был бы командующим. Замещая капитана шесть месяцев, я наверняка получил бы этот пост. Как по-твоему, какие у меня шансы стать капитаном — в моем-то возрасте? Пять процентов? Два? Ноль?

— Не такие плохие, как ты думаешь, — ответил Форкосиган, по-прежнему не повышая голоса. — Планируется кое-что, о чем пока мало кто знает. Новые корабли, новые вакансии.

— Обычные слухи, — отмахнулся Готтиан.

— Так ты не верил в мою смерть? — закинул удочку Форкосиган.

— Я был уверен, что ты погиб. Я принял на себя командование... кстати, куда ты дел секретные пакеты? Мы всю твою каюту вверх дном перевернули, но так и не нашли.

Форкосиган сухо улыбнулся и покачал головой.

— Не хочу вводить тебя в еще больший соблазн.

— Неважно. — Готтиан по-прежнему держал его на мушке. — Так вот, позавчера ко мне в каюту заявляется этот психованный идиот Ботари и рассказывает, что в

действительности произошло у бетанского лагеря. Удивил меня чуть не до смерти — я-то думал, он будет рад перерезать тебе глотку. Так что мы вернулись сюда — якобы для наземных учений. Я был уверен, что рано или поздно ты сюда заявишься, но ожидал тебя раньше.

— Мне пришлось задержаться. — Форкосиган чуть сдвинулся, уходя с линии огня Корделии по направлению к Готтиану. — Где сейчас Ботари?

— В одиночке.

— Ему это очень вредно. — поморщился Форкосиган. — Насколько я понял, ты никому не сказал о том, что мне удалось спастись?

— Даже Раднов не знает. Он все еще думает, что Ботари прирезал тебя.

— Доволен, а?

— Как кот на солнышке. Я бы с огромным удовольствием ткнул его мордой в грязь перед комиссией по расследованию, если бы ты оказал мне любезность и погиб во время перехода.

Форкосиган лукаво сощурился.

— Похоже, ты еще не совсем твердо решил, что собираешься делать. Могу ли я намекнуть, что даже сейчас еще не поздно передумать?

— Ты никогда не простишь мне этого, — неуверенно заявил Готтиан.

— В прежние времена, когда я был моложе и глупее, я бы такого не спустил. Но по правде говоря, я уже порядком устал убивать врагов с целью преподать им урок. — Форкосиган вздернул подбородок, глядя Готтиану прямо в глаза. — Если хочешь, я дам тебе слово. Ты знаешь, чего оно стоит.

Готтиана явно одолели сомнения — бластер слегка задрожал в его руке. Корделия, старавшаяся не дышать, увидела, что в глазах его блеснули слезы. «О живых не плачут, — подумала она. — только о мертвых». В этот миг, когда Форкосиган все еще сомневался, она уже знала, что Готтиан собирается стрелять.

Она подняла парализатор, тщательно прицелилась и нажала на курок. Раздалось совсем негромкое жужжание, однако заряда хватило на то, чтобы Готтиан, едва успевший обернуться, упал на колени. Форкосиган вырвал у него бластер, затем отобрал плазмотрон и свалил своего первого помощника на землю.

— Будь ты проклят, — прохрипел наполовину парализованный Готтиан. — Неужто тебя так никогда и не пережитить?

— Если б это было возможно, меня бы здесь не было, — пожал плечами Форкосиган. Он быстро обыскал Готтиана, конфисковав у него нож и еще кое-какие вещи. — Кто стоит сейчас на постах?

— Сенс — на севере, Куделка — на юге.

Форкосиган снял с Готтиана ремень и связал ему руки за спиной.

— Тебе ведь действительно трудно было решиться на это, а? — Он повернулся к Корделии и пояснил: — Сенс — один из людей Раднова. Куделка — мой. Орел или решка.

— И это ваш друг? — вскинула брови Корделия. — Похоже, разница между вашими друзьями и врагами состоит только в том, сколько времени они тратят на болтовню, перед тем как выстрелить в вас.

— Да уж, — согласился Форкосиган, — С этой армией я завоевал бы вселенную, если бы смог заставить их стрелять в одном направлении. Могу я одолжить у вас ремень, командор Нейсмит? — Он связал им ноги Готтиана, вставил в рот кляп и постоял некоторое время, с сомнением глядя в одну сторону, затем в другую.

— Все критяне — лжецы, — пробормотала Корделия, затем произнесла уже громче: — На север или на юг?

— Интересный вопрос. Как бы вы ответили на него?

— У меня был учитель, который частенько отвечал на мои вопросы таким вот образом. Я думала, что это сократический метод, и страшно им восхищалась, пока не обнаружила, что он прибегал к нему всякий раз, когда не знал, что ответить. — Корделия глядела на Готтиана,

которого они спрятали в том самом месте, которое послужило ей таким хорошим укрытием, и пыталась разгадать, чем был продиктован его ответ — раскаянием или надеждой завершить неудавшееся покушение. Он тоже глядел на нее — недоуменно и враждебно.

— На север, — неохотно заключила она. Они с Форкосиганом обменялись понимающими взглядами, и тот коротко кивнул.

— Что ж, пойдем.

Они тихо двинулись вверх по тропинке, преодолев перевал и спустившись в лощину, поросшую густыми серо-зелеными зарослями.

— Давно вы знаете Готтиана?

— Мы служили вместе последние четыре года, со времени моего разжалования. Я считал, что он хороший кадровый офицер. Хотя совершенно аполитичный. У него семья.

— Как думаете, вы могли бы... вернуть его, потом?

— Простить и забыть? Я уже давал ему такую возможность. Он отрекся от меня. Дважды, если вы не ошиблись в выборе направления. — Они начали взбираться на очередной подъем. — Сторожевой пост находится там, наверху. Кто бы там ни был, он мгновенно засечет нас. Оставайтесь тут и прикройте меня. Если услышите выстрелы... — он замялся на мгновение, — действуйте по своему усмотрению.

Корделия подавила смешок. Форкосиган расстегнул кобуру нейробластера открыто пошел по тропе, стараясь производить побольше шума.

— Часовой, докладывайте, — услышала она его спокойный голос.

— Ничего нового с... Господи, да это ж капитан!

И до Корделии донесся такой искренний и радостный смех, какого она не слышала, кажется, уже много столетий. Она прислонилась к дереву, внезапно почувствовав слабость. «И когда же, — спросила она себя, — ты перестала бояться его и стала бояться *за него* ? И почему новый страх настолько мучительнее прежнего? Похоже, ты от этой перемены ничего не выиграла, а?»

— Можете выходить, командор Нейсмит, — долетел до нее голос Форкосигана. Она обогнула последнее скопление кустов и поднялась на заросший травой пригорок. На нем расположились двое молодых людей, которые выглядели весьма подтянуто в своей аккуратной камуфляжной форме. Одного из парней она узнала — того, что был на голову выше Форкосигана, с мальчишеским лицом, не соответствующим могучему телу: это был тот самый Куделка, которого она видела ранее в бинокль. Он с неумным энтузиазмом жал руку своего командира, словно желая удостовериться, что перед ним не призрак. Второй часовой, разглядев ее униформу, потянулся за бластером.

— Нам сказали, что бетанцы убили вас, сэр, — произнес он с подозрением.

— Да, мне с трудом удастся опровергнуть этот слух, — ответил Форкосиган. — Как видите, это не правда.

— А похороны были просто великолепные, — сказал Куделка. — Жаль, что вас не было.

— Может, в следующий раз, — усмехнулся Форкосиган.

— Ох, извините, сэр! Вы же знаете, я не это имел в виду. Лейтенант Раднов произнес самую лучшую речь.

— Разумеется. Наверное, несколько месяцев ее сочинял.

Куделка, более сообразительный, чем его спутник, ахнул в ужасе. Его приятель выглядел слегка озадаченным.

Форкосиган продолжал:

— Позвольте мне представить вам командора Корделию Нейсмит из Бетанской Астроэкспедиции. Она... — он помедлил, и Корделия с интересом ждала, какой же статус ей присвоят, — Э-э...

— О, так она?... — услужливо пробормотала Корделия.

Форкосиган сжал губы, пытаясь скрыть улыбку.

— Моя пленная, — решил он наконец. — Под честное слово. С правом свободного

передвижения, за исключением секретных районов.

Оба молодых человека были потрясены таким оборотом дела, и явно сгорали от любопытства.

— Она вооружена, — указал спутник Куделки.

— Да, к счастью. — Форкосиган не стал распространяться на эту тему, перейдя к более важным вопросам. — Кто входит в десантный отряд?

Куделка воспроизвел по памяти список имен, изредка прибегая к подсказкам своего приятеля.

— Ладно, — вздохнул Форкосиган. — Раднова, Дэрбея, Сенса и Тейфаса необходимо обезоружить — как можно тише, без эксцессов — и посадить под арест по обвинению в мятеже. Позже к ним присоединятся и другие. Пока они не будут арестованы, никакой связи с «Генералом Форкрафтом». Вы знаете, где сейчас лейтенант Буффа?

— В пещерах. Сэр? — У Куделки был несчастный вид: он начал понимать, что происходит.

— Да?

— А вы уверены насчет Тейфаса?

— Почти, — ответил Форкосиган, и продолжил уже мягче: — Их будут судить. Суд для того и существует, чтобы отделить виновных от невиновных.

— Да, сэр. — Куделка кивнул, удовлетворившись этой слабой гарантией относительно будущего человека, который, как догадалась Корделия, был ему другом.

— Теперь ты понимаешь, почему я говорил, что статистика гражданских войн утаивает реальное положение дел? — спросил Форкосиган.

— Да, сэр. — Куделка прямо встретил его взгляд, и Форкосиган, уверенный в своем человеке, кивнул.

— Хорошо. Вы двое пойдете со мной.

Они тронулись в путь. Форкосиган снова взял ее под руку и почти не хромал, ловко скрывая, насколько тяжело он на нее опирается. Они проследовали по другой тропке, вившейся через подлесок, преодолели один подъем и снова спуск, и наконец вышли к замаскированному входу в пещерный склад.

Струившийся рядом водопад впадал в небольшой водоем, из которого изливался живописный ручей, убегавший в лесную чащу. У берега собралась странная компания. Поначалу Корделия даже не сумела понять, что они делают. Двое баррарцев стояли, наблюдая за двумя другими, опустившимися на колени у воды. При их приближении те, что стоял на коленях, выпрямились и подняли на ноги мокрую фигуру в бежевой одежде и со связанными за спиной руками. Человек кашлял и задыхался, судорожно хватая ртом воздух.

— Это Дюбауэр! — воскликнула Корделия. — Что они с ним делают?

Форкосиган, который, видимо, сразу понял смысл происходящего, чертыхнулся и, прихрамывая, побежал вниз.

— Это мой пленный! — взревел он, приближаясь к необычной группе. — Руки прочь от него!

Баррарцы мгновенно вытянулись в струнку, словно для них это был спинной рефлекс. Отпущенный Дюбауэр упал на колени, по-прежнему болезненно всхлипывая. А его мучители прямо-таки остоленели: Корделия, кинувшаяся к Дюбауэру, мимоходом отметила, что никогда прежде не видела более ошарашенных людей. Волосы, опухшее лицо, реденькая борода и воротник мичмана были совершенно мокрыми, его глаза покраснели, и он продолжал кашлять и чихать.

В конце концов Корделия с ужасом поняла, что баррарцы пытали его, окуная в воду.

— Что здесь происходит, лейтенант Буффа? — рявкнул Форкосиган, прищипывая грозным взглядом старшего из четверых.

— Я думал, бетанцы убили вас, сэр! — вырвалось у Буффы.

— Выходит, нет, — коротко отозвался Форкосиган. — Что вы делаете с этим бетанцем?

— Тейфас поймал его в лесу, сэр. Мы пытались допросить его, узнать, есть ли тут

другие, — при этих словах он глянул на Корделию, — но он отказался говорить. Не вымолвил ни слова. А я-то считал бетанцев слабаками.

Форкосиган устало потер лицо рукой: «Боже, дай мне силы!»

— Буффа, — терпеливо проговорил он, — этот человек пять дней назад попал под огонь нейробластера. Он не может говорить, а если бы и мог, то все равно бы ничего не знал.

— Изверги! — воскликнула Корделия, упав на колени рядом с мичманом. Узнав ее, Дюбауэр тут же вцепился в нее мертвой хваткой. — Вы, барраярцы, просто изверги, варвары и убийцы!

— И идиоты. Не забудьте про идиотов, — напомнил Форкосиган, испепеляя Буффу взглядом. Двоим из его подчиненных хватило такта выглядеть виноватыми, или по крайней мере смущенными. Форкосиган тяжело вздохнул.

— Как он, очухался?

— Да вроде, — признала она неохотно. — Но он глубоко потрясен происшедшим. — Ее саму трясло от возмущения.

— Командор Нейсмит, я приношу вам извинения за действия моих людей, — официальным тоном заявил Форкосиган, повысив голос и давая понять своим подчиненным, что именно из-за них капитану приходится унижаться перед пленной.

— Нечего тут щелкать каблуками, — яростно прошипела в ответ Корделия. Форкосиган как-то сразу приуныл, и она слегка смягчилась, добавив уже в полный голос: — Имело место неверное истолкование событий. — Ее взгляд упал на лейтенанта Буффу, тщетно пытающегося провалиться сквозь землю. — Даже слепой мог бы сообразить. — Тут она осеклась и пробормотала: — О, ч-черт. — У Дюбауэра из-за пережитого страха и мучений начался очередной припадок. Большинство барраярцев смущенно отвели глаза. Форкосиган, уже привыкший к этому, опустился на колени, чтобы помочь ей. Как только припадок утих, он снова поднялся на ноги.

— Тейфас, отдай свое оружие Куделке, — приказал он. Тейфас помедлил, затравленно озираясь, затем медленно подчинился.

— Я не хотел участвовать в этом, сэр, — отчаянно взмолился он. — Но лейтенант Раднов сказал, что уже поздно отступать.

— У тебя еще будет возможность оправдаться, — устало ответил Форкосиган.

— Что происходит? — спросил заинтригованный Буффа. — Вы уже виделись с командором Готтианом, сэр?

— Я дал командору Готтиану... отдельное поручение. Буффа, теперь командование группой переходит к тебе. — Форкосиган повторил свой приказ относительно ареста и отрядил нескольких человек на его выполнение.

— Мичман Куделка, отведите моих пленных в пещеру, и позаботьтесь о том, чтобы их как следует накормили и предоставили им все, что потребует командор Нейсмит. Затем проследите за подготовкой катера к вылету. Как только остальные... арестованные будут в сборе, возвращаемся на корабль. — Он избегал слова «мятежники», видимо, считая его чересчур сильным выражением, почти богохульством.

— Куда вы сейчас? — спросила Корделия.

— Мне нужно поговорить с командором Готтианом. Наедине.

— Хм. Что ж, не заставьте меня пожалеть о моем совете. — В данных обстоятельствах она не могла более явно выразить словами вертевшееся на языке: «Будь осторожен». Махнув рукой в знак того, что понял ее, Форкосиган направился обратно к лесу. Его хромота стала заметнее.

Она помогла Дюбауэру подняться на ноги, и Куделка повел их ко входу в пещеру. Молодой человек был так похож на Дюбауэра, что ей трудно было сохранять враждебность.

— Что это у старика с ногой? — спросил ее Куделка, оглядываясь через плечо.

— Царапина воспалилась, — беззаботно отозвалась она, сознательно умаляя серьезность недомогания Форкосигана, поскольку теперь полностью разделяла его стремление скрыть любую слабость от ненадежных подчиненных. — Хотя эта рана

потребуется внимания хорошего медика — если только вам удастся заставить его остановиться и заняться собой.

— Типично для старика. Никогда еще не видел столько энергии у человека его возраста.

— Какого возраста? — изогнула бровь Корделия.

— Ну, вам он, конечно, не кажется старым, — уступил Куделка и был весьма озадачен тем, что Корделия закатилась смехом.

— Хотя «энергия» — не совсем верное слово...

— Как насчет «силы»? — предложила она, странно обрадованная тем, что у Форкосигана нашелся хотя бы один обожатель. — Энергии, приложенной к работе.

— Вот-вот, самое оно, — одобрил довольный Куделка. Корделия решила не упоминать голубую таблетку.

— Он кажется интересным человеком, — сказала она, надеясь выудить из собеседника еще что-нибудь о Форкосигане. — Как его угораздило влипнуть в такую историю?

— Вы об этой стычке с Радновым?

Она кивнула.

— Ну, не хочу критиковать старика, но... — Тут Куделка перешел на благоговейный шепот: — Кому еще могло прийти в голову сказать политофицеру, едва поднявшемуся на борт, чтобы тот не показывался на глаза, если хочет дожить до конца путешествия!

Следуя за своим провожатым, Корделия завернула за очередной угол пещерного коридора; открывшаяся ее взору картина тут же заставила ее насторожиться. «Все это довольно необычно, — подумала она. — Похоже, Форкосиган ввел меня в заблуждение». Прохладный, сырой и тускло освещенный лабиринт пещер отчасти имел естественное происхождение, но в основном был вырублен плазмотроном. Огромные пространства были загромождены разнообразными припасами.

Нет, на скромный тайник продовольствия это совсем не похоже — здесь явно разместились полномасштабный военный склад, способный обеспечить целый флот. Она беззвучно присвистнула, представив себе множество самых неприятных вариантов развития событий.

В одном из закоулков пещеры приткнулась стандартное баррарское полевое укрытие — полукруглый ребристый свод, обтянутый такой же тканью, что и бетанские палатки. Здесь располагалась унылая полевая кухня и примитивная столовая, где хозяйничал одинокий старшина, прибирая после обеда.

— Старик только что объявился — живехонек! — приветствовал его Куделка.

— Ха! А я думал, бетанцы перерезали ему глотку, — отозвался удивленный старшина. — А мы-то устроили такие роскошные поминки...

— Эти двое — личные пленники старика, — представил их Куделка повару, которому, как заподозрила Корделия, гораздо привычнее было держать в руках оружие, чем поварешку, — а ты ведь знаешь, для него это большая тема. У этого парня — повреждение от нейробластера. Бетанцев велено как следует накормить, так что не пытайся отравить их своими обычными помоями.

— Критиковать все горазды, — пробормотал себе под нос старшина-повар, когда Куделка исчез, помчавшись выполнять остальные поручения. — Что есть будете?

— Что угодно. Все что угодно, кроме овсянки и рокфора, — поспешно поправилась Корделия.

Старшина скрылся в заднем помещении и вернулся несколько минут спустя с двумя дымящимися мисками какого-то рагу и настоящим хлебом, намазанным самым настоящим маргарином. Корделия жадно набросилась на еду.

— Ну как? — без особого энтузиазма осведомился старшина, заранее втягивая голову в плечи.

— Потрашающе, — ответила она с набитым ртом. — Объеденье.

— Правда? — Он расправил плечи. — Вам правда нравится?

— Правда. — Она перестала есть, чтобы впихнуть несколько ложек рагу в задремавшего Дюбауэра. Вкус горячей пищи тут же разогнал вызванную припадком сонливость, и он принялся жевать почти с таким же энтузиазмом, что и она.

— Слушайте, может, я помогу вам его покормить? — предложил старшина.

Корделия просияла от радости.

— Конечно!

Менее чем за час она успела узнать, что старшину зовут Нилеза, выслушать всю историю его жизни, а также отведать весь — хоть и небогатый — ассортимент деликатесов барраярской полевой кухни. Старшина явно так же изголодался по похвалам, как и его товарищи — по домашней стряпне, поскольку он таскался за ней по пятам и все ломал голову, чем бы еще ей услужить. Форкосиган пришел без сопровождающих и устало сел рядом с Корделией.

— Добро пожаловать назад, сэр, — приветствовал его старшина. — Мы думали, бетанцы убили вас.

— Да, я знаю, — отмахнулся Форкосиган от уже привычного приветствия. — Как насчет еды?

— Что пожелаете, сэр?

— Все что угодно, только бы не овсянку.

Ему тоже выдали хлеба и рагу. Ел он без особого энтузиазма — похоже, лихорадка в сочетании со стимулятором заглушала аппетит.

— Как прошло с командором Готтианом? — тихо спросила Корделия.

— Неплохо. Он снова в строю.

— Как вы этого добились?

— Развязал его и дал ему свой плазмотрон. Сказал ему, что не могу работать с человеком, которому не могу доверять, и что собираюсь дать ему последний шанс мгновенно получить повышение. Затем я сел к нему спиной. Мы просидели так минут десять. Не произнесли ни слова. Затем он отдал мне плазмотрон, и мы вернулись в лагерь.

— Я тоже думала, работает ли что-нибудь в этом духе. Хотя я не уверена, что смогла бы сделать это, будь я на вашем месте.

— Я тоже не думал, что мог бы сделать это, не будь я столь измотан. До чего ж хорошо наконец дать отдых ногам. — Он немного оживился. — Как только арестуют остальных, мы вылетим на «Генерал». Это прекрасный корабль. Я отведу вам офицерскую каюту — ее почему-то называют адмиральскими апартаментами, хотя она ничем не отличается от остальных. — Форкосиган размазал остатки рагу по дну миски. — Как вам еда?

— Чудесная еда.

— Большинство отзывается иначе.

— Старшина Нилеза был очень добр и внимателен.

— Мы говорим об одном и том же человеке?

— По-моему, ему просто хочется, чтобы его старания ценили. Попробуйте как-нибудь.

Форкосиган, оперевшись локтями на стол, положил подбородок на ладони и улыбнулся.

— Мы рассмотрим ваше предложение.

Они умолкли и просто сидели, усталые и разморенные сытным обедом, за простым металлическим столиком. Форкосиган откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Корделия прикорнула за столом, положив руку под голову. Примерно через полчаса вошел Куделка.

— Мы взяли Сенса, сэр, — доложил он. — Но у нас были... у нас остаются кое-какие проблемы с Радновым и Дэрбеем. Уж не знаю как, но они о чем-то догадались и скрылись в лесу. Я выслал за ними отряд.

Форкосиган явно хотелось выругаться.

— Надо было пойти самому, — пробормотал он. — Они вооружены?

— У обоих остались их нейродеструкторы. Плазмотроны мы успели забрать.

— Хорошо. Я не хочу больше тратить время здесь, внизу. Отзовите людей и

заблокируйте все входы в пещеры. Пускай узнают, каково ночевать в здешних лесах. — Представив себе эту картину, он весело сверкнул глазами. — Мы подберем их позднее. Никуда они от нас не денутся.

Корделия помогла Дюбауэру забраться в катер, простой и довольно обшарпанный войсковой транспорт, и пристроила его на свободном сидении. С прибытием последней группы катер показался прямо-таки переполненным барраярцами; были среди них и связанные арестанты — съезжившиеся и понурые, несчастные подчиненные сбежавших главарей. Все солдаты оказались рослыми и мускулистыми молодыми людьми. Форкосиган пока оставался самым невысоким из всех, кого она видела.

Они с любопытством глазели на нее, и она уловила обрывки разговора на двух или трех языках. Догадаться о предмете разговора было нетрудно, и Корделия мрачно усмехнулась. Похоже, молодежь была полна иллюзий насчет того, сколько желания и сил заниматься сексом остается после сорокакилометрового дневного перехода у двоих людей — контуженных, больных, голодных и невыспавшихся, чередующих заботу о раненом со стараниями не попасть на ужин очередному хищнику, да вдобавок озабоченных проблемой мятежа, с которой им придется иметь дело в конце пути. К тому же совсем немолодых: тридцати трех и сорока с лишним лет. Она рассмеялась про себя, и закрыла глаза, чтобы не видеть их любопытных физиономий. Форкосиган вернулся из кабины пилота и скользнул на сиденье рядом с ней.

— У вас все в порядке?

Она кивнула.

— Да. Немного ошарашена этими стадами мальчишек. Кажется, вы, барраярцы — единственные, у кого нет смешанных экипажей. Интересно, почему?

— Отчасти — по традиции, отчасти — для того, чтобы поддерживать агрессивный настрой. Они вас не раздражают?

— Нет, скорее смешат. Интересно, а они догадываются, как ими манипулируют?

— Ни в малейшей степени. Они воображают себя венцами творения.

— Бедные ягнятки.

— Ну, я бы не сказал.

— Я имела в виду жертвенных животных.

— А. Это уже ближе.

Двигатели катера взвыли, и они поднялись в воздух. Облетев изрытую кратерами гору, катер взял курс на восток, набирая высоту. Корделия наблюдала из окна, как внизу за считанные минуты пронеслась вся местность, которую они с таким трудом преодолели за несколько дней. Катер промчался над исполинской горой, на склоне которой был похоронен Роузмонт, достаточно близко, чтобы можно было разглядеть снежную шапку и ледники, рдеющие в лучах заходящего солнца. Они летели на восток — через сумерки, через непроглядную ночь, потом горизонт ушел вниз, и они ворвались в вечный мрак космического пространства.

Как только ни вышли на промежуточную орбиту «Генерала Форкрафта», Форкосиган снова ушел к пилотам, чтобы проследить за стыковкой. Казалось, он отдалялся от нее, возвращаясь к своим обычным обязанностям и все больше втягиваясь в привычную среду, из которой он был вырван. Ну, у них, конечно, еще будет время побыть наедине — впереди еще много месяцев путешествия, судя по тому, что говорил Готтиан. «Представь себе, что ты — антрополог, — сказала она себе, — изучаешь диких барраярцев. Считай это каникулами — ты ведь все равно хотела взять длительный отпуск после этой экспедиции, ну так вот он, пожалуйста». Ее пальцы машинально теребили обивку обшарпанного сиденья. Нахмурившись, она заставила их успокоиться.

Стыковка прошла очень гладко, и солдаты, поднявшись с мест и собрав снаряжение, шумной толпой повалили к шлюзу. Рядом с Корделией возник Куделка и сообщил, что назначен ее проводником. Скорее, охранником — а может, и нянькой: в данный момент она не чувствовала себя особо опасной. Она подхватила Дюбауэра и последовала за своим

проводимым на борт корабля Форкосигана.

Здесь пахло совсем иначе, чем на ее экспедиционном корабле, было слегка холоднее, повсюду масса голого некрашеного металла, сплошная экономия на удобствах и отделке — словом, та же разница, что между уютной жилой комнатой и гаражом. Прежде всего они отправились в лазарет — пристроить Дюбауэра. Это был длинный ряд аккуратных, строгих помещений, гораздо более обширных — даже в пропорциональных масштабах, — чем палаты изолятора ее экспедиционного корабля, поскольку они были предназначены для размещения гораздо большего числа пострадавших. Сейчас здесь было довольно пустынно — один только главный хирург и пара рядовых, коротавших время за инвентаризацией оборудования, да скучающий солдат со сломанной рукой, который от нечего делать совал нос в их дела. Дюбауэра осмотрел доктор, который, как вскоре выяснила Корделия, был гораздо более сведущ в нейробластерных повреждениях, чем ее корабельный хирург. Затем он передал мичмана санитарам, чтобы те вымыли его и устроили на ночь.

— У вас скоро появится еще один пациент, — сообщила Корделия хирургу, который, очевидно, был одним из четверых сорокалетних в экипаже Форкосигана. — У вашего капитана на голени отвратительная инфицированная рана. Началось общее заражение. И еще... не знаю, что за голубые таблетки у вас в аптечках, но, судя по его словам, та, которую он принял сегодня утром, вот-вот перестанет действовать.

— Чертова отравка, — выругался врач. — Не спорю, они эффективны, но можно было бы подобрать что-нибудь менее изматывающее. Не говоря уже о побочных эффектах.

«Наверное, в них-то все и дело», — подумала Корделия. Доктор принялся устанавливать синтезатор антибиотиков и готовить его к программированию. Корделия meanwhile наблюдала, как безучастного Дюбауэра укладывают в постель, и представила себе ожидавшую его бесконечную вереницу однообразных больничных дней — словно прямой туннель, ведущий к концу жизни. Оказала ли она ему услугу? Холодный шепот сомнения теперь будет вечно преследовать ее, пополнив собрание терзающих ее по ночам мыслей. Она еще немного послонялась вокруг него, втайне ожидая прихода своего второго подопечного.

Наконец объявился Форкосиган, пришедший в сопровождении — а если точнее, при помощи — двоих офицеров, с которыми она еще не встречалась. Он на ходу раздавал поручения. По всей видимости, он слегка не рассчитал время, потому что смотреть на него было просто страшно. Он был бледен, дрожал, по лицу струился пот, и Корделия подумала, что сейчас можно различить морщины, которые пролягут на его лице к семидесяти годам.

— О вас еще не позаботились? — спросил он, увидев ее. — Где Куделка? Я думал, что сказал ему... А, вот ты где. Размести ее в адмиральской каюте. Я это говорил? И зайди на склад, найди ей какую-нибудь одежду. И ужин. И заряди ее парализатор.

— Да у меня все в порядке. Не лучше ли вам лечь? — обеспокоено спросила Корделия.

Но Форкосиган продолжал кружить по комнате, словно разладившаяся игрушка со сломанным моторчиком.

— Надо выпустить Ботари, — пробормотал он. — А то у него, наверное, уже начались галлюцинации.

— Вы только что сделали это, сэр, — напомнил один из офицеров. Хирург переглянулся с ним и многозначительно кивнул в сторону диагностического стола. Вдвоем они перехватили Форкосигана с его орбиты, почти силой подтащили его к столу и заставили лечь.

— Все эти чертовы таблетки, — объяснил хирург, заметив тревогу Корделии. — К утру он придет в себя, если не считать слабости и адской головной боли.

Хирург склонился над своим пациентом, разрезал натянутую распухшей ногой штанину, и тихо выругался при виде того, что обнаружилось под ней. Куделка заглянул ему через плечо и обернулся к Корделии с фальшивой улыбкой, приклеенной к позеленевшей физиономии.

Корделия кивнула и неохотно удалилась, оставляя Форкосигана в руках профессионалов. Куделка — похоже, наслаждавшийся ролью мальчика на побегушках,

несмотря на то, что эти обязанности заставили его пропустить эффектную сцену возвращения капитана на борт корабля, — отвел Корделию к складу одежды, потом исчез с ее парализатором, и покорно вернул его ей полностью заряженным. По его виду было ясно, что это действие шло вразрез с его убеждениями.

— Да я вовсе не собираюсь пускать его в дело, — проговорила Корделия, уловив сомнение в его взгляде.

— Нет, нет, старик велел, чтобы он у вас был. Я не собираюсь спорить с ним по поводу пленных. Для него это большой вопрос.

— Я так и поняла. Кстати, если это поможет вам разобраться в данном вопросе, то наши правительства, насколько мне известно, не находятся в состоянии войны. Следовательно, мое задержание незаконно.

Куделка нахмурился, пытаясь переварить новую информацию — но чуждые мысли безвредно отскочили от его твердокаменных взглядов, ни на йоту не поколебав их. Прихватив сверток, он препроводил Корделию в ее апартаменты.

ГЛАВА 5

Выйдя из каюты на следующее утро, Корделия обнаружила у дверей часового. Ее макушка едва доставала ему до плеча, а лицо охранника напоминало морду борзой-переростка — узкое, с крючковатым носом и близко посаженными глазами. Она сразу поняла, где видела его прежде — издали, в пестрых лесных зарослях — и на мгновение ее пронзил запоздалый страх.

— Сержант Ботари? — набравшись храбрости, спросила она.

Он козырнул ей — первый барраярец, приветствовавший ее таким образом.

— Мэм, — произнес он и умолк.

— Я хочу пройти в лазарет, — неуверенно проговорила она.

— Да, мэм, — ответил он низким монотонным басом, четко развернулся и зашагал по коридору. Догадавшись, что сержант сменил Куделку в качестве ее охранника и гида, она засемила следом. По пути они не разговаривали: сержант помалкивал, а Корделия еще недостаточно осмелела, чтобы приставать к нему с расспросами. Наблюдая за ним, она вдруг сообразила, что охрана могла быть приставлена к ее дверям не только для того, чтобы не выпускать ее, но и для того, чтобы не впускать других. Парализатор, висящий у нее на бедре, неожиданно показался удивительно тяжелым.

В лазарете она обнаружила сидящего на койке Дюбауэра: он был подстрижен, чисто выбрит и одет в черную полевую форму без знаков отличия — такую же выдали и ей. Похоже, за ним тут хорошо ухаживали. Она разговаривала с ним до тех пор, пока ее собственная речь не начала казаться ей бессмыслицей. Он никак не реагировал, просто сидел и глядел на нее.

Тут в проеме двери, ведущей в отдельную палату, она заметила Форкосигана; он сделал ей знак войти. Сидя на кровати в зеленой пижаме стандартного образца, он тыкал световым карандашом в интерфейс компьютера. Интересно, что даже сейчас, когда он был в штатском, без оружия и даже без ботинок, он производил на нее все то же впечатление. Он казался человеком, который может оставаться хоть голым — и заставить всех окружающих почувствовать себя нелепо расфранченными. Она слегка улыбнулась, представив себе эту картину, и приветствовала Форкосигана небрежным взмахом руки. У постели стоял один из двоих офицеров, что накануне вечером привели его в лазарет.

— Командор Нейсмит, позвольте представить вам командор-лейтенанта Форкалоннера, моего второго помощника. Подождите минутку, пожалуйста: капитаны приходят и уходят, а отчетность вечна.

— Аминь.

Форкалоннер выглядел настоящим барраярским офицером — он точно сошел с рекламного плаката в призывном пункте. Но сквозь лощеный облик поглядывал юмор, и

Корделии пришло на ум, что примерно вот так будет выглядеть мичман Куделка лет через десять-двенадцать.

— Капитан Форкосиган очень лестно отзывается о вас, — произнес Форкалоннер, начиная светскую беседу. Его капитан слегка нахмурился при таком вступлении, но офицер не заметил этого. — Полагаю, раз уж нам удалось захватить только одного бетанца, то вы — несомненно лучший вариант.

Форкосиган поморщился. Корделия слегка качнула головой, призывая не обращать внимания на вздорную болтовню. Он пожал плечами и принялся печатать что-то на клавиатуре.

— Поскольку мои люди благополучно летят домой, я тоже считаю это честным обменом. По крайней мере, большинство из них. — Призрак Роузмонтадохнул холодком над ее ухом, и Форкалоннер вдруг показался совсем не таким уж забавным. — И вообще, отчего вы так рьяно стремились поймать нас?

— Ну, так было приказано, — просто ответил Форкалоннер, подобно древнему фанатику, отвечавшему на любой вопрос: «Потому что так угодно Богу». Тут его по лицу скользнуло легкое еретическое сомнение. — Хотя я тут подумал, может, нас послали патрулировать этот район в качестве наказания, — сострил он.

Этот комментарий развеселил Форкосигана.

— За твои грехи? Твои представления о мироздании чересчур эгоцентричны, Аристид. — Оставив Форкалоннера расшифровывать сие замечание, он повернулся к Корделии: — Ваше задержание должно было пройти без кровопролития. Так бы оно и произошло, если бы не помешали наши внутренние проблемы. В определенных случаях извинения просто бесполезны, — и она знала, что ему тоже пришли на память похороны Роузмонта в холодном черном тумане, — но это единственное объяснение, которое я могу предложить вам. Что отнюдь не снимает с меня ответственности за происшедшее. И я уверен, что кто-нибудь в высшем командовании непременно ткнет меня в это носом. — Он кисло улыбнулся и снова забарабанил по клавишам.

— В таком случае, и я тоже не стану извиняться за то, что подпортила планы вторжения, — дерзко заявила она. Вот так, а теперь посмотрим, что будет...

— Какого вторжения? — встрепнулся Форкалоннер.

— Именно этого я и опасался. Так и думал, что вы догадаетесь обо всем, едва увидев пещерный склад, — сказал ей Форкосиган. — Когда мы покидали Барраяр, этот вопрос все еще горячо обсуждался, и экспансионисты размахивали идеей преимущества внезапности: для них этот аргумент — дубинка, способная побить партию мира. Говоря как частное лицо... Впрочем, я не имею такого права, пока на мне военная форма. Оставим это.

— Какое вторжение? — вновь с надеждой спросил Форкалоннер.

— Если повезет — никакое, — ответил Форкосиган, наконец позволив себе некоторую откровенность. — Мне и одного до конца жизни хватит. — Похоже, он погрузился в какие-то неприятные воспоминания.

Форкалоннера явно озадачило подобное заявление из уст Героя Комарра.

— Это была великая победа, сэр. С очень малыми потерями.

— С нашей стороны. — Форкосиган допечатал свой доклад, подписал его, затем ввел запрос на следующий бланк и принялся тыкать в него световым карандашом.

— А разве остальное так уж важно?

— Это зависит от того, планируешь ли ты оставаться на завоеванной территории или же просто пересечь ее. После Комарра осталось грязное политическое наследство — совсем не то, что мне хотелось бы передать следующему поколению. И вообще, с чего вдруг мы заговорили об этом? — Он закончил заполнять последний бланк.

— Куда вы намерены вторгнуться? — упрямо гнула свое Корделия.

— Почему я об этом не слышал? — вторил ей Форкалоннер.

— Отвечаю по порядку — это секретная информация, которая обсуждается на уровне Генштаба, центрального комитета обоих Советов и императора. Это означает, что разговор

окончен, Аристид.

Форкалоннер многозначительно глянул на Корделию:

— Но она-то не из Генерального штаба. Если уж на то пошло...

— И я тоже уже в него не вхожу, — признал Форкосиган. — Нашей гостье я не сообщил ничего такого, о чем бы она не догадалась сама. Что же касается моей осведомленности, то меня просили высказать свое мнение... по определенным аспектам данного вопроса. Правда, им не понравился мой ответ, но они сами напросились, — добавил он с недоброй улыбкой.

— Так вот почему вас отослали подальше? — сообразила Корделия, чувствуя, что начинает понимать, как делаются дела на Барраяре. — Значит, командор-лейтенант Форкалоннер был прав относительно того, почему вас послали в патрулирование. А вашим мнением интересовался... один, хм, старый друг вашего отца?

— Да уж конечно не Совет Министров, — ответил Форкосиган, но отказался продолжать этот разговор и решительно сменил тему. — Мои люди обращаются с вами как подобает?

— Очень хорошо, да.

— Хирург пообещал отпустить меня уже после обеда, если я все утро буду хорошо себя вести и не встану с постели. Могу я сегодня заглянуть в вашу каюту и поговорить с вами наедине? Мне необходимо кое-что прояснить.

— Конечно, — ответила она, подумав про себя, что эта его просьба прозвучала довольно зловеще.

В палату вошел возмущенный хирург.

— Вам полагается отдыхать, сэр. — Он многозначительно глянул на Корделию и Форкалоннера.

— Ох, ну ладно. Отошлите это со следующим курьером, Аристид, — указал он на экран, — вместе с аудиодокладом и официальным обвинением.

Доктор выпроводил их из палаты, а Форкосиган снова принялся стучать по клавиатуре.

* * *

Остаток утра Корделия бродила по кораблю, исследуя границы предоставленной ей свободы. Корабль Форкосигана оказался запутанным лабиринтом коридоров, разноуровневых отсеков, переходов и узких дверей, предназначенных, как в конце концов догадалась она, для обороны от абордажного десанта. Сержант Ботари не отставал от нее ни на шаг, нависая на ее плечом, словно тень смерти; когда же она сворачивала в какую-нибудь запрещенную дверь или коридор, он резко останавливался и произносил: «Нет, мэм». Кроме того, ей было запрещено дотрагиваться до чего бы то ни было — она выяснила это, когда небрежно провела рукой по пульту управления, заработав очередное монотонное «нет, мэм» от Ботари. Корделия почувствовала себя двухлетним малышом, которого вывели на прогулку.

Она попыталась разговаривать с ним.

— Вы давно служите капитану Форкосигану? — жизнерадостно поинтересовалась она.

— Да, мэм.

Молчание. Она попыталась снова.

— Он вам нравится?

— Нет, мэм.

Молчание.

— Почему? — По крайней мере, на этот вопрос он не сумеет ответить односложно.

Корделия уж было решила, что он совсем не ответит, когда сержант нехотя prorонил:

— Он фор.

— Классовый конфликт? — осмелилась предположить она.

— Не люблю форов.

— Я-то не фор, — подсказала Корделия.
Он угрюмо глядел сквозь нее.
— Вы вроде форов, мэм.
Потеряв терпение, она сдалась.

* * *

После обеда Корделия устроилась поудобнее на узкой койке в своей каюте и принялась изучать каталог компьютерной библиотеки. Она выбрала фильм с не внушающим опасений школьным названием — «Люди и места Барраяра» — и открыла его. Текст, как и обещал заголовок, был довольно банален, но зато изображение оказалось просто сказочным. Ее бетанским глазам предстал зеленый, солнечный, цветущий мир. Люди ходили по улице без носовых фильтров, дыхательных аппаратов и даже без летней теплозащиты. Климат и ландшафт планеты были удивительно разнообразны: здесь были даже настоящие океаны с лунными приливами — разве сравнишь их с плоскими солеными лужами, которые у нее дома принято называть озерами!

В дверь постучали.

— Войдите, — отозвалась она, и появился Форкосиган, приветствовавший ее кивком. «Странное время суток для парадной формы, — подумала она. — Но ей-богу, смотрится он в ней отлично. Просто великолепно». Сопровождавший капитана сержант Ботари остался снаружи. Форкосиган обошел каюту, словно что-то выискивая; наконец взгляд его остановился на обеденном подносе. Он снял с него посуду и подпер им дверь, чтобы удержать ее в слегка приоткрытом положении.

Корделия удивленно подняла брови.

— Это действительно необходимо?

— Думаю, да. При теперешних темпах распространения сплетен я наверняка очень скоро столкнусь с шуточкой относительно привилегий моего звания, и не смогу сделать вид, что не расслышал. Боюсь, что тогда мне придется наказать несчастного... э-э, юмориста. Да и вообще у меня неприязнь к закрытым дверям. Никогда не знаешь, что происходит по другую сторону.

Корделия расхохоталась:

— Это напоминает мне старый анекдот про девушку, которая говорит парню: «Давай не будем, а всем скажем, что было».

Форкосиган поморщился в знак согласия и, усевшись на вращающееся кресло у встроенного в стену металлического столика, развернулся к ней. Он откинулся на спинку, вытянув ноги перед собой, и лицо его стало серьезным. Корделия с полуулыбкой склонила голову набок. Решив, видимо, начать с отвлеченной беседы, он кивнул в сторону висящего над кроватью экрана:

— Что вы просматривали?

— Барраярскую географию. Такая красота! Вы когда-нибудь бывали у океана?

— Когда я был маленьким, мать каждое лето возила меня в Бонсаклар. Это был своего рода аристократический курорт на побережье, за которым начинались горы, поросшие девственными лесами. Мой отец, как правило, не бывал там — он оставался в столице или в войсках. Праздник Середины Лета совпадал с днем рождения старого императора, и там устраивали совершенно фантастический фейерверк над океаном — по крайней мере, в то время он казался мне фантастическим. Весь город высыпал на эспланаду, и никто не был вооружен. В день рождения императора дуэли были запрещены, и мне разрешали бегать где вздумается. — Он уставился в пол. — Я не был там уже много лет. Мне хотелось бы как-нибудь свозить вас туда на Праздник Середины Лета, если представится такая возможность.

— Я с удовольствием приму ваше приглашение. А когда ваш корабль возвращается на Барраяр?

— Боюсь, не скоро. Вам предстоит долгий плен. Но раз вашему кораблю удалось

скрыться, то когда мы вернемся, не будет смысла продолжать ваше интернирование. Вас освободят, вы сможете явиться в бетанское посольство и отправиться домой. Если пожелаете.

— Если пожелаете?! — неуверенно рассмеялась она и откинулась назад на жесткую подушку. — А почему я могу не пожелать?

Он пристально всматривался в ее лицо. Его поза изображала абсолютную непринужденность, но один из каблуков неосознанно выстукивал по полу предательскую дробь. Форкосиган сурово глянул на него, и стук прекратился.

— Я думал, когда мы прибудем на Баррая и вы получите свободу, вы, возможно, захотите остаться.

— Чтобы побывать в... как бишь его, Бонсакларе и так далее? Не знаю, насколько долгий отпуск мне предоставят, но... конечно, я люблю новые места. Мне очень хотелось бы посмотреть вашу планету.

— Не в гости. Насовсем. В качестве... леди Форкосиган. — Его лицо осветилось невеселой усмешкой. — Ну вот, теперь я совсем запутался. Обещаю, что больше никогда не назову бетанцев трусами. Клянусь, ваши обычаи требуют большей храбрости, чем самые самоубийственные соревнования наших мальчишек.

Она позволила себе выдохнуть.

— Вы... вы не разыгрываете меня? — Интересно, подумала она, откуда взялась фраза о сердце, которое готово выскочить из груди. Ощущение было такое, что оно, наоборот, ухнуло прямо в желудок. Она с внезапной четкостью осознала свое тело — *его* близость она явственно ощущала уже давно.

Он покачал головой.

— Нет, я вовсе не хочу никакой фальши — ни для вас, ни с вами. Вы заслуживаете самого лучшего. Я далеко не самая блестящая кандидатура — вам это уже известно. Но по крайней мере я могу предложить вам лучшее, что у меня есть. Милая Ко... командор, скажите — возможно, по бетанским меркам я слишком тороплю события? Я много дней ждал подходящего момента, но он все никак не наступал.

— Много дней! И как долго вы обдумывали это?

— Впервые это пришло мне в голову, когда я увидел вас в ущелье.

— Что, когда я блевала там, в грязи?

Он ухмыльнулся.

— С исключительным самообладанием. К тому времени, когда мы похоронили вашего офицера, я уже был уверен.

Она потерла губы рукой.

— Вам кто-нибудь говорил, что вы ненормальный?

— В таком контексте — еще ни разу.

— Я... вы смутили меня.

— Но не оскорбил?

— Нет, конечно же нет.

Он слегка расслабился.

— Вам, конечно, вовсе необязательно отвечать мне прямо сейчас. Пройдет еще несколько месяцев, прежде чем мы доберемся до дома. Но я не хотел, чтобы вы думали... ситуация довольно щекотливая, ведь вы находитесь в плену. Я не хотел, чтобы вы думали, что я предлагаю вам нечто оскорбительное.

— Мне это и в голову не пришло, — слабым голосом возразила Корделия.

— Я должен сказать вам еще кое-что, — продолжал Форкосиган, снова принявшись увлеченно разглядывать свои ботинки. — Это будет непростая жизнь. С тех пор, как я встретил вас, я много думал о том, что карьера, основанная на подчистке политических промахов, как вы это сформулировали, возможно, и не является такой уж высокой честью. Быть может, мне стоит заняться предотвращением неудач в зародыше. Это будет гораздо более опасно, чем военная служба — предательства, ложные обвинения, покушения...

возможно — изгнание, нищета, смерть. Мерзкие компромиссы с негодяями ради худого мира, но если подумать о детях — уж лучше это делать мне, а не им.

— Да уж, вы знаете, чем соблазнить... — беспомощно проговорила она, потирая подбородок и улыбаясь.

Форкосиган поднял глаза — в них замерцала робкая надежда.

— А как вообще на Барраяре начинают политическую карьеру? — спросила она, пытаясь нащупать твердую почву. — Я полагаю, вы собираетесь пойти по стопам вашего деда, принца Ксава, но у вас нет его преимуществ — императорского родства. Как в этом случае можно получить должность?

— Есть три пути: императорское назначение, наследственный пост или восхождение по служебной лестнице. Совет Министров получает самых толковых людей именно этим, последним способом. В этом их сила, но этот путь для меня закрыт. Место в Совете Графов получают по наследству. Этот пост принадлежит мне по праву, но лишь после смерти отца, так что это отодвигается на неопределенный срок. Да и вообще, Совет Графов уже отжил свое — просто сборище дряхлых ископаемых, зараженных самым узколобым консерватизмом и заботящихся лишь о сохранении своих привилегий. Я не уверен, что через него можно сделать что-то значительное. Возможно, им нужно просто позволить доковылять до самораспада. Но только не передавайте никому мои слова, — быстро добавил он, словно опомнившись.

— Странная организация у вашего правительства.

— Оно не организовывалось. Просто возникло.

— Может, вам стоит разработать конституцию.

— Слова истинной бетанки. Ну, может, мы и займемся этим, хотя в наших условиях подобная затея непременно разожжет гражданскую войну. Так, остается еще императорское назначение. Тут все происходит быстро, но мое падение может быть столь же стремительным и эффектным, как и взлет, если я навлеку на себя гнев старика или же если он умрет. — Он говорил, строил планы, и в его глазах сиял огонь грядущих сражений. — Мое единственное преимущество состоит в том, что он любит прямоту. Не знаю, когда он успел пристраститься к честности — вокруг него ее так мало.

— Знаете, мне кажется, вам понравится заниматься политикой — по крайней мере на Барраяре. Возможно, потому, что у вас она чертовски похожа на то, что в других местах называется войной.

— Однако сейчас на повестке дня гораздо более срочная политическая проблема, касающаяся вашего корабля и некоторых других вещей... — Он замялся, с каждой секундой все более теряя присутствие духа. — Возможно... возможно, просто неразрешимая. Наверное, я действительно рано завел разговор о женитьбе, пока еще неизвестно, как все обернется. Но я не мог допустить, чтобы вы продолжали думать, что... хотя, впрочем, что именно вы думали?

Она покачала головой. — Не стоит говорить об этом сейчас. Я расскажу вам как-нибудь потом. Думаю, в этом нет ничего неприятного для вас.

Форкосиган обнадежено кивнул и продолжил:

— Ваш корабль...

Она встревожено нахмурилась. — У вас будут неприятности из-за того, что мой корабль сумел ускользнуть?

— Именно это мы и должны были предотвратить. Тот факт, что в тот момент я был без сознания, может послужить смягчающим обстоятельством. Но против меня — моя позиция по этому вопросу, высказанная во всеуслышание на императорском совете. Обязательно возникнут подозрения, что я намеренно позволил вам улизнуть, чтобы сорвать авантюру, которую крайне не одобряю.

— Очередное разжалование?

Он рассмеялся.

— Я был самым молодым адмиралом в истории нашего флота — может, все это

кончится тем, что я же стану и самым старым мичманом. Но нет, — продолжил он уже серьезно, — скорее всего, военная партия кабинета выдвинет против меня обвинение в измене. Пока эта история не утрясется... так или иначе, — он встретился с ней глазами, — довольно трудно будет устраивать любые личные дела.

— Измена на Барраяре карается смертной казнью? — спросила она в приступе нездорового интереса.

— О да. Публичным разоблачением и голодной смертью. — Видя явный ужас Корделии, он удивленно приподнял бровь. — Если вас это утешит, то высокородным изменникам всегда перед самой экзекуцией тайком передают какое-нибудь средство для изящного самоубийства. Это избавляет от излишнего общественного сочувствия. Хотя я, пожалуй, не стану доставлять им такого удовольствия. Пусть все будет публично, грязно, нудно и чертовски позорно.

Вид у него был прямо-таки обреченный.

— Если бы вы могли, то сорвали бы вторжение?

Он покачал головой, глаза его затуманились.

— Нет. Я обязан подчиняться приказам. Именно это и означает первый слог моего имени. Пока этот вопрос еще обсуждается, я буду отстаивать свою точку зрения. Но если император отдаст приказ, я подчинюсь ему беспрекословно. В противном случае опять наступит всеобщий хаос — а этого мы уже вдоволь нахлебались, хватит.

— Чем это вторжение отличается от других? Ведь вы, наверное, одобряли комаррскую кампанию, коль скоро вам поручили ею руководить.

— Комарр был уникальной возможностью, практически хрестоматийной задачей. Когда я разрабатывал стратегию завоевания, я попытался максимально использовать все имеющиеся преимущества. — Он принялся перечислять, загибая крепкие пальцы. — Малочисленное население, целиком сосредоточенное в городах с управляемым климатом. Партизанам некуда отступить для перегруппировки. Никаких союзников — мы были не единственными, чью торговлю душили их непомерные пошлины. Все, что мне нужно было сделать, так это пустить слух, что мы собираемся снизить их двадцатипятипроцентный налог на все, что провозилось через их нуль-переходы, до пятнадцати процентов, и все их соседи, которые могли оказать им поддержку, оказались на нашей стороне. Никакой тяжелой промышленности. Они разжирели и обленились на своих нетрудовых доходах — не захотели даже сами защищать свою планету, пока их жалкие наемники не убрались восвояси, поняв, с кем имеют дело. Если бы мне предоставили свободу действий и чуть больше времени, я смог бы захватить Комарр без единого выстрела. Это могло бы стать идеальной войной, не будь Совет Министров столь нетерпелив. — Этот разговор пробудил в нем неприятные воспоминания о прошлом, и он нахмурился. — А этот, нынешний план... ну, я думаю, вы все поймете, если я скажу, что речь идет об Эскобаре.

Ошеломленная Корделия резко выпрямилась.

— Вы нашли туннель отсюда к Эскобару? — Тогда неудивительно, что барраярцы не стали объявлять об открытии этой планеты. Из всех вариантов, пришедших ей на ум, этот был самым невероятным. Эскобар был одним из крупнейших планетарных центров в сети пространственно-временных туннелей, связывавших воедино рассеявшееся по вселенной человечество. Крупная, богатая планета с умеренным климатом, освоенная человечеством сотни лет назад, была одним из наиболее уважаемых соседей самой Колонии Бета. — Да они просто спятили, эти ваши правители!

— Знаете, я сказал им почти то же самое. Тогда Министр Запада принялся вопить, и граф Фортала пригрозил... ну, в общем, повести себя очень грубо по отношению к нему. Фортала умеет глумиться над оппонентом, даже не прибегая к нецензурным выражениям — немногим это удается.

— Колония Бета непременно будет втянута в этот конфликт. Половина нашей межзвездной торговли идет через Эскобар. И через Тау Кита V. И через Единение Джексона.

— Это по самым скромным подсчетам, — согласно кивнул Форкосиган. — Замысел

состоял в том, чтобы быстро завершить операцию и поставить потенциальных союзников перед свершившимся фактом. По опыту зная, что случилось с моим «идеальным» планом по Комарру, я сказал им, что этот их план — просто бред сивой кобылы или что-то в этом духе. — Он покачал головой. — Жаль, что я тогда вспылел. Сидел бы сейчас в Совете и продолжал спорить с ними. А вместо этого, насколько мне известно, флот уже сейчас готовится к вылету. Чем дальше зайдут приготовления, тем сложнее их будет остановить. — Он вздохнул.

— Война, — размышляла вслух глубоко взволнованная Корделия. — Вы понимаете, что если ваш флот... если Барраяр собирается вступить в войну с Эскобаром, дома понадобятся навигаторы. Даже если Колония Бета не примет непосредственного участия в военных действиях, мы наверняка будем поставлять эскобарцам оружие, припасы, оказывать техническую помощь...

Форкосиган собрался было что-то сказать, но оборвал себя.

— Вероятно, так и будет, — печально проговорил он. — А мы попытаемся заблокировать вас.

Опустилось тяжелое молчание — она могла расслышать, как стучит в висках кровь. Через стены по-прежнему доносились слабые шумы и вибрации корабля, в коридоре переминался с ноги на ногу Ботари, кто-то прошел мимо ее каюты...

Она покачала головой. — Мне нужно обдумать это. Все не так просто, как казалось сначала.

— Да, совсем непросто. — Он повернул руку ладонью вверх в знак завершения разговора, и неловко поднялся: рана на ноге все еще беспокоила его. — Это все, что я хотел сказать. Вы можете не говорить мне ничего.

Корделия благодарно кивнула, и он удалился, прихватив Ботари и плотно прикрыв за собой дверь. Охваченная отчаянием и глубокой растерянностью, она тяжело вздохнула, откинувшись на подушку и лежала так, уставившись в потолок, пока старшина Нилеза не принес ужин.

ГЛАВА 6

Все следующее утро (по корабельному времени) Корделия тихонько отсиживалась в своей каюте и читала. Ей надо было какое-то время побыть в одиночестве, не встречаясь с Форкосиганом, чтобы переварить вчерашний разговор. Она была сбита с толку — словно все ее галактические карты перепутались, не оставив шанса отыскать дорогу домой. Но по крайней мере она знала, что заблудилась. Лучше долгий и тернистый путь к истине, чем жизнь в заблуждении. Ей сейчас отчаянно недоставало неопровержимых фактов, на которые можно было бы опереться, но все они были вне пределов досягаемости.

Корабельная библиотека располагала обширной коллекцией материалов по Барраяру. Джентльмен по имени Абелль создал необъятный научный труд по общей истории, переполненный именами, датами и детальными описаниями забытых сражений, все участники которых давно обратились в прах. Гораздо более захватывающим оказалось сочинение ученого мужа по имени Акзиф, посвященное неоднозначной фигуре императора Дорки Форбарры Справедливого, чье правление пришлось на конец Периода Изоляции и который, по расчетам Корделии, приходился Форкосигану прадедом. С головой окунувшись в водоворот запутанных интриг и пестрый калейдоскоп деятелей той эпохи, она даже не подняла глаз, когда в дверь постучали, и лишь буркнула:

— Войдите.

Пара солдат в серо-зеленом наземном камуфляже ввалились в каюту, поспешно захлопнув за собой дверь. «Что за жалкая парочка, — подумала она в первый момент. — Наконец-то среди барраярских солдат нашелся хоть один, уступающий ростом Форкосигану». Она узнала их лишь после того, как из коридора донесся вой сирены. «Похоже, что авторов на букву «Б» я уже не прочитаю...»

— Капитан! — вскричал лейтенант Стьюбен. — Вы в порядке?

При виде его физиономии на ее плечи вновь опустилась вся сокрушительная тяжесть прежней ответственности. Он пожертвовал своей каштановой шевелюрой до плеч ради имитации барраярского военного ежика, и теперь его прическа напоминала общипанную лужайку; без привычных пышных кудрей его голова казалась маленькой, голой и очень странной. Стоявший рядом с ним лейтенант Лэй — невысокий, узкоплечий и, как свойственно ученым, слегка сутулый — еще менее походил на солдата. Барраярская форма была ему безнадежно велика, и он попытался выйти из положения, подвернув рукава и брюки, но одна штанина уже успела развернуться и зацепилась за каблук ботинка.

Корделия открыла рот, пытаясь что-то сказать, затем снова закрыла.

— Почему вы здесь, а не на пути домой? Я отдала вам приказ, лейтенант! — наконец обретя дар речи, рявкнула она.

Стьюбен, ожидавший более теплого приема, на мгновение опешил.

— Мы устроили голосование, — просто сказал он, словно этим все объяснялось.

Корделия беспомощно покачала головой. — Голосование. Понятно. — Она закрыла лицо руками, у нее вырвался то ли смешок, то ли рыдание. — Зачем? — спросила она, не отрывая ладоней от лица.

— Мы опознали барраярский корабль как «Генерал Форкрафт», проверили его через базу данных и узнали, кто им командует. Мы просто не могли оставить вас в лапах Мясника Комарра. Решение было единогласным.

Она на мгновение отвлеклась:

— Как, черт побери, вам удалось добиться единогласного решения от... нет, оставим это, — оборвала она Стьюбена, который самодовольно улыбнулся и собрался было рассказывать. «Хоть головой об стену бейся... Нет. Сейчас мне нужна информация. И ему, кстати, тоже».

— Вы хоть понимаете, — принялась разъяснять она им точно малым детям, — что барраярцы планируют провести через эту систему свой флот, чтобы неожиданно напасть на Эскобар? Если бы вы добрались до дома и сообщили о существовании этой планеты, их блицкриг был бы сорван. Теперь из-за вас все пошло кувырком. Где сейчас «Рене Магритт», и как вы здесь оказались?

— Как вы все это узнали? — изумился лейтенант Стьюбен.

— Время, время, — нетерпеливо напомнил ему лейтенант Лэй, постучав по наручному хронометру.

Стьюбен заговорил быстрее:

— Я расскажу вам по пути к катеру. Вы знаете, где Дюбауэр? Мы не нашли его на гауптвахте.

— Какой еще катер? Нет... давайте по порядку. Я хочу понять, что тут творится, прежде чем мы сделаем хоть шаг в коридор. Насколько я понимаю, барраярцы знают, что вы на борту? — В коридоре по-прежнему завывала сирена, и Корделия вся съежилась, ожидая, что в дверь вот-вот ворвутся солдаты.

— Нет, не знают. В этом вся прелесть, — гордо заявил Стьюбен. — Нам чертовски повезло. Когда мы удирали, они преследовали нас два дня. Я не набирал полную скорость — только такую, чтобы удерживать дистанцию, и вел их за собой. Я подумал, может, нам еще удастся повернуть и как-нибудь подобрать вас. А затем они вдруг остановились, развернулись и полетели обратно. Мы подождали, пока они отойдут на достаточное расстояние, а потом сами повернули следом. Мы надеялись, что вы все еще скрываетесь в лесу.

— Нет, меня поймали в первый же день. Продолжайте.

— Мы набрали максимальное ускорение и отключили все, что могло дать электромагнитный шум. Между прочим, проектор отлично работает в качестве глушителя — в точности как при экспериментах Росса в прошлом месяце. Мы продефилировали прямо у них под носом, а они даже глазом не моргнули...

— Бога ради, Стью, к делу, — пробормотал Лэй. — У нас мало времени. — Он подпрыгивал от нетерпения.

— Если этот проектор попадет в руки барраярцев... — начала Корделия, повышая голос.

— Не попадет, обещаю. Так вот, «Рене Магритт» сейчас летит по параболе к здешнему солнцу: как только они подойдут к звезде достаточно близко, чтобы замаскироваться ее радиоизлучением, они наберут ускорение и пронесутся мимо, чтобы подобрать нас. У нас будет примерно двухчасовое окно, в пределах которого возможно будет подойти к «Магритту» на катере, и оно откроется... то есть открылось примерно десять минут назад.

— Слишком рискованно, — критически заметила Корделия: перед ее мысленным взором уже проходили всевозможные варианты неудачного исхода этой затеи.

— Но ведь сработало, — начал оправдываться Стьюбен. — По крайней мере, должно сработать. И тут на вдруг сказочно повезло. Когда мы искали вас с Дюбауэром, мы наткнулись на этих двух барраярцев, бродивших по лесу...

Желудок Корделии сжался. — Часом, не на Раднова и Дэробея?

Стьюбен вытарашил глаза. — Откуда вы знаете?

— Продолжай, не тяни.

— Они возглавляли заговор против этого маньяка-убийцы Форкосигана. Форкосиган собирался схватить их, так что они были чертовски рады видеть нас.

— Не сомневаюсь. Рады, как манне небесной.

— За ними прилетел барраярский патруль. Мы устроили засаду — парализовали их всех, кроме одного, которого Раднов подстрелил из нейробластера. Эти парни шутить не любят.

— А ты случайно не знаешь, кого... ладно, забудь. Что дальше?

У нее внутри все переворачивалось.

— Мы позаимствовали у них форму, взяли катер и преспокойненько пристыковались к «Генералу». Раднов и Дэробей знали все позывные. Сначала мы прошли на гауптвахту — это было просто, ведь патрулю и полагалось в первую очередь заглянуть туда. Мы думали, что вас с Дюбауэром держат там. Раднов и Дэробей выпустили всех своих приятелей пошли захватывать технический отсек. Оттуда можно вырубить любую систему корабля: орудия, жизнеобеспечение, что угодно. Они обещали отключить вооружение, когда мы будем уходить на катере.

— Я бы не стала рассчитывать на это, — предупредила Корделия.

— Неважно, — жизнерадостно отозвался Стьюбен. — Барраярцы будут так заняты выяснением отношений, что мы сможем ускользнуть незамеченными. Только подумайте, какая дивная ирония! Мясник Комарра, застреленный собственными людьми! Теперь понимаю, в чем принцип дзюдо.

— Просто дивная, — неискренне поддакнула она. «Его головой, — подумала она. — Это его головой я буду биться об стену, не своей». — Сколько вас на борту?

— Шестеро. Двое остались в катере, двое ищут Дюбауэра, а мы пришли за вами.

— Никто не остался на планете?

— Нет.

— Хорошо. — Она напряженно потеряла ее лицо, ища вдохновения, которое все никак не приходило. — Ну мы влипли. Между прочим, Дюбауэр в лазарете. Повреждение от нейробластера. — Она решила пока не вдаваться в подробности.

— Гнусные убийцы, — проворчал Лэй. — Хоть бы они тут все друг друга передушили.

Корделия повернулась к висящему над койкой монитору и вызвала упрощенный план «Генерала Форкрафта», исключив предоставленные библиотекой технические данные.

— Изучите эту схему и определите кратчайший путь к лазарету и к шлюзу, где пристыкован катер. Мне нужно кое-что выяснить. Оставайтесь здесь и не открывайте дверь. Кто еще разгуливает по кораблю?

— Макинтайр и Большой Пит.

— Ну, по крайней мере у них больше шансов сойти за баррарцев, чем у вас двоих.
— Капитан, куда вы? Почему мы не можем просто удрать?
— Объясню, когда выпадет свободная неделька. А сейчас, черт побери, извольте подчиняться приказам. Оставайтесь здесь!

Она выскользнула за дверь и неспешно направилась к капитанской рубке. Ее нервы вопили: «Беги!», но это привлекло бы лишнее внимание.

Мимо нее торопливо прошли четверо баррарцев — они едва на нее взглянули. Никогда еще Корделия не была так рада оставаться незаметной.

Зайдя в рубку, она обнаружила там Форкосигана в окружении его офицеров — они столпились вокруг интеркома, вещающего из технического отсека. Ботари тоже был здесь — он маячил за спиной Форкосигана, словно печальная тень.

— Кто на связи? — прошептала она Форкалоннеру. — Раднов?

— Да. Ш-ш.

Человек на экране продолжал:

— Форкосиган, Готтиан и Форкалоннер, один за другим, с интервалом в две минуты. Без оружия, иначе по всему кораблю будут отключены системы жизнеобеспечения. У вас пятнадцать минут на размышление, а затем мы начинаем откачивать воздух. Вы там, часом, не заблокировали вытяжки? Хорошо. Лучше не тратить время попусту, «капитан». — Он произнес последнее слово таким тоном, что оно прозвучало как смертельное оскорбление.

Лицо исчезло с экрана, но голос возник снова, эхом раскатившись по всему кораблю через систему громкоговорителей.

— Солдаты Барраяра, — воззвал он. — Ваш капитан предал императора и Совет Министров. Не дайте ему предать и вас. Сдайте его законным властям — вашему политофицеру, в противном случае нам придется убить невинных вместе с виновными. Через пятнадцать минут мы отключим систему жизнеобеспечения.

— Отключите его, — раздраженно сказал Форкосиган.

— Не могу, сэр, — ответил техник. Ботари, привыкший действовать решительно, вытащил из кобуры плазмотрон и небрежно выстрелил с бедра. Настенный динамик разлетелся вдребезги, и некоторым пришлось уворачиваться от оплавленных осколков.

— Эй, он мог бы нам еще пригодиться, — возмутился Форкалоннер.

— Не стоит, — утихомирил его жестом Форкосиган. — Спасибо, сержант.

Отдаленное эхо громкоговорителя продолжало разноситься по всему кораблю.

— Боюсь, у нас нет времени для разработки более сложных планов, — подытожил Форкосиган, очевидно, заканчивая совещание. — Приступайте к осуществлению вашей технической идеи, лейтенант Сен-Симон: если успеете вовремя — что ж, тем лучше. Я думаю, все согласятся с тем, что в данном случае предпочтительней проявить ум, нежели отвагу.

Лейтенант кивнул и поспешил прочь.

— Если его затея не выгорит, то нам придется пойти на штурм, — продолжал Форкосиган. — Они вполне способны убить всех, кто находится на корабле, и перезаписать бортовой журнал, чтобы доказать любую выдумку. Дэробей и Тейфас знают, как это устроить. Мне нужны добровольцы. Помимо меня самого и Ботари, конечно.

В добровольцы вызвались все, единогласно.

— Готтиан и Форкалоннер исключаются. Кто-то должен остаться, чтобы позже выступить свидетелем происшедшего. Теперь порядок боя. Сначала я, за мной — Ботари, следом — взводы Сигеля и Куша. Применять только парализаторы — я не хочу, чтобы какой-нибудь шальной выстрел повредил оборудование.

Несколько человек оглянулись на дыру в стене, где прежде был громкоговоритель.

— Сэр, — отчаянно заговорил Форкалоннер, — я не согласен с этим боевым порядком. Они наверняка будут использовать бластеры. У тех, кто войдет в дверь первым, нет шансов.

Форкосиган остановил пристальный взгляд на подчиненном, и через несколько секунд тот, смутившись, опустил глаза.

— Слушаюсь, сэр.

Вдруг раздался басовитый голос:

— Командор-лейтенант Форкалоннер прав, сэр.

Вздрогнув от неожиданности, Корделия поняла, что это заговорил Ботари.

— Первое место по праву принадлежит мне. Я его заслужил. — Он повернулся к своему капитану, двигая узкими челюстями. — Оно принадлежит мне.

Они встретились понимающими взглядами.

— Хорошо, сержант, — уступил Форкосиган. — Сначала вы, затем я, остальные в прежнем порядке. Идем.

Все направились к выходу; Форкосиган задержался рядом с ней.

— Боюсь, что мне все-таки не удастся этим летом погулять по набережной.

Корделия беспомощно покачала головой — у нее уже возникла ужасающе дерзкая идея.

— Я... я должна взять обратно обязательство оставаться пленной.

Форкосиган непонимающе поглядел на нее, но решил пропустить мимо ушей странную фразу, торопясь сказать главное:

— Если случится так, что я окажусь в положении вашего мичмана Дюбауэра... помните о моем выборе. Если вы сможете заставить себя, я бы хотел, чтобы вы сделали это своей рукой. Я предупрежу Форкалоннера. Вы даете слово?

— Да.

— Вам лучше оставаться в каюте, пока все не закончится. — Он нерешительно протянул руку и коснулся завитка ее рыжих волос, упавшего на плечо, затем отстранился и отошел в сторону. Корделия сорвалась с места и помчалась по коридору; пропаганда Раднова бессмысленно гудела у нее в ушах. В голове стремительно созрел план. Ее рассудок, оказавшийся в положении всадника, влекомого неведомо куда взбесившейся лошадью, отчаянно вопил: «Ты не обязана помогать этим барраряцам, твоя забота — Колония Бета, Стьюбен, «Рене Магритт», ты должна сбежать и предупредить...»

Она ворвалась в свою каюту. Чудо из чудес: Стьюбен и Лэй все еще были здесь. Они подняли головы, встревоженные ее ошалелым видом.

— Идите в лазарет. Заберите Дюбауэра и отведите его на катер. Когда Пит и Мак должны выйти на связь, если не найдут его?

— Через... — Лэй взглянул на часы, — десять минут.

— Слава Богу. Когда придете в лазарет, скажете хирургу, что капитан Форкосиган приказал вам отвести Дюбауэра ко мне. Лэй, ты подождешь в коридоре — тебе ни за что не провести хирурга. Дюбауэр не может говорить. Не удивляйтесь его состоянию. Когда доберетесь до катера, ждите — покажи-ка свой хроно, Лэй — до 0620 по нашему корабельному времени, потом вылетайте. Если к этому времени я не вернусь — значит, я остаюсь. Полный вперед и не оглядываться. Сколько конкретно людей у Раднова и Дэрбея?

— Десять или одиннадцать, наверное, — ответил Стьюбен.

— Ладно. Дай мне свой парализатор. Идите. Идите. Идите.

— Капитан, мы же прилетели сюда за вами! — воскликнул изумленный Стьюбен.

Корделия была не в силах подобрать нужные слова. Взамен она положила руку ему на плечо и произнесла:

— Я знаю. Спасибо.

И побежала прочь.

Поднявшись на этаж выше технического отсека, она очутилась на пересечении двух коридоров. В одном из них группа захвата уже готовилась к штурму, проверяя оружие, а в другом, более узком, находилось всего двое человек, охранявших люк нижней палубы — это была граница, за которой начиналась территория, простреливаемая Радновым. Узнав в одном из часовых старшину Нилезу, Корделия кинулась к нему.

— Меня прислал капитан Форкосиган, — вдохновенно соврала она. — Он хочет, чтобы я, как лицо нейтральное, сделала последнюю попытку вступить в переговоры.

— Бессмысленная трата времени, — заметил Нилеза.

— На это он и рассчитывает, — импровизировала она на ходу. — Я буду занимать их разговорами, пока он готовится к штурму. Вы сможете провести меня туда, не переполошив остальных?

— Наверное, можно попробовать. — Нилеза прошел вперед и разгерметизировал круглый люк в полу в самом конце коридора.

— Сколько человек охраняет этот вход? — прошептала она.

— Двое или трое, по-моему.

Под крышкой люка обнаружился узкий проход-колодец, на стенке которого была закреплена лестница, а посередине — шест.

— Эй, Вентц! — крикнул Нилеза вниз.

— Кто это? — донесся оттуда голос.

— Это я, Нилеза. Капитан Форкосиган хочет послать вниз эту бетанскую бабенку потолковать с Радновым.

— Чего ради?

— Почему мне знать? Это вы ставите наблюдательные камеры у каждой койки. Может, она не такая уж хорошая подстилка. — Нилеза поднял глаза и красноречиво пожал плечами, извиняясь перед ней. Она успокаивающе кивнула.

Внизу шепотом спорили.

— Она вооружена?

Корделия, проверявшая оба своих парализатора, покачала головой.

— А ты бы доверил оружие бетанке? — риторически спросил Нилеза, озадаченно наблюдая за ее приготовлениями.

— Ладно. Ты выпускаешь ее, запечатываешь люк, а затем она прыгает вниз. Если не задраишь люк до того, как она прыгнет, мы ее пристрелим. Понял?

— Ага.

— Куда я попаду, когда спрыгну вниз? — спросила она у Нилезы.

— Скверное местечко. Вы окажетесь в чем-то вроде ниши в складском помещении, примыкающем к основной рубке управления. Попасть туда можно только в одиночку, и вы будете торчать там, как мишень, а с трех сторон гладкие стены. Этот тамбур специально так спланирован.

— Значит, нет способа напасть на них отсюда? Я имею в виду — вы не собираетесь?

— Ни за что на свете.

— Хорошо. Спасибо.

Корделия нырнула в люк, и Нилеза закрыл за ней крышку с таким звуком, точно это была крышка гроба.

— Ладно, — донесся снизу голос. — Прыгай.

— Здесь высоко, — отозвалась она, без труда изобразив дрожь в голосе. — Я боюсь.

— Тьфу, пропасть. Прыгай, я тебя поймаю.

— Хорошо.

Она обхватила шест ногами и одной рукой. Когда она запихивала второй парализатор в кобуру, рука ее дрожала. К горлу подступила горькая желчь. Корделия сглотнула, сделала глубокий вдох, взяла парализатор наизготовку и спрыгнула вниз.

Она приземлилась лицом к лицу со стоявшим внизу человеком: свой нейробластер он небрежно держал на уровне ее талии. При виде парализатора он широко распахнул глаза. Ее спас барраярский обычай включать в экипаж только мужчин: он какую-то долю секунды колебался, прежде чем выстрелить в женщину. Воспользовавшись его заминкой, Корделия выстрелила первой. Он обмяк и тяжело привалился на нее, уткнувшись головой в плечо. Она подхватила его, держа перед собой вместо щита.

Вторым выстрелом она уложила следующего часового, уже вскинувшего нейробластер. Третий охранник поспешно выстрелил: заряд угодил в спину человека, которого Корделия держала перед собой, но все же слегка задел ее, опалив левое бедро. Вспыхнула

пронзительная боль, но сквозь ее сжатые зубы не вырвалось ни звука. С инстинктивной берсеркерской меткостью, шедшей словно откуда-то извне, Корделия уложила и третьего. И сразу же принялась дико оглядываться по сторонам в поисках укрытия.

Вдоль потолка тянулось несколько труб. Люди, входящие в комнату, обычно смотрят вниз и по сторонам, и только потом догадываются поднять глаза вверх. Засунув парализатор за пояс, Корделия совершила прыжок, который ни за что бы не смогла повторить на трезвую голову, подтянувшись между двумя трубами и устроившись под бронированным потолком. Беззвучно дыша открытым ртом, она снова вытащила парализатор и приготовилась встретить любого, кто войдет через овальную дверь, ведущую в главный технический отсек.

— Что там за шум? Что происходит?

— Брось гранату и запечатай дверь.

— Нельзя, там наши люди.

— Вентц, доложи обстановку!

Молчание.

— Ты пойдешь туда, Тейфас.

— Почему я?

— Потому что я тебе приказываю.

Тейфас осторожно прокрался в тамбур, переступив через порог чуть ли не на цыпочках. Он ошалело оглядывался по сторонам. Боясь, что дверь запрут и запечатают, если снова услышат пальбу, Корделия дождалась, пока он, наконец, не поднял глаза вверх.

Обаятельно улыбнувшись, Корделия помахала ему рукой.

— Закрой дверь, — проговорила она одними губами.

Он замер, уставившись на нее, и на лице его отразилась очень странная гамма чувств: изумление, надежда, гнев — все одновременно. Раструб нейробластера, нацеленный прямо ей в голову, казался огромным, как прожектор. Все равно что глядеть в око небесного правосудия. Тоже мне противостояние — бластер против парализатора. «Форкосиган прав, — подумала она. — Нейробластер гораздо убедительнее...»

Тогда Тейфас громко проговорил, — Кажется, тут утечка газа или что-то в этом роде. Лучше закрой дверь, пока я буду проверять. — Дверь послушно закрылась.

Корделия, прищурившись, улыбнулась ему с потолка:

— Привет. Хочешь выпутаться из этой передраги?

— Что вы делаете здесь, бетанка?

«Отличный вопрос», — невесело подумала она.

— Пытаюсь спасти несколько жизней. Не волнуйся — твои друзья только парализованы. — «Пожалуй, не стоит упоминать о том, который попал под дружественный огонь... возможно, погиб ради спасения моей жизни...» — Переходи на нашу сторону, — принялась уговаривать она его, словно они участвовали в какой-то детской игре. — Капитан Форкосиган простит тебя... не упомянет в рапорте. Даст тебе медаль, — торопливо пообещала она.

— Какую еще медаль?

— Почем мне знать? Какую хочешь. Тебе даже не придется никого убивать. У меня есть еще один парализатор.

— А какие у меня гарантии?

Отчаяние прибавило ей дерзости. — Слово Форкосигана. Скажешь ему, что я его дала.

— А кто вы такая, чтобы клясться его словом?

— Леди Форкосиган, если мы оба останемся в живых. — Ложь? Правда? Несбыточная мечта?

Тейфас присвистнул, с изумлением уставившись на нее. Его лицо просветлело — похоже, он поверил ей.

— Ты что, правда хочешь, чтобы сто пятьдесят твоих товарищей глотнули вакуума ради спасения карьеры министерского шпиона? — ввернула она еще один убедительный аргумент.

— Нет, — наконец твердо ответил он. — Дайте мне парализатор. — Вот он, момент истины... Она бросила ему оружие.

— Трое здесь, осталось семеро. Как будем действовать?

— Я могу заманить сюда еще двоих. Остальные у главного входа. Если повезет, мы сможем захватить их врасплох.

— Валяй.

Тейфас открыл дверь. — Тут действительно утечка газа, — Он покашлял для убедительности. — Помоги мне вытащить отсюда этих ребят, и мы задраим дверь.

— Готов поклясться, что пару минут назад слышал отсюда жужжание парализатора, — проворчал его спутник, входя в тамбур.

— Может, они пытались привлечь наше внимание.

По лицу мятежника проскользнуло подозрение — до него дошла абсурдность подобного предположения. — Но у них же не было парализаторов, — начал он, но тут, к счастью, вошел второй. Корделия и Тейфас выстрелили одновременно.

— Пятеро выбыло, пятеро осталось, — подытожила Корделия, спрыгивая на пол. Левая нога подогнулась — после ожога она плохо слушалась. — Наши шансы растут.

— Чтобы все сработало, надо действовать быстро, — предупредил Тейфас.

— Отлично, поехали.

Они выскользнули за дверь и неслышно перебежали через технический отсек. Автоматические системы продолжали свою работу, равнодушные к тому, кто ими владеет. В стороне было небрежно свалено несколько тел в черной форме. Добежав до угла, Тейфас предупреждающе поднял руку. Корделия кивнула. Тейфас спокойно вышел из-за угла, а Корделия вжалась в стену, выжидая. Когда Тейфас поднял свой парализатор, она высунулась из-за угла, ища мишень. Сужающийся коридор заканчивался главным выходом на верхнюю палубу. Там стояло пятеро человек: все их внимание было приковано к потолочному люку над металлической лестницей, из-за которого смутно доносилось шипение и лязганье.

— Они готовятся к штурму, — сказал один. — Пора выпускать им воздух.

«Знаменитые последние слова», — подумала она и выстрелила: один раз, второй. Тейфас тоже открыл огонь, быстро сняв оставшихся, и все было кончено. «И я больше никогда, — поклялась про себя Корделия, — не назову выходки Стьюбена безрассудными». Ей хотелось отшвырнуть парализатор, выть и кататься по полу, но ее работа была еще не закончена.

— Тейфас, — окликнула она. — Я должна сделать еще кое-что.

Он подошел к ней — похоже было, что и его самого тоже немного трясет.

— Я тебя выручила, и прошу тебя в ответ оказать мне одну услугу. Как вывести из строя плазменное оружие дальнего радиуса так, чтобы его нельзя было починить в ближайшие полтора часа?

— Зачем? Это капитан приказал?

— Нет, — ответила она честно. — Все это было сделано не по приказу капитана, но ведь он будет рад это видеть, тебе не кажется?

Вконец запутавшийся Тейфас не возражал.

— Если закоротить вон ту панель, — предположил он, — это сильно замедлит дело.

— Дай-ка мне свой плазмотрон.

«Нужно ли это? — размышляла она, оглядываясь по сторонам. — Да. Он непременно будет стрелять по нам: это его долг, в точности так же как мой долг — сбежать. Доверие — это одно, а измена присяге — совсем другое. Я не хочу подвергать его такому испытанию».

Итак, если только Тейфас не надул, указав на управление туалетами или что-нибудь в это духе... Корделия выстрелила по пульту и на мгновение зачарованно замерла, любуясь, как разлетаются снопы искр.

— А теперь, — сказала она, отдавая плазмотрон, — мне нужна фора в пару минут. Потом можешь открывать дверь и становиться героем. Только сперва оклики их и предупреди — у них там впереди сержант Ботари.

— Хорошо. Спасибо.

Она посмотрела на люк главного входа. «Он ведь сейчас всего в трех метрах от меня», — подумала она. Непреодолимая пропасть. Согласно физике сердца, расстояние относительно; абсолютно лишь время. Секунды, словно паучки, бежали по позвоночнику.

Она закусила губу, вперившись взглядом в Тейфаса. Последняя возможность передать весточку Форкосигану... нет. Абсурдная идея передать слова «я люблю тебя» устами Тейфаса вызвала у нее болезненный смешок. «Желаю всего наилучшего» — звучит слишком высокомерно, при этих-то обстоятельствах; «привет» — слишком холодно; что же касается простого «да»... Покачав головой и улыбнувшись на прощание недоумевающему солдату, она бросилась обратно в тамбур и вскарабкалась по лестнице. Отстучала ритмичный сигнал по крышке люка. Через мгновение люк открылся, и прямо у нее перед носом возникло дуло плазмотрона старшины Нилезы.

— У меня новые условия для вашего капитана, — бойко выпалила она. — Немного сумасбродные, но ему, наверное, понравятся. — Удивленный Нилеза помог ей вылезти и снова закрыл люк. Она пошла прочь, заглянув по пути в главный коридор. Там расположилось несколько десятков человек. Техническая команда сняла со стен половину панелей; от инструментов разлетались искры. В дальнем конце над толпой возвышалась голова сержанта Ботари, и она знала, что сержант стоит рядом с Форкосиганом. Добравшись до лестницы в конце коридора, Корделия поднялась по ней и побежала, петляя по лабиринту этажей и переходов корабля.

Смеясь и плача, задыхаясь и дрожа, она, наконец, добралась до шлюзового отсека. На посту стоял доктор Макинтайр, пытающийся выглядеть угрюмо и баррарообразно.

— Все на месте?

Он кивнул, с восторгом глядя на нее.

— Забирайся на борт, вылетаем.

Они загерметизировали за собой дверь и рухнули на сиденья, когда катер, скрипя и сотрясаясь, рванулся вперед с максимальным ускорением. Пит Лайтнер пилотировал его вручную, поскольку бетанский нейроимплант пилотирования не стыковался без переходника с баррарской системой управления. Корделия приготовилась к сумасшедшей гонке.

Она откинулась на спинку сиденья, все еще задыхаясь. Легкие разрывались после отчаянного бега. К ней подсел по-прежнему возмущенный Стьюбен. Он с тревогой наблюдал, как ее трясет безудержная дрожь.

— Это преступление — то, что они сделали с Дюбауэром, — сказал он. — Вот бы разнести на мелкие кусочки весь этот чертов корабль. Вы не знаете, Раднов все еще прикрывает нас?

— У них некоторое время не будет работать оружие дальнего радиуса, — доложила она, не вдаваясь в детали. Сумеет ли она когда-нибудь объяснить ему? — Ох. Я собиралась спросить... кого из баррарцев подстрелили из нейробластера там, на планете?

— Не знаю. Его форма — на докторе Макинтайре. Эй, Мак, что за имя написано у тебя на кармане?

— Ух, посмотрим, смогу ли я разобрать их алфавит. — Он беззвучно пошевелил губами. — Ку... Куделка.

Корделия печально опустила голову.

— Он погиб?

— Когда мы улетали, он был жив, но точно не выглядел слишком здоровым.

— А что вы делали все это время на борту «Генерала»? — любопытствовал Стьюбен.

— Отплатила долг. Долг чести.

— Ладно, не рассказывайте. Узнаю потом. — Он помолчал, а затем, решительно кивнув, добавил: — Надеюсь, этому ублюдку, кем бы он ни был, досталось по полной программе.

— Слушай, Стью... Я ценю все, что ты сделал. Но мне действительно нужно несколько минут побыть одной.

— Конечно, капитан. — Он сочувственно поглядел на нее и отошел в сторону, бормоча себе под нос: — Чертовы подонки.

Корделия прижалась лбом к холодному стеклу и тихонько всхлипнула, оплакивая участь своих врагов.

ГЛАВА 7

Корделия Нейсмит, капитан Бетанского Экспедиционного корпуса, ввела в корабельный компьютер последние навигационные данные. Сидевший рядом с ней старший пилот, Парнелл, проверял контакты и антенны своего шлема и устраивался поудобнее в мягком кресле, готовясь принять нейроуправление в ходе предстоящего скачка через пространственно-временной туннель.

Ее новым кораблем стал массивный тихоходный грузовоз, лишенный какого бы то ни было вооружения — обычная рабочая лошадка с торгового маршрута между Эскобаром и Колонией Бета. Но с Эскобаром вот уже шестьдесят дней не было прямой связи — с тех самых пор, как барраярский флот вторжения заблокировал эскобарский конец туннеля, словно пробка — горлышко бутылки. Согласно последним дошедшим сообщениям, флотилии Эскобара и Барраяра продолжали маневрировать в медлительном смертоносном танце, пытаясь обрести тактическое преимущество, и пока что не вступали в крупномасштабный бой. Предполагалось, что барраярцы десантируют свои наземные войска на планету лишь после того, как полностью возьмут под контроль эскобарское пространство.

Корделия связалась с инженерным отсеком:

— Нейсмит на связи. Вы готовы?

На экране появилось лицо инженера, с которым она познакомилась всего два дня назад. Он был молод и, подобно ей, снят со службы в Экспедиции. Нет смысла расходовать на этот вояж опытных и знающих военных. Как и на Корделии, на нем была обычная астроэкспедиционная форма. Ходили слухи, что для Экспедиционного корпуса разрабатывается новая форма, но пока что ее еще никто не видел.

— Все готово, капитан.

В его голосе не чувствовалось страха. «Что ж, — подумала Корделия. — Наверное, он еще слишком молод, чтобы по-настоящему поверить в смерть после жизни». Она осмотрелась напоследок, устроилась поудобнее и глубоко вздохнула.

— Пилот, управление переходит к вам.

— Управление принято, мэм, — официально ответил тот.

Спустя несколько секунд она ощутила неприятную волну тошноты, и внезапно накрыло липкое, тревожное ощущение — такое бывает, когда просыпаешься после кошмара, которого не можешь вспомнить. Скачок был завершен.

— Управление переходит к вам, мэм, — устало пробормотал пилот. Пережитые ею несколько секунд равнялись для него нескольким часам.

— Управление принято, пилот.

Корделия тут же склонилась над комм-пультом и запросила данные о тактической обстановке в зоне их местонахождения. Вот уже целый месяц никто не пытался прорваться через этот туннель, и она горячо надеялась, что барраярцы потеряли бдительность и отреагируют не сразу.

А вот и они. Шесть кораблей, два из которых уже начали маневрировать. Вот тебе и «потеряли бдительность».

— Пройдем прямо между ними, пилот, — распорядилась Корделия, вводя данные в компьютер. — Хорошо, если нам удастся увести с позиций их всех.

Два первых корабля уже приблизились и открыли огонь, стреляя неторопливо и аккуратно — спешить им было некуда, а стало быть, не было необходимости тратить энергию на беспорядочную пальбу. «Мы для них просто мишень для тренировочной стрельбы, — подумала она. — Что ж, будет вам тренировочная стрельба». Все корабельные

системы, не относящиеся к защите, померкли, да и сам корабль, охваченный плазменным огнем, будто бы застонал от перегрузки. Но вот они вырвались из зоны обстрела баррарцев.

Она вызвала инженерный отсек:

— Проекция готова?

— В полной готовности.

— Пошел.

В двенадцати тысячах километров позади них возник бетанский дредноут, как будто только что выскочивший из п-в-туннеля. Он набирал ускорение, немыслимое для такого крупного корабля; на самом деле, его скорость соответствовала их собственной. Он следовал за ними, как привязанный.

— А-ха! — Корделия торжествующе захлопала в ладоши и крикнула в интерком: — Они клюнули! Они все начали маневрировать. О, все лучше и лучше!

Преследовавшие их корабли сбавили скорость, готовясь развернуться и взяться за более крупную дичь. Четыре корабля, которые до сих пор благонаравно караулили свои посты, тоже начали разворот. Несколько минут у них ушло на то, чтобы занять выгодную позицию. Несколько баррарских кораблей напоследок дали по бетанскому грузовозу залп, скорее напоминавший салют; теперь все их внимание было поглощено его большим собратом. Баррарским командующим, несомненно, казалось, что они заняли превосходную тактическую позицию, выстроившись в линию и открыв по дредноуту сокрушительный огонь. Этот маленький кораблик, изображающий из себя боевой крейсер, мимо них к Эскобару не проберется, деваться ему некуда. Они его подберут потом, на досуге.

Силовые экраны корабля уже отключились, ускорение снижалось: проектор поглощал энергию со страшной силой. Но с каждой минутой они уводили баррарцев все дальше от охраняемой ими норки.

— Мы сможем продержаться еще около десяти минут, — сообщил инженер.

— Хорошо. Оставьте резерв на самоуничтожение аппаратуры. Командование настаивало, что в случае захвата баррарцам не должно достаться и двух сцепленных молекул, которые могли бы помочь им разгадать эту головоломку.

— Это же преступление — губить такую прекрасную машину. Умираю от желания заглянуть в нее.

«Может, и умрешь, если баррарцы захватят нас», — подумала Корделия. Она направила все наблюдательные мониторы назад — к началу их маршрута. Далеко-далеко позади, у выхода из п-в-туннеля, возник теперь уже настоящий бетанский корабль — не военный, грузовой, — который без всяких помех рванул к Эскобару. Это был один из новейших кораблей торгового флота, с которого содрали все вооружение и экраны и переоборудовали для выполнения всего двух функций: нести тяжелую полезную нагрузку и лететь сломя голову. За ним появился второй корабль, следом — третий. Вот и все. Они уже успели набрать такую фору, что баррарцам ни за что не догнать их.

Бетанский дредноут взорвался, рассыпавшись впечатляющим радиоактивным фейерверком. К несчастью, изобразить обломки было невозможно. «Интересно, скоро ли баррарцы сообразят, что их провели? — подумала Корделия. — Надеюсь, у них есть чувство юмора...»

Теперь ее корабль, потерявший почти всю энергию, свободно дрейфовал в пространстве. Корделия ощутила странную легкость, и тут же поняла, что это не кажущийся эффект — отказывает искусственная гравитация.

У шлюза, ведущего к катеру, они встретились с инженером и двумя его помощниками, передвигающимися по коридору долгими скачками, переходящими в плавный полет: гравитация испустила дух. Катер, которому предстояло стать их спасательной шлюпкой, был упрощенной моделью — тесной и неудобной. Они всплыли в него и задраили люк. Пилот скользнул в кресло управления, опустил на голову шлем, и катер отошел от умирающего корабля. Инженер подплыл к Корделии и вручил маленький черный ящик.

— Я подумал, что эта честь по праву принадлежит вам, капитан.

— Ха. Готова поспорить, что вы бы и с собственным обедом не справились, — ответила она, пытаясь разрядить обстановку. Они прослужили на этом корабле всего каких-то пять часов, но все равно это больно. — Мы уже достаточно отошли, Парнелл?

— Да, капитан.

— Джентльмены, — произнесла она и сделала паузу, обводя взглядом свой экипаж. — Я благодарю вас всех. Отвернитесь, пожалуйста, от левого иллюминатора.

Она повернула рычажок на коробочке. Снаружи бесшумно вспыхнул ослепительный голубой свет, и все кинулись к крошечному иллюминатору, успев увидеть лишь последний красноватый отблеск: корабль плавился, сворачивался вовнутрь, погребая военные тайны в дрейфующей могиле.

Они торжественно пожали друг другу руки — одни были при этом вверх головой, другие — вверх ногами, прочие плавали под другим углом. Затем все расселись по местам. Корделия устроилась за навигационным пультом рядом с Парнеллом, пристегнулась и наскоро проверила все системы.

— Теперь начинается самое сложное, — пробормотал Парнелл. — Я бы все-таки предпочел набрать максимальное ускорение и попробовать оторваться от них.

— Может, нам и удалось бы уйти от этих неповоротливых линкоров, — признала Корделия. — Но их скоростные курьеры нас живьем съедят. По крайней мере, мы выглядим как астероид, — добавила она, подумав об искусном зонд-отражающем камуфляже, покрывающем катер словно ореховая скорлупа. Помолчали; Корделия собиралась с мыслями, сосредоточиваясь на предстоящей задаче.

— Ладно, — произнесла она наконец, — пора уходить отсюда. Скоро здесь станет слишкомлюдно.

Она не сопротивлялась ускорению, позволив ему вжать ее в спинку кресла. Устала. Она и не думала, что усталость может оказаться сильнее страха. Эта дурацкая война значительно расширяет психологический кругозор. Хронометр явно врет. Наверняка прошел уже год, а не час...

На контрольной панели замигал маленький индикатор. Страх волной накрыл ее, разом смыв усталость.

— Отключить все, — распорядилась она, кинувшись нажимать на кнопки, и через мгновение уже погрузилась в невесомую темноту. — Парнелл, задай нам небольшое естественное вращение. — Вестибулярный аппарат и подступившая к горлу тошнота подсказали ей, что ее приказ исполнен.

Теперь она окончательно потеряла чувство времени. Кругом царили мрак и тишина, изредка нарушаемые шепотом или шорохом ткани о пластик, когда кто-то шевелился на своем сидении. Воображение рисовало, как баррарские зонды ощупывают корабль, прикасаются к ней, проводя ледяными пальцами по позвоночнику. Я — камень. Я — пустота. Я — тишина... Тут тишина нарушилась: позади кого-то вырвало, кто-то шепотом чертыхнулся. Проклятое вращение. Остается надеяться, что на этот раз он успел взять пакетик...

Внезапно шлюпку тряхнуло, и возникла сила тяжести — правда, под довольно странным углом. Парнелл выдохнул проклятие, похожее на всхлип.

— Буксирный луч! Вот и все. — Корделия облегченно вздохнула, потянулась к приборной панели и вернула корабль к жизни, поморщившись от непривычно яркого света. — Ну что ж, давайте поглядим, что нас поймало.

Ее руки порхали над панелью. Глянув на наружные мониторы, она поспешно нажала на красную кнопку, стирающую память корабельного компьютера и распознавательные коды.

— Что там за чертовщина? — встревожено спросил подошедший к Корделии инженер, заметив этот лихорадочный жест.

— Два крейсера и скоростной курьер, — оповестила она его. — Похоже, они слегка превосходят нас числом.

Он невесело хмыкнул.

Из комм рявкнул бестелесный голос; она поспешно уменьшила громкость.

— ...не объявите о капитуляции, мы уничтожим вас.

— Это спасательный катер А5А, — ответила Корделия, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Под командованием капитана Корделии Нейсмит, Бетанский Экспедиционный корпус. Мы — невооруженная спасательная шлюпка.

Из комм раздалось удивленное «пф!», а голос добавил:

— Еще одна чертова баба! Медленно же до вас доходит.

Послышалось какое-то неясное бормотание, затем голос снова вернулся к официальному тону:

— Вас возьмут на буксир. При первых же признаках сопротивления вы будете уничтожены. Понятно?

— Вас поняла, — ответила Корделия. — Мы сдаемся.

Парнелл с досадой покачал головой. Корделия отключила комм и повернулась к нему, вопросительно изогнув бровь.

— По-моему, нам все-таки стоит попробовать оторваться, — сказал он.

— Нет. Эти ребята — профессиональные параноики. Самый нормальный, которого я встречала, терпеть не может комнат с закрытыми дверями — мол, никогда не знаешь, что творится по другую сторону. Если они говорят, что будут стрелять, лучше им верить.

Парнелл с инженером переглянулись.

— Валяй, 'Нелл, — сказал инженер. — Скажи ей.

Парнелл прочистил горло и облизнул пересохшие губы.

— Мы хотим, чтобы вы знали, капитан — если вы считаете, что... э-э, лучше было бы взорвать катер, то мы не возражаем. Никто из нас не жаждет попасть в плен.

Корделия изумленно мигнула, услышав такое предложение.

— Это... очень храбро с вашей стороны, старший пилот, но совершенно излишне. Не льстите себе. Нас выбрали как раз потому, что мы мало знаем. Вы лишь смутно догадываетесь, что за груз был на борту этих кораблей, и даже я не в курсе технических деталей. Если мы разыграем покорность, то у нас по крайней мере есть шанс выкарабкаться из этого живыми.

— Мы не о допросах думали, мэм. Мы имели в виду... другие их обычаи.

Повисло тягостное молчание. Корделия вздохнула, погружаясь в водоворот печальных сомнений.

— Ничего, — произнесла она наконец. — Их дурная репутация сильно преувеличена. Некоторые из них — вполне приличные люди. — «Особенно один, — насмешливо подсказал ей рассудок. — И даже если предположить, что он все еще жив, неужто ты действительно считаешь, что отыскать его в этой неразберихе? Отыскать его, спасти от тех подарочков, которые ты сама же только что привезла сюда из оружейной лавки преисподней, да при этом еще ухитриться не изменить своему долгу? А может, это тайный сговор о самоубийстве? Понимаешь ли ты саму себя? Познай себя».

Наблюдавший за ней Парнелл мрачно покачал головой.

— Вы уверены?

— Я в жизни никого не убивала. И не собираюсь начинать со своих товарищей. Оставьте это, ради Бога!

Парнелл понимающе хмыкнул, подтверждая справедливость последнего замечания; ему не удалось до конца скрыть облегчение.

— И потом, мне есть ради чего жить. Война не может длиться вечно.

— Кто-то ждет дома? — спросил он, и когда она повернулась приборной панели, проницательно добавил, — Или где-то здесь?

— Ох, да. Где-то здесь.

Он сочувственно покачал головой.

— Это тяжело. — Всмотревшись в ее застывший профиль, он попытался ободрить ее: — Но вы правы. Рано или поздно наши ребята вышибут отсюда этих ублюдков.

Она машинально выдохнула «ха!» и помассировала лицо кончиками пальцев, пытаясь снять напряжение. Ее мысленному взору предстало невероятно яркое и отчетливое видение: огромный военный корабль раскалывается на части, и из него, как из гигантского стручка, рассыпается его живое содержимое. Замороженные, стерильные семена, дрейфующие в безвоздушном пространстве, раздувшиеся от декомпрессии и вращающиеся. Интересно, возможно ли будет после этого распознать лицо? Она повернулась спиной к Парнеллу, давая понять, что разговор окончен.

Барраярский скоростной курьер подобрал их примерно через час.

В первую очередь ее поразил знакомый запах: металл, машинное масло, озон, пот... Запах барраярского корабля. Крепко придерживая Корделию за локти, двое высоких солдат в черной форме отконвоировали ее через узкую овальную дверь в один из отсеков огромного флагмана — главный тюремный отсек, догадалась она. Ее и четверых ее людей безжалостно раздели, тщательно обыскали, подвергли медицинскому осмотру, голографии, потом сняли отпечатки сетчатки, установили личность и выдали бесформенные оранжевые пижамы. Ее людей куда-то увели. Вопреки собственным недавним уверениям, ее мучила тошнотворная мысль, что сейчас с их сознания начнут снимать слой за слоем в поисках информации, которой у них нет. «Успокойся, — утешал ее рассудок. — Наверняка барраярцы приберегут их для обмена пленными». Внезапно охранники вытянулись в по стойке «смирно». Она повернулась и увидела высокопоставленного барраярского офицера, входящего в палату обработки. Ярко-желтые нашивки на воротнике темно-зеленого парадного мундира обозначали офицерский чин, с которым Корделии еще не приходилось сталкиваться; через мгновение она потрясенно сообразила, что это цвет вице-адмирала. Определив его ранг, она уже знала, кто он такой, и теперь с интересом разглядывала его. Форратьер, вот как его зовут. Командует барраярской армадой совместно с крон-принцем Сергом Форбаррой. Наверное, именно он выполняет основную работу; она слышала, что его прочат на пост нового военного министра Барраяра. Так вот как выглядит эта восходящая звезда.

Он был слегка похож на Форкосигана — немного выше ростом, хотя весит, наверное, столько же, но не за счет костей и мышц, а за счет жира. У него тоже были темные волосы, чуть более вьющиеся, чем у Форкосигана, и меньше тронутые сединой. Даже возраст примерно тот же, хотя этот тип был немного смазливей. Вот глаза у него совсем другие — темно-карие, бархатные, опущенные длинными черными ресницами. Корделии никогда еще не доводилось встречать у мужчины таких прекрасных глаз. Но в них таилось нечто, пробудившее в глубине ее подсознания еле слышный вопль: «Ты думала, что сегодня уже извела глубины страха, но ты ошибалась: вот он, настоящий страх, всепоглощающий, без надежды». Это было странно, ведь такие красивые глаза по идее должны казаться привлекательными. Она отвела взгляд, решительно сказав себе, что смятение и внезапная неприязнь — всего лишь следствие расшатанных нервов, и принялась ждать.

— Назовитесь, бетанка, — прорычал он. Эти слова вызвали у нее дезориентирующее чувство дежа-вю.

Пытаясь обрести равновесие, она четко отсалютовала и нахально заявила:

— Капитан Корделия Нейсмит, Бетанская Астроэкспедиция. Мы — военное подразделение. Боевая часть. — Эта приватная шутка, естественно, не дошла до него.

— Ха. Разденьте ее и разверните.

Он отступил назад, наблюдая. Двое ухмыляющихся охранников подчинились приказу. «Не нравится мне такое начало...» Она натянула маску невозмутимости, призвав на помощь все скрытые запасы хладнокровия. Спокойно. Спокойно. Он просто хочет запугать тебя. Это сквозит в его глазах, в его голодных глазах. Спокойно.

— Немного старовата, но сойдет. Я пришлю за ней позже.

Охранник всучил ей пижаму. Она одевалась медленно, чтобы разозлить их: это был как бы стриптиз наоборот, точно выверенные движения напоминали японскую чайную церемонию. Один из солдат зарычал, а другой грубо отпихнул ее назад, к камере. Она кисло

улыбнулась своему успеху, подумав, что хотя бы в чем-то еще может распоряжаться своей судьбой. «А если я смогу заставить их избить меня, то будут ли мне начислены дополнительные очки?»

Они затолкали ее в голую металлическую камеру и оставили там. Она продолжила игру, теперь уже просто ради собственного удовольствия: грациозно опустилась на колени и застыла в церемониальной позе — правый носок, как и положено, лег на левый, руки покоятся на бедрах. Прикосновение напомнило ей об омертвевшем участке на левой ноге, не воспринимавшем ни жара, ни холода, ни давления — этот сувенир остался у нее от предыдущего столкновения с барраярской армией. Корделия прикрыла глаза и позволила мыслям течь свободно, надеясь, что у ее тюремщиков создастся тревожное впечатление глубокой и, возможно, опасной сосредоточенности. Притворная агрессивность лучше, чем ничего. Около часа она провела в коленопреклоненной позе, сохраняя неподвижность; когда непривычные мышцы стали напоминать о себе особенно болезненно, охранники вернулись.

— Адмирал вас требует, — лаконично проговорил один. — Идем.

Корделию снова повели через бесконечные коридоры корабля; ее сопровождали двое конвоиров. Один ухмылялся и раздевал ее глазами. Другой глядел на нее с жалостью, что тревожило гораздо сильнее. Она задумалась, насколько время, проведенное с Форкосиганом, заставило ее забыть об опасностях плена. Они дошли до отсека офицерских кают, и остановились перед одной из овальных металлических дверей. Ухмыляющийся солдат постучал, и получил разрешение войти.

Эти адмиральские апартаменты сильно отличались от ее простой каюты на «Генерале Форкрафте». В первую очередь величиной — переборки, разделяющие две смежных каюты, были снесены, образуя таким образом вдвое большее пространство. Все помещение было обставлено чрезвычайно роскошной мебелью. При ее появлении адмирал Форратьер поднялся с бархатного стула, однако она не сочла это жестом вежливости.

Он с хитрым видом обошел вокруг Корделии, наблюдая, как ее взгляд обследует комнату.

— Ну как, здесь получше, чем в тюремной камере, а? — поинтересовался он.

— Похоже на будуар шлюхи, — ответила она, играя на публику.

Ухмыляющийся солдат прыснул, а второй так вообще рассмеялся в открытую, но сразу же умолк под гневным взглядом Форратьера. Интересно, что такого смешного она сказала? Тут до нее начало доходить назначение некоторых деталей обстановки, и она поняла, что, сама того не ведая, попала в точку. Вот, например, что за странная статуэтка там в углу? Хотя, надо признать, она не лишена определенных художественных достоинств.

— И притом обслуживающей довольно своеобразных клиентов, — добавила она.

— Пристегните ее, — приказал Форратьер, — и возвращайтесь на свои посты. Я позову вас, когда закончу.

Ее уложили на спину на широкой неуставной кровати, закрепив руки и ноги мягкими браслетами, каждый из которых был соединен с углом кровати короткой цепью. Просто, устрашающе, никаких шансов вырваться.

Жалевший Корделию охранник, пристегивая ее запястье, едва слышно шепнул:

— Простите.

— Да ничего, — выдохнула она в ответ. Они мимолетно обменялись якобы равнодушными взглядами, скрыв этот тайный разговор от наблюдающего за ними Форратьера.

— Ха. Это вы сейчас так думаете, — все с той же гадкой улыбочкой промурлыкал второй охранник, застегивая другой ремешок.

— Заткнись, — прошипел первый, кинув на него яростный взгляд. Между ними повисло нечистое, гнетущее молчание. Наконец охранники удалились.

— Похоже на постоянную установку, — обратилась Корделия к Форратьеру. Она была странным образом зачарована: вся эта ситуация напоминала оживший гадкий анекдот. — А что вы делаете, когда не удастся поймать бетанок? Ищете добровольцев?

Он нахмурился, но через мгновение лицо его снова разгладилось.

— Продолжайте в том же духе, — поощрил ее он. — Меня это развлекает. Это сделает окончательную развязку еще более пикантной.

Форратьер расстегнул воротник мундира, налил себе вина из совсем уж неуставного мини-бара, и присел рядом с ней с непринужденным видом человека, зашедшего провести больного приятеля. Он внимательно разглядывал ее, и красивые карие глаза светились от предвкушения.

Она пыталась не дать волю нервам; может, он всего лишь насильник. Простой насильник — это еще вполне терпимо. Такие наивные, детские души, даже не слишком противные. Даже у порочности есть относительная шкала...

— Я не знаю никаких военных тайн, — сообщила она. — Вы зря тратите время.

— А я и не думаю, что вы что-то знаете, — равнодушно отозвался он. — Хотя в ближайшие несколько недель вы, несомненно, возжаждете рассказать мне все, что вам известно. Ужасное занудство. Меня все это не интересует. Если бы мне нужна была ваша информация, медики в два счета вытянули бы ее из вас. — Он отхлебнул вина. — Хотя любопытно, что вы сами заговорили об этом — возможно, чуть позже я отправлю вас в лазарет.

Ее желудок сжался. «Идиотка, — мысленно заорала она на себя, — ты хоть понимаешь, что уничтожила все шансы уклониться от допроса? Но нет, наверняка это стандартная процедура психологической обработки. Он просто обрабатывает тебя. Тонко, неуловимо. Успокойся...»

Он снова сделал глоток.

— Знаете, мне кажется, я получу немалое удовольствие от зрелой женщины — это разнообразит мой досуг. Может, молоденькие и выглядят привлекательнее, но с ними слишком просто. Никакого азарта. Могу сказать уже сейчас, что с вами будет чертовски интересно. Для впечатляющего падения необходима большая высота, не правда ли?

Корделия вздохнула и уставилась в потолок.

— Ну, я уверена, что это будет весьма познавательно. — Она попыталась вспомнить, как отключалась от действительности во время секса со своим прежним любовником — в самый скверный период их отношений, незадолго до того, как у нее наконец хватило духу вытурить его. Может, сейчас будет немногим хуже...

Улыбаясь, Форратьер поставил бокал на столик у кровати, выдвинул ящик и достал оттуда маленький ножик — острый, как старинный скальпель. Рукоятка была усыпана драгоценными камнями: они успели сверкнуть, прежде чем рука адмирала закрыла их. С отсутствующим видом Форратьер принялся вспарывать оранжевую пижаму, снимая ее, точно кожуру с фрукта.

— Разве это не казенное имущество? — осведомилась Корделия, но тут же пожалела о том, что заговорила: голос сорвался на слове «имущество». Это все равно что бросить подачку голодному псу — он будет прыгать еще выше.

Довольный Форратьер хмыкнул. Он намеренно позволил ножу соскользнуть и ойкнул с притворной досадой. Лезвие на сантиметр вошло в ее бедро. Он жадно наблюдал за ее реакцией. Нож попал в участок, лишенный чувствительности; она не чувствовала даже горячей струйки крови, побежавшей из раны. Его глаза сузились от разочарования. Корделии удалось сдержаться и не посмотреть на рану. В этот момент она пожалела, что так мало знает о состоянии транса.

— Сегодня я вас не изнасилую, — как бы между прочим сообщил он, — если вы думали об этом.

— Это приходило мне в голову. Не понимаю, что заставило меня предположить такое.

— Сегодня у нас мало времени, — пояснил он. — Сегодня, так сказать, только закуска в начале банкета. Простой бульон, без всяких изысков. Все сложные вещи придется приберечь на десерт — это будет через несколько недель.

— Я не ем десерта. Слежу за фигурой, знаете ли.

Он усмехнулся.

— Вы просто прелесть. — Он отложил нож и снова отпил из бокала. — Знаете, офицеры всегда поручают работу подчиненным. А я поклонник древней земной истории. Мое любимое столетие — восемнадцатое.

— А я бы подумала — четырнадцатое. Или двадцатое.

— Через день-два я отучу вас перебивать меня. Так о чем я? Ах, да. Так вот, в одной из старинных книг я набрел на очаровательнейшую сцену, в которой одну знатную даму, — он поднял бокал, словно провозглашая тост в ее честь, — насилует больной слуга по приказу своего господина. Очень пикантно. Увы, венерические болезни отошли в прошлое. Но я могу отдать приказ больному слуге, хотя заболевание у него не физическое, а душевное. Настоящий, неподдельный параноидальный шизофреник.

— Каков хозяин, таков и слуга, — бросила она наугад. «Я долго не продержусь; у меня скоро начнется истерика...»

Ее реплика была вознаграждена кислой улыбкой.

— Видите ли, он слышит голоса, как Жанна д'Арк, вот только они, по его словам, демоны, а не святые. Иногда у него бывают и визуальные галлюцинации. И он очень крупный мужчина. Я использовал его и раньше, причем неоднократно. Он не из тех, кто легко... э-э, привлекает женщин.

В этот момент раздался стук в дверь, и Форратьер повернулся к ней.

— А, заходи, сержант. Я как раз говорил о тебе.

— Ботари, — выдохнула Корделия. Пригнув голову, в дверной проем протиснулась высокая фигура со знакомым лицом борзой. Как, каким образом этот тип смог разгадать ее тайный кошмар? В памяти пронесся калейдоскоп образов: пестрая листва леса, треск нейробластера, лица мертвеца или полумертвеца, фигура, нависшая над ней, точно тень смерти.

Она заставила себя сосредоточиться на настоящем. Узнает ли он ее? Его взгляд еще не коснулся ее; он не отрывал глаз от Форратьера. Слишком близко они посажены, эти глаза, и один чуть ниже другого. Такая необычная асимметрия еще более усиливала и без того весьма изрядное уродство лица. Кипящее воображение Корделии рванулось к его телу. Это тело — оно тоже какое-то неправильное, скорченное... совсем не похожее на прямую, статную фигуру человека, потребовавшего от Форкосигана права быть первым. Неправильно, неправильно, ужасающе неправильно. Сержант был на голову выше Форратьера, и все же он будто бы пресмыкался перед своим хозяином. Его позвоночник свернулся от напряжения, когда он устремил горящий взор на своего... мучителя? Что мог такой истязатель разума, как Форратьер, делать с таким материалом, как Ботари? Боже, Форратьер, неужто в своей вызывающей аморальности, в своем чудовищном тщеславии ты воображаешь, что способен управлять этим примитивным, необузданным существом? И ты смеешь играть с этим угрюмым безумием, затаившимся в его глазах? Ее мысли бились в такт с бешеной скачкой пульса. В этой комнате две жертвы. В этой комнате две жертвы. В этой...

— За дело, сержант. — Форратьер указал через плечо на Корделию, распростертую на кровати. — Трахни-ка мне эту бабенку. — Он подвинул кресло поближе и приготовился смотреть, внимательно и радостно. — Давай, давай.

Ботари все с тем же непроницаемым лицом расстегнул брюки и подошел к изножию кровати. Тут он впервые на нее посмотрел.

— Будут какие-нибудь последние слова, «капитан» Нейсмит? — ехидно поинтересовался Форратьер. — Или ваш запас остроумия наконец иссяк?

Она смотрела на Ботари, охваченная острой жалостью, почти на грани любви. Он был словно в трансе — его вела похоть без удовольствия, возбуждение без надежды. «Бедный ублюдок, — подумала она, — во что же они тебя превратили». Забыв о словесном поединке, она искала в своем сердце слова не для Форратьера, а для Ботари. Какие-нибудь целительные слова — я не прибавлю новый груз к его безумию... Воздух в каюте казался холодным и липким, и она дрожала, чувствуя испытывая безграничную усталость, беспомощность и

печаль. Он припал к ней, тяжелый и темный, как свинец, и кровать под ним заскрипела.

— Я верю, — наконец медленно произнесла она, — что мученики очень близки к Богу. Мне очень жаль, сержант.

Он воззрился на нее, приблизив лицо, и смотрел так долго, что она усомнилась, услышаны ли им эти слова. Его дыхание было зловонным, но она не отвернулась. А затем, к полному изумлению Корделии, он встал и застегнул брюки.

— Нет, сэр, — проговорил он своим монотонным басом.

— Что? — изумленно выпрямился Форратьер. — Почему?

Сержант нахмурился, подбирая слова, и наконец изрек:

— Она пленная коммодора Форкосигана, сэр.

Форратьер недоуменно уставился на нее, но через несколько мгновений его лицо осветилось пониманием.

— Так вы бетанка Форкосигана!

Все его хладнокровное веселье разом испарилось, зашипев, как капля воды на раскаленном металле. Бетанка Форкосигана? На миг в сердце Корделии вспыхнула надежда, что имя Форкосигана послужит паролем к спасению, но эта надежда тут же угасла. Нет, эта мразь никоим образом не может приходить к Форкосигану другом. Теперь Форратьер смотрел не на нее, а сквозь нее — словно она была окном, из которого открывался изумительный вид. Бетанка Форкосигана?

— Значит, теперь я держу этого самовлюбленного высоконравственного сукина сына прямо за яйца, — яростно выдохнул он. — Это будет даже лучше, чем в тот день, когда я рассказал ему о жене. — С его лицом происходила удивительная метаморфоза: казалось, маска любезности начала оплавляться и отваливаться кусками. Ощущение было такое, будто, шагая по твердой земле, внезапно натыкаешься на жерло kloкочущего вулкана. Тут он словно вспомнил о своей маске и попытался собрать ее расползающиеся обломки — но лишь отчасти преуспел в этом.

— Должен признаться, вы совершенно ошеломили меня. Какие возможности открываются! Ради такой идеальной мести не жаль прождать восемнадцать лет. Женщина-солдат. Ха! По-видимому, он счел вас идеальным решением нашего взаимного... затруднения. Мой идеальный воин, мой дорогой лицемер, Эйрел. Могу поспорить, вам о нем многое неизвестно. И знаете, почему-то я совершенно уверен, что он не упоминал обо мне в разговорах с вами.

— Не по имени, — согласилась она. — Но категорию вашу упоминал.

— И что же это за категория?

— Насколько я помню, он использовал термин «отбросы армии».

Он кисло усмехнулся. — Женщине в вашем положении я бы не рекомендовал обзывать.

— О, так значит, вы включаете себя в эту категорию? — машинально парировала она, но сердце ее сжалось, оставив в груди гулкую пустоту. Как Форкосиган мог оказаться сосредоточием безумия этого человека? Его глаза сейчас напоминают глаза Ботари...

Улыбка адмирала сделалась жестче.

— В свое время куда я себя только не заключал... в чьи только объятия. И не последнее место занимал в этом ваш любовник-пуританин. Пусть твоё воображение пока остановится на этом, лапушка, дорогуша, прелесть моя. Встретив его сейчас, трудно поверить, каким веселым вдовцом был он в прежние времена, когда еще не ударился в эту отвратительную ханжескую добродетель. — Он рассмеялся.

— Твоя кожа такая светлая. Он прикасался к тебе — вот так? — Форратьер провел ногтем по внутренней стороне ее руки, и она задрожала. — И твои волосы. Я совершенно уверен, что он очарован этими вьющимися волосами. Такие шелковистые, и такой необычный цвет. — Он нежно накрутил одну прядь на палец. — Надо подумать, что мы сделаем с этими волосами. Можно было бы, конечно, сразу снять скальп, но все же хочется придумать что-нибудь более творческое. Возможно, я возьму с собой один локон, достану

его на совещании штаба и начну будто бы рассеянно поигрывать им, пропускать сквозь пальцы — посмотрим, как скоро это привлечет его внимание. Подкреплю его сомнения и растущий страх... хм, одним-двумя случайными замечаниями. Интересно, скоро ли он начнет запинаться и путаться в своих раздражающе безупречных докладах... Ха! А потом отправить его на недельку-другую на задание, все еще сомневающегося, все еще не уверенного...

Он взял со столика усыпанный самоцветами нож и срезал густую прядь, аккуратно свернул ее и спрятал в нагрудный карман. И все это время не переставал любезно улыбаться.

— Конечно, нужно быть осторожным, чтобы не доводить его до бешенства — он иногда становится таким гадко неуправляемым... — Он провел пальцем по левой стороне подбородка — там, где у Форкосигана был шрам. — Гораздо легче начать, чем остановиться. Хотя в последнее время он заметно присмирел. Твое влияние, лапушка? Или он просто стареет?

Он небрежно швырнул нож на столик, потер руки, громко расхохотался и улегся рядом с Корделией, ласково зашептав ей на ухо:

— А после Эскобара, когда нам уже не нужно будет считаться со сторожевым псом императора, передо мной откроются беспредельные возможности. Столько вариантов... — И он пустился строить планы, смакуя каждую непристойную подробность, как будет пытаться через нее Форкосигана. Эти видения полностью захватили его, лицо побледнело и покрылось потом.

— Не может быть, чтобы такое сошло вам с рук, — проговорила она слабым голосом. Теперь она уже не скрывала своего страха, и слезы бежали из уголков ее глаз, оставляя на висках мокрые дорожки и скрываясь в волосах — но его все это уже не интересовало. Она-то думала, что уже низверглась в глубочайшую бездну страха, но теперь пол под ней провалился, и она снова падала в бездонный колодезь, переворачиваясь на лету.

Похоже, к Форратьеру отчасти вернулось самообладание; он встал и обошел кровать кругом, не отрывая от нее взгляда.

— Все это так освежает. Знаешь, я совсем взбодрился. Наверное, я все-таки займусь тобою сам. Ты должна радоваться. Я ведь гораздо привлекательнее Ботари.

— Не для меня.

Он расстегнул брюки и приготовился забраться на нее.

— Ты и меня прощаешь, прелесть моя?

Она чувствовала себя замерзшей, усохшей, исчезающе маленькой.

— Боюсь, что мне придется оставить это Бесконечно Милосердному. Вы мне не по силам.

— Позже на этой неделе, — пообещал он, ошибочно приняв ее отчаяние за дерзость и еще более распаляясь от того, что сопротивление продолжается.

Сержант Ботари слонялся по комнате, качая головой и шевеля узкой челюстью: Корделия помнила, что так у него выражается сильное волнение. А поглощенный ею Форратьер не обращал никакого внимания на движение у себя за спиной. Так что он даже не успел как следует удивиться, когда сержант ухватил его за курчавые волосы, рванул голову назад и умело полоснул ножом по горлу от уха до уха, одним быстрым движением перерезав все четыре главных кровеносных сосуда. Кровь, ужасающе горячая кровь фонтаном хлынула на Корделию.

Форратьер конвульсивно дернулся и обмяк — приток крови к его мозгу прекратился. Сержант Ботари выпустил волосы своей жертвы; Форратьер рухнул на кровать между ног Корделии и соскользнул на пол, исчезнув из поля зрения.

Сержант продолжал стоять у кровати, слегка пошатываясь и тяжело дыша. Корделия не помнила, кричала она или нет. Неважно — ведь никто не обращает внимания на крики из этой комнаты. Руки и ноги у нее оцепенели, лицо онемело, сердце бешено колотилось.

Она прочистила горло.

— Хм, благодарю вас, сержант Ботари. Это был, хм, рыцарский поступок. Не могли бы

вы теперь еще и отвязать меня? — Ее голос невольно дрогнул, и она сглотнула, злясь на себя.

Она наблюдала за Ботари в завороженном ужасе. Абсолютно невозможно было предсказать, что он сделает в следующий момент. Бурча что-то себе под нос с крайне недоумевающим видом, он неуклюже расстегнул ремешок на ее левом запястье. Корделия быстро перекатилась на бок и освободила правую руку, затем села и отстегнула лодыжки. Некоторое время она сидела на постели, скрестив ноги, совершенно голая и залитая кровью, растирая онемевшие конечности и пытаясь привести в движение оцепеневший разум.

— Одежда. Одежда, — пробормотала Корделия вполголоса. Она заглянула за край кровати: покойный адмирал Форратьер лежал там со спущенными штанами, на лице его застыло изумление. Чудесные карие глаза потеряли свой влажный блеск и уже начали стекленеть.

Стараясь держаться подальше от Ботари, она спустилась с кровати и принялась лихорадочно шарить по шкафам, выстроившимся вдоль стен. В паре ящиков обнаружилась коллекция «игрушек» Форратьера, и она поспешно захлопнула их, испытав приступ дурноты: ей стало ясно, что означали последние слова Форратьера. Извращенность этого человека достигала поистине грандиозных масштабов. Шкафы были набиты мундирами, но на них было слишком много желтых нашивок. Наконец нашлась и черная полевая форма. Вытерев кровь мягким халатом, Корделия торопливо натянула ее на себя.

Тем временем сержант Ботари опустился на пол, свернулся в комок и положил голову на колени, продолжая что-то невнятно бубнить. Корделия опустилась на колени рядом ним. Неужели у него начались галлюцинации? Она должна поднять его на ноги и вывести отсюда. С минуты на минуту их застанут с поличным. Но где им спрятаться? И если вдуматься, может, это лишь адреналин, а вовсе не здравый смысл подсказывает ей бежать? Возможно, есть другой выход?

Она все еще размышляла, когда дверь внезапно распахнулась. Впервые она вскрикнула. Но бледным как смерть человеком, стоявшим в проеме двери с плазмотроном в руке, оказался Форкосиган.

ГЛАВА 8

При виде него Корделия порывисто вздохнула, выпустив вместе с воздухом весь сковывавший ее ужас.

— Господи, у меня из-за тебя чуть сердце не разорвалось, — выдавила она. — Заходи и закрой за собой дверь.

Его губы прошептали ее имя, и он вступил в каюту; паника, отражавшаяся на его лице, почти равнялась ее собственной. Тут Корделия увидела, что за ним следует другой офицер, темноволосый лейтенант с невинной мальчишеской физиономией. Потому она не бросилась к Форкосигану и не разревелась у него на плече, как ей страстно хотелось, а лишь осторожно произнесла:

— Здесь произошел несчастный случай.

— Закройте дверь, Иллиан, — бросил Форкосиган лейтенанту. К тому моменту, когда молодой человек вошел следом за ним, он уже успел овладеть собой. — И тщательно осмотрите здесь все. Вы будете свидетелем.

Сжав побелевшие губы, Форкосиган медленно обошел комнату. Он внимательно разглядывал все детали, указывая на некоторые из них своему спутнику. В ответ на первый жест, сделанный стволом плазмотрона, лейтенант что-то невнятно промычал. Форкосиган остановился перед распростертым на полу телом, взглянул на зажатое в своей руке оружие, словно впервые его заметил, и убрал в кобуру.

— Опять начитался маркиза де Сада? — со вздохом обратился он к труп, переворачивая его носком ботинка. Из разрезанной глотки вытекло еще немного крови. — Недоучкой быть опасно. — Он поднял взгляд на Корделию. — Кого из вас мне следует

поздравить?

Она облизнула губы.

— Не знаю точно. Какую реакцию вызовет этот инцидент?

Лейтенант тем временем осматривал шкафы Форратьера, предусмотрительно обернув руку носовым платком. Судя по выражению его лица, он только что выяснил, что его разностороннее образование было отнюдь не таким полным, как он предполагал. Он довольно долго разглядывал содержимое ящика, который Корделия так поспешно захлопнула.

— Император, например, будет просто в восторге, — ответил Форкосиган. — но исключительно в душе.

— По правде говоря, в тот момент я была привязана. Сержант Ботари... э-э, взял эту почетную обязанность на себя.

Форкосиган взглянул на Ботари, все еще сидевшего на полу, и задумчиво хмыкнул. Затем снова окинул взглядом каюту.

— Чем-то мне все это напоминает ту памятную сцену, свидетелями которой мы стали, ворвавшись в технический отсек. Чувствуется твой личный почерк. У моей бабушки была на этот счет поговорка... Что-то об опоздании, и еще там упоминался доллар...

— На день опоздал, и доллара не хватило? — невольно вырвалось у Корделии.

— Да, именно так. — Его губы изогнулись в иронической усмешке. — Очень бетанское замечание, и я начинаю понимать, почему. — Внешне он сохранял невозмутимость, но жадно всматривавшиеся в нее глаза были исполнены тайной муки. — Я... не опоздал?

— Вовсе нет, — заверила она его. — Вы, хм, как раз очень вовремя. Я была в панике, не зная, что делать дальше.

Форкосиган стоял спиной к Иллиану, и потому позволил себе на миг насмешливо сощуриться.

— Оказывается, я спасаю от тебя свой флот, — пробормотал он сквозь зубы. — Это не совсем то, ради чего я спешил сюда, но я рад спасти хоть что-то. Как только закончите, Иллиан, — снова заговорил он в полный голос, — я предлагаю пройти ко мне в каюту для обсуждения дальнейших действий.

Форкосиган опустился на колени рядом с Ботари, внимательно в него всматриваясь.

— Этот чертов подонок опять загубил его, — процедил он. — А ведь у нас на корабле он почти пришел в норму. Сержант Ботари, — заговорил он более мягко, — вы не могли бы пройти со мной?

Ботари пробормотал что-то невразумительное себе в колени.

— Иди сюда, Корделия, — позвал ее Форкосиган. Впервые она услышала свое имя из его уст. — Попробуй-ка поднять его на ноги. Мне, наверное, его лучше сейчас не трогать.

Она присела на корточки, чтобы попасть в поле зрения сержанта.

— Ботари. Ботари, посмотри на меня. Ты должен встать и немножко пройтись. — Взяв его окровавленную руку, она попыталась придумать какой-нибудь разумный, или, скорее, безумный довод, который мог бы убедить его. Она попробовала улыбнуться. — Посмотри. Видишь? Ты омыт кровью. Кровь смывает грехи, верно? Теперь все будет хорошо... Плохого человека больше нет, и скоро злые голоса тоже исчезнут. Так что пойдем со мной — я отведу тебя туда, где ты сможешь отдохнуть.

Пока она говорила, его взгляд постепенно фокусировался на ней, а под конец кивнул и поднялся на ноги. Все еще держа его за руку, Корделия направилась к выходу следом за Форкосиганом; Иллиан замыкал шествие. Оставалось лишь надеяться, что ее успокаивающее присутствие будет некоторое время сдерживать Ботари; от любого сигнала тревоги он может взорваться, как бомба.

Она чрезвычайно изумилась, обнаружив, что каюта Форкосигана находится всего через одну дверь напротив.

— Так ты — капитан этого корабля? — спросила она. Судя по нашивкам, которые она рассмотрела только сейчас, он был теперь в звании коммодора. — Где же ты был все это

время?

— Нет, я прикомандирован к штабу. Мой курьерский корабль вернулся с фронта всего несколько часов назад, и я сразу же отправился на совещание с адмиралом Форхаласом и принцем. Оно только что закончилось. Как только охранник сообщил мне о новой пленной Форратьера, я сразу помчался сюда. Ты... Даже в самом отвратительном кошмаре мне не снилось, что это можешь быть ты.

В сравнении с кровавой бойней, оставленной ими по другую сторону коридора, каюта Форкосигана казалась безмятежной, словно монашеская келья. Все в соответствии с уставом, таким и должно быть жилище военного. Форкосиган запер дверь. Он устало потер лицо и вздохнул, а затем снова пристально взгляделся в ее лицо.

— Ты точно в порядке?

— Просто ошарашена. Я знала, что рискую, отправляясь на задание, но не ожидала ничего похожего на этого человека. Клинический случай. Не понимаю, как ты мог служить ему.

Его лицо сделалось непроницаемым.

— Я служу императору.

Тут она вспомнила о присутствии Иллиана, молчаливо стоявшего в сторонке и внимательно наблюдавшего за ними. Что ей сказать, если Форкосиган спросит ее о караване? Его вопрос для нее опаснее пытки. Последние несколько месяцев она думала, что разлука с временем заглушит ее сердечный голод, но теперь, видя его воочию, во плоти, она поняла, насколько истосковалась. Хотя неясно, что испытывает он сам. Сейчас он выглядит усталым, неуверенным и напряженным. Все не так, не так...

— Ах, позвольте представить вам лейтенанта Саймона Иллиана из личной охраны императора. Он мой шпион. Лейтенант Иллиан — командор Нейсмит.

— Теперь уже капитан Нейсмит, — машинально поправила она. Лейтенант пожал ей руку с простодушной безмятежностью, совершенно не вязавшейся с той дикой сценой, которую они только что оставили в апартаментах Форратьера. Он вел себя будто на посольском приеме. Ее рукопожатие оставило на его ладони следы крови.

— Так за кем же вы шпионите?

— Я предпочитаю термин «наблюдение», — ответил он.

— Бюрократическое словоблудие, — отмахнулся Форкосиган и пояснил: — Лейтенант шпионит за мной. Он представляет компромисс между императором, министерством политвоспитания и мною.

— Император, — сдержанно поправил Иллиан, — использовал выражение «прекращение огня».

— Верно. Лейтенанту Иллиану вживлен биочип эйдетической памяти. Его можно считать ходячим записывающим устройством, которое император может прослушать, когда пожелает.

Корделия украдкой глянула на Иллиана.

— Как жаль, что нам не удалось встретиться при более благоприятных обстоятельствах, — осторожно проговорила она, обращаясь к Форкосигану.

— Здесь не бывает благоприятных обстоятельств.

Лейтенант Иллиан прочистил горло, бросил взгляд на Ботари, который стоял лицом к стене, сплетая и расплетая пальцы.

— Что теперь, сэр?

— Хм. Вряд ли нам удастся фальсифицировать эту историю, учитывая, сколько вещественных доказательств осталось в той комнате. Не говоря уже о том, сколько свидетелей видели, кто и когда туда входил. Лично я предпочел бы, чтобы Ботари там вообще не было. Тот факт, что он явно невменяем, не будет иметь для принца никакого значения. — Он встал, лихорадочно размышляя. — Вы вполне могли улизнуть из той каюты еще до того, как туда заявились мы с Иллианом. Не знаю, долго ли нам удастся прятать здесь Ботари... Может, я сумею достать транквилизаторы. — Его взгляд упал на Иллиана. — Как

насчет императорского агента в лазарете?

Иллиан воспринял эту идею без энтузиазма.

— Можно что-нибудь устроить... — уклончиво ответил он.

— Отлично. — Он обернулся к Корделии. — Ты останешься здесь, будешь присматривать за Ботари. Нам с Иллианом нужно идти, иначе пройдет слишком много времени между окончанием совещания и моментом, когда мы подняли тревогу. Охрана принца тщательно обследует ту комнату и наверняка отследит все наши передвижения.

— Форратьер и принц принадлежали к одной партии? — спросила она, пытаясь нащупать твердую почву в зыбкой трясине барраярской политики. Форкосиган горько усмехнулся.

— Они были просто хорошими друзьями.

И он ушел, оставив ее в полном смятении наедине с Ботари.

Она усадила Ботари в кресло, но ему не сиделось — он беспокойно ерзал, явно чувствуя себя не в своей тарелке. Сама она уселась по-турецки на кровать, пытаясь излучать атмосферу спокойствия и жизнерадостности. Не так-то это просто, когда сердце переполняет паника, жаждущая прорваться наружу.

Ботари поднялся на ноги и принялся слоняться по комнате, разговаривая сам с собой. Нет, не с самим собой, сообразила Корделия. И уж точно не с ней. В бессвязном потоке слов она не улавливала ни капли смысла. Время, загустевшее от липкого страха, тянулось невыносимо медленно.

Когда щелкнула открывающаяся дверь, они оба подскочили — но это был всего лишь Иллиан. Ботари тут же занял боевую стойку.

— Слуги зверя — это руки зверя, — изрек он. — Он кормит их кровью женщины. Дурные слуги.

Иллиан нервно глянул на него и вложил Корделии в ладонь несколько ампул:

— Вот. Дайте это ему. Одной достаточно, чтобы свалить атакующего слона. Извините, не могу задерживаться. — И он выскользнул за дверь.

— Трус несчастный, — проворчала она ему вслед. Но он, скорее всего, прав. У нее гораздо больше шансов подобраться к сержанту с инъектором. Возбужденность Ботари уже приближалась к взрывоопасному уровню.

Корделия отложила в сторону все ампулы, кроме одной, и приблизилась к сержанту с лучезарной улыбкой. Правда, эффект слегка портили расширенные от ужаса глаза. А глаза Ботари превратились в мерцающие щелочки.

— Коммодор Форкосиган хочет, чтобы вы отдохнули. Он прислал лекарство, которое поможет вам. — Ботари настороженно попятился, и она остановилась, боясь загнать его в угол. — Видишь? Это просто успокаивающее.

— Звериные лекарства опьяняют демонов. Они поют и завывают. Плохие лекарства.

— Нет, нет. Это хорошее лекарство. Оно заставит демонов уснуть, — пообещала она. Нужно было действовать на свой страх и риск — это было равносильно хождению по канату в полной темноте.

Она попробовала иной подход.

— Смирно, солдат, — рявкнула она. — Строевой смотр.

Это был неверный шаг. Когда она попыталась приложить впрыскиватель к его руке, сержант едва не выбил у нее ампулу; его пальцы сомкнулись на ее запястье, точно раскаленный стальной браслет. Корделия зашипела от боли, но все же сумела извернуться и прижать конец ампулы к внутренней стороне его запястья. Едва успела — через мгновение он приподнял ее в воздух и отшвырнул на другой конец комнаты.

Корделия грохнулась на пол, проехала по шероховатому полу — как ей показалось, со страшным шумом, — и со всего размаху врезалась в дверь. Ботари кинулся за ней. «Успеет ли он убить меня, прежде чем подействует лекарство?» — лихорадочно подумала она и заставила себя обмякнуть, будто потеряв сознание. Ведь люди, находящиеся в беспамятстве, совершенно безобидны.

Видимо, Ботари так не считал — руки его тут же стиснули ее горло. Тяжелое колено придавило грудную клетку Корделии, и она явственно ощутила, как в этом районе у нее происходит что-то очень нехорошее. Она распахнула глаза — и увидела, как закатываются глаза сержанта. Его хватка ослабла, затем он вовсе разжал руки; скатился с нее, встал на четвереньки, озадаченно помотал головой — и рухнул на пол.

Корделия села, привалившись к стене спиной.

— Хочу домой, — пробормотала она. — Это не входит в мои служебные обязанности. — Слабая шутка ничуть не смягчила поднимающуюся волну истерики, так что Корделия решила прибегнуть к более древней и серьезной духовной практике, прошептав слова молитвы вслух. Вскоре к ней возвратилось самообладание.

Поднять Ботари на койку было выше ее сил. Приподняв его тяжелую голову, она подпихнула под нее подушку и расположила поудобнее его руки и ноги. Вот вернутся Форкосиган со своей тенью, пускай сами с ним и разбираются.

Наконец объявились Форкосиган с Иллианом — они вошли в каюту, поспешно закрыв за собой дверь и осторожно обойдя вокруг Ботари.

— Ну как? — спросила Корделия. — Как все прошло?

— С компьютерной точностью, как нуль-переход в преисподнюю, — ответил Форкосиган. Он повернул руку ладонью вверх, и от этого знакомого жеста у Корделии замерло сердце.

Она недоуменно воззрилась на него.

— От тебя, как от Ботари, вразумительного слова не добьешься. Как они восприняли убийство?

— Все прошло просто великолепно. Я под домашним арестом по подозрению в заговоре. Принц считает, что это я подговорил Ботари убить Форратьера, — объяснил он. — Один Бог знает, как мне это удалось.

— Хм... я знаю, что очень устала, — осторожно проговорила Корделия, — и плохо сейчас соображаю. Мне не показалось? Ты сказал «просто великолепно»?

— Коммодор Форкосиган, сэр, — вмешался Иллиан. — Не забывайте, что мне придется доложить об этом разговоре.

— О каком разговоре? — удивился Форкосиган. — Мы же здесь с вами одни, помните? От вас не требуется наблюдать за мной, когда я один — это всем известно. Они уже скоро начнут удивляться, отчего вы задержались здесь.

Лейтенант Иллиан неодобрительно нахмурился: такое иезуитство было ему не по душе.

— Намерения императора...

— Да? Ну-ка, объясните мне намерения императора! — глаза Форкосигана сверкали от ярости.

— Намерения императора, сообщенные им мне, состоят в том, чтобы не позволить вам скомпрометировать себя. Вы же знаете, что я не способен редактировать содержание своих докладов.

— То же самое вы говорили четыре недели назад. И видели, что из этого вышло.

Иллиан смутился. Форкосиган же продолжал тихим и ровным голосом:

— Все, чего хочет от меня император, будет исполнено. Он великий хореограф, и получит свой танец мечтателей в точности до последнего шага. — Форкосиган сжал руку в кулак, затем снова раскрыл ладонь. — Я отдал службе все, что имею, не оставив себе ничего — ни личной жизни, ни чести. Отдайте мне это. — Он указал на Корделию. — Вы дали мне слово. Вы хотите взять его назад?

— Кто-нибудь объяснит мне, о чем речь? — вклинилась Корделия.

— Совесть и чувство долга лейтенанта Иллиана вступили в небольшое противоречие, — проговорил Форкосиган, скрестив руки на груди и уставившись в стену. — Этот конфликт неразрешим, покуда не пересмотришь свои воззрения либо на то, либо на другое. И ему предстоит выбрать, которое из двух понятий подвергнется метаморфозе.

— Видите ли, несколько недель назад здесь, — Иллиан кивнул в сторону апартаментов

Форратьера, — был еще один инцидент вроде этого, с пленной. Коммодор Форкосиган хотел... э-э... что-нибудь предпринять. Я отговорил его от этого. Потом... потом я согласился, что не стану вмешиваться, если подобная ситуация повторится.

— Форратьер убил ее? — спросила Корделия с нездоровым любопытством.

— Нет, — ответил Иллиан. Он угрюмо разглядывал свои ботинки.

— Да ладно вам, Иллиан, — устало проговорил Форкосиган. — Если их не обнаружат, вы подадите императору свой правдивый рапорт о происшедшем и предоставите ему самому отредактировать его. Если же их найдут... что ж, в этом случае правдивость ваших рапортов будет беспокоить вас меньше всего, уверяю вас.

— Черт! Капитан Негри был прав, — проворчал Иллиан.

— Он редко ошибается... а что он сказал на этот раз?

— Он сказал, что позволить личным суждениям слегка влиять на служебные обязанности — это все равно что слегка забеременеть: последствия очень скоро выйдут из-под твоего контроля.

Форкосиган расхохотался. — Капитан Негри весьма многоопытный человек. Но знаете, что я вам скажу? Иной раз и он сам выносит личные суждения.

— Но ведь служба безопасности проанализирует там все до последней молекулы. Методом исключения они все равно выйдут на нас. Как только кому-нибудь придет в голову усомниться в моей честности, все будет кончено.

— Рано или поздно так и произойдет, — согласился Форкосиган. — Сколько времени у нас в запасе, по вашим подсчетам?

— Они закончат обыск корабля уже через несколько часов.

— Стало быть, вам просто нужно направить их усилия в другое русло. Расширьте сферу поиска: разве за время между смертью Форратьера и установлением кордона службы безопасности от флагмана не отлетали какие-нибудь корабли?

— Да, их было два, но...

— Хорошо. Используйте ваше имперское влияние. Предложите любое содействие, какое вы, как доверенное лицо капитана Негри, можете предоставить. Почаще упоминайте имя Негри. Выдвигайте предположения. Советуйте. Сомневайтесь. Лучше не пытайтесь угрожать или давать взятки, это слишком прямолинейно — хотя возможно, что придется прибегнуть и к этому. Раскритикуйте их методы, устройте так, чтобы записи исчезли... словом, делайте все, чтобы замутить воду. Дайте мне сорок восемь часов, Иллиан. Это все, о чем я прошу.

— Все? — возмутился Иллиан.

— Ах, да. Постарайтесь устроить так, чтобы доступ в мою каюту имели только вы один — сами приносили еду и так далее. И попытайтесь пронести пару дополнительных порций.

Как только лейтенант удалился, Форкосиган позволил себе слегка расслабиться. Он повернулся к Корделии с грустной и смущенной улыбкой:

— Рад вас видеть, леди.

Она улыбнулась в ответ, небрежно отдав честь.

— Надеюсь, я не слишком сильно испортила вам жизнь. В смысле, тебе лично.

— Ничуть. На самом деле, твое вмешательство чрезвычайно все упростило.

— Восток это запад, верх это низ, а арест по подозрению в том, что ты перерезал глотку своему шефу, упрощает ситуацию. Похоже, я на Барраяре. Я так понимаю, ты не собираешься объяснять мне, что тут происходит?

— Нет. Но теперь я наконец понял, отчего в барраярской истории было столько сумасшедших. Они были не причиной, а следствием.

Он вздохнул и заговорил тихо, почти шепотом:

— Ох, Корделия. Ты даже не представляешь, как сильно я нуждался в том, чтобы рядом со мной был хоть один нормальный, чистый человек. Ты — словно вода в пустыне.

— А ты выглядишь... ты вроде похудел. — Он выглядел, подумала она, постаревшим лет на десять со времени их последней встречи. Всего полгода назад.

— Ох, Господи. — Он провел рукой по лицу. — О чем я думаю? Ты, должно быть, совсем вымоталась. Хочешь чего-нибудь? Тебе, наверное, надо выспаться.

— Не уверена, что смогу сейчас заснуть. А вот душ принять не помешало бы. Я не стала включать его в твоё отсутствие — на случай, если работает слежение.

— Разумно. Что ж, валяй.

Корделия потеряла рукой онемевшее бедро, где черная ткань брюк была липкой от крови.

— Э-э... у тебя не найдется для меня какой-нибудь одежды? Эта вся перепачкалась. И потом, это одежда Форратьера. От нее несет безумием.

— Точно. — Тут его лицо потемнело. — Это твоя кровь?

— Да, Форратьер играл в хирурга. Мне не больно. У меня там нет нервов.

— Хм. — Форкосиган слегка улыбнулся, потирая шрам на подбородке.

К вящему изумлению Корделии он извлек из ящика астрозащитную форму, оставленную ею на борту «Генерала Форкрафта» — отстиранную, заштопанную, выглаженную и аккуратно сложенную.

— Ботинок я с собой не захватил, да и знаки отличия устарели, но, думаю, сойдет и так, — невозмутимо заметил Форкосиган, передавая ей сверток.

— Ты сохранил мою одежду?

— Как видишь.

— Боже правый. Но... почему?

Он с горечью сжал губы.

— Ну... это было единственное, что ты оставила. Если не считать катера, брошенного твоими людьми там, на планете — но из него вышел бы довольно неудобный сувенир.

Пытаясь скрыть внезапное смущение, Корделия провела рукой по бежевой ткани. Но прежде чем скрыться в ванной с одеждой и аптечкой, она вдруг выпалила:

— Я все еще храню дома барраярскую форму. Завернутой в бумагу, в ящике. — И подтвердила свои слова решительным кивком. Его глаза вспыхнули.

Когда она вышла из ванной, в каюте было полутемно и по-ночному тихо, свет горел лишь над столом, где сидел Форкосиган, изучавший за компьютером содержание какого-то диска. Корделия запрыгнула на кровать и снова уселась по-турецки, шевеля пальцами ног.

— Что это там у тебя?

— Домашняя работа. Это моя официальная обязанность при штабе Форратьера... покойного адмирала Форратьера. — Он улыбнулся собственной оговорке, сделавшись похожим на знаменитого тигра из лимерика, возвратившегося с прогулки с барышней в желудке. — Мне поручено составление оперативной документации на случай вынужденного отступления нашего флота. Как заметил император на собрании Совета, раз уж я так убежден в том, что эта кампания обернется катастрофой, то мне сам Бог велел заняться проработкой этого сценария. Пока что меня здесь считают чем-то вроде пятого колеса.

— Но ведь вашей стороне сопутствует успех? — удрученно спросила она.

— Мы превосходно распылили силы. Некоторые расценивают это как прогресс.

Он ввел какие-то новые данные и выключил компьютер.

Корделия решила направить беседу в более безопасное русло, далекое от текущего момента.

— Я так понимаю, тебя все-таки не обвинили в измене? — спросила она, вспоминая их последний разговор, состоявшийся давным-давно и очень далеко отсюда, над другим миром.

— А, там получилась вроде как ничья. После твоего побега я был отозван на Барраяр. Министр Гришнов — он возглавляет министерство политвоспитания, третий человек в государстве после императора и капитана Негри — едва слюной не изошел, до того был уверен, что наконец добрался до меня. Но мое обвинение против Раднова было неопровержимо.

— Прежде чем мы успели пустить друг другу кровь, вмешался император: он навязал нам компромисс, или, скорее, временное прекращение огня. Фактически, я так и не был

оправдан — обвинения против меня застряли где-то в бюрократическом чистилище.

— Как императору это удалось?

— Мановением руки. Он дал Гришнову и партии «ястребов» все, о чем они только мечтали — вручил им эту эскобарскую авантюру на тарелочке. И даже больше — он отдал им принца. И всю славу. Гришнов и принц затеяли все это с определенной целью — каждый из них полагает, что после завоевания Эскобара именно он станет фактическим правителем Барраяра. Император даже заставил Форратьера проглотить мое повышение. Напомнил, что я буду подчинен непосредственно ему. Форратьер мигом согласился.

При воспоминании об этом Форкосиган стиснул зубы и непроизвольно сжал кулак.

— Вы с ним давно знакомы? — спросила она осторожно, вспоминая о бездонной пучине ненависти, чуть было не поглотившей ее. Он отвел глаза.

— Мы вместе учились и вместе служили лейтенантами — в те времена он увлекался лишь банальным подглядыванием. Насколько я понимаю, в последние годы он стал куда хуже — с тех пор, как связался с принцем Сергом и вообразил, будто ему все дозволено. И он, помилуй нас Бог, был почти прав. Ботари оказал огромную услугу человечеству.

«Ты знал его гораздо ближе, жизнь моя, — подумала Корделия. — Уж не он ли был той самой заразой воображения, от которой так трудно избавиться? Похоже, Ботари оказал услугу и некоторым конкретным людям...»

— Кстати, о Ботари — в следующий раз сам его успокаивай. Он просто взбесился, когда я приблизилась к нему с ампулой.

— Ах... да. Кажется, я знаю, почему. Это было в одном из докладов капитана Негри. Форратьер имел привычку пичкать своих, хм... актеров разнообразными снадобьями, когда хотел добиться более эффектного действия. Я почти уверен, что Ботари был одной из жертв подобных процедур.

— Мерзость какая. — Ее мутило, да еще и мышцы в больном боку свело судорогой. — Кто этот капитан Негри, о котором ты постоянно толкуешь?

— Негри? Он старается держаться в тени, но его могущество ни для кого не является секретом. Он возглавляет личную охрану императора. Шеф Иллиана. Его называют наперсником Эзара Форбарры. Если министерство Политвоспитания — правая рука императора, то Негри — левая, о которой правой знать не положено. Он следит за внутренней безопасностью на высочайшем уровне — главы министерств, графы, императорская фамилия... принц... — Форкосиган нахмурился неприятным воспоминанием. — Я успел довольно близко узнать его за время подготовки к нынешней операции, этому кошмару для стратега. Он удивительный субъект. Мог бы получить любое звание, какое бы только захотел. Но внешнее для него ничего не значит. Его интересует лишь суть.

— Он хороший парень или плохой?

— Что за абсурдный вопрос!

— Я просто подумала, что он может оказаться властью за троном.

— Едва ли. Если Эзар Форбарра скажет ему «ты — лягушка», он начнет скакать и квакать. Нет. На Барраяре лишь один император, и он не позволяет никому манипулировать собой. Он все еще помнит, как ему досталась эта власть.

Корделия потянулась и поморщилась от боли в боку.

— Что с тобой? — встревожился Форкосиган.

— А, так. Ботари придавил меня коленом во время этой потасовки из-за успокоительного. Я была почти уверена, что кто-нибудь услышит этот шум. Перепугалась до смерти.

— Могу я посмотреть? — Его пальцы нежно скользнули по ее ребрам. Это только в ее воображении они оставили на коже радужный след.

— О-ой.

— Да уж. У тебя два ребра треснуло.

— Я так и думала. Хорошо, что не шея. — Она легла, и Форкосиган перевязал ей ребра

бинтом, а потом присел на койку рядом с ней.

— А ты никогда не подумывал о том, чтобы бросить все и уехать куда-нибудь подальше? — спросила Корделия. — Туда, где эти проблемы никого не заботят — скажем, на Землю.

Он улыбнулся.

— Частенько. Иногда даже фантазировал о том, как эмигрирую на Колонию Бета и появляюсь у тебя на пороге. У тебя есть порог?

— Буквально — нет, но продолжай.

— Правда, я не знаю, чем я буду зарабатывать там себе на жизнь. Моя специальность — военная стратегия; я не инженер, не пилот, не навигатор, так что вряд ли смогу подыскать себе работу в вашем торговом флоте. Сомневаюсь, что меня возьмут в вашу армию. И уж совсем невероятна возможность избрания моей кандидатуры на какую-нибудь административную должность.

— То-то бы Душка Фредди удивился! — хмыкнула Корделия.

— Вот, значит, как ты называешь своего президента?

— Я не голосовала за него.

— Единственное занятие, какое я смог придумать, — это преподавание спортивных единоборств. Ты бы вышла замуж за тренера по дзюдо, милый капитан? Но нет, — вздохнул он. — Барраяр вошел в мою плоть и кровь. Я не смогу освободиться от него, как бы далеко я не сбежал. Бог свидетель, это бесславная война. Но уйти ради одного только покоя — значит расстаться с последней надеждой сохранить честь. Окончательное поражение, без единой крупницы будущей победы.

Корделия подумала о смертоносном грузе, который помогла доставить на Эскобар. В сравнении с невыносимым числом зависящих от него людских жизней их с Форкосиганом жизни весили легче перышка. Он принял отразившуюся на ее лице горечь за страх.

— Видеть твоё лицо — это еще не значит очнуться от кошмара. — Он нежно взял ее за подбородок и мимолетно коснулся пальцем губ — прикосновение было легче поцелуя. — Скорее, все еще пребывая во сне, знать, что за пределами сна существует реальный мир. Когда-нибудь я присоединюсь к тебе в этом мире. Вот увидишь. Увидишь. — Он сжал ее руку и ободряюще улыбнулся.

Лежавший на полу Ботари пошевелился и застонал.

— Я позабочусь о нем, — успокоил ее Форкосиган. — Поспи, пока есть время.

ГЛАВА 9

Ее разбудили голоса. Форкосиган уже поднимался с кресла; Иллиан, напряженный, как натянутая струна, стоял перед ним и докладывал:

— Форхалас и принц! Здесь! Прямо сейчас!

— Сукин... — Форкосиган развернулся на каблуках, окидывая взглядом маленькую комнату. — В ванную. Уложим его в душевую кабинку.

Форкосиган с Иллианом быстро подхватили Ботари за плечи и за ноги, кое-как протиснулись через узкую дверь и свалили тело в душевую кабинку.

— Дать ему еще транквилизаторов? — спросил Иллиан.

— Пожалуй. Корделия, дай ему еще ампулу. Рановато, но если он издаст хоть звук, вам обоим крышка. — Он затолкал ее в крохотную ванную, всучил ей ампулу и выключил свет. — Главное — ни звука.

— Дверь закрыть? — спросил Иллиан.

— Прикрыть. Прислонитесь к косяку, держитесь непринужденно и не позволяйте охраннику принца войти в ваше психологическое пространство.

Пробираясь наощупь в полумраке, Корделия опустилась на колени, прижала капсулу к руке сержанта и сделала ему очередную инъекцию успокоительного. Потом уселась на единственное приспособленное для этого место и обнаружила, что в зеркале можно видеть

кусочек каюты — хотя зеркальное отражение ужасно сбивало с толку. До нее донесся звук открывающейся двери и новые голоса.

— ...если только вы не собираетесь официально отстранить его и от исполнения обязанностей, я намерен и дальше следовать стандартной процедуре. Я видел эту комнату. Ваши обвинения абсурдны.

— Это мы еще посмотрим, — отозвался второй голос, сдавленный от ярости.

— Привет, Эйрел. — Владелец первого голоса, офицер лет пятидесяти в зеленом мундире, пожал Форкосигану руку и вручил ему пачку дискет. — Мы вылетаем к Эскобару примерно через час. Курьерский корабль только что доставил вот эти последние сводки. Я распорядился, чтобы тебя держали в курсе событий. Эски отступают по всему пространству. Они даже не приняли боя у туннеля к Тау Кита. Мы обратили их в бегство.

Владелец второго голоса также был облачен в зеленый мундир, более богато расшитый золотом, чем все, какие ей только доводилось видеть. В свете настольной лампы усыпанные бриллиантами ордена на его груди переливались и мигали, точно глазки ящерицы. Ему было около тридцати: темноволосый, квадратное напряженное лицо, полуприкрытые глаза, тонкие губы раздраженно сжаты.

— Но ведь вы не полетите туда оба одновременно? — спросил Форкосиган. — Старший офицер обязан оставаться на флагмане. Теперь, когда Форратьер мертв, его обязанности переходят к принцу. Весь этот ваш балаган был рассчитан на то, что Форратьер останется здесь за главного.

Принц Серг гневно выпрямился.

— Я сам поведу свои войска на Эскобар! Пусть тогда отец и его приспешники попробуют сказать, что я не солдат!

— Ты, — устало проговорил Форкосиган, — будешь сидеть в укрепленном дворце, который строила половина армейских инженеров, и пировать там. А твои люди будут умирать за тебя, пока не завалят все своими трупами. Ведь именно такой тактике обучил тебя твой наставник. А потом ты пошлешь домой реляцию о своей великой победе. Может, тебе даже удастся засекретить списки погибших.

— Эйрел, осторожнее, — предостерег шокированный Форхалас.

— Ты заходишь слишком далеко, — прорычал принц. — Особенно для человека, который во время боя старается держаться поближе к туннелю, ведущему домой. Если уж говорить об... излишней осторожности. — Его тон явно давал понять, что за этим эвфемизмом скрываются гораздо более сильные выражения.

— Вы не можете сажать меня под арест и одновременно обвинять меня в трусости за то, что я не на фронте, сэр. Даже пропаганда министра Гришнова лучше имитирует логику.

— Ты ведь только об этом и мечтаешь, не так ли, Форкосиган? — прошипел принц. — Удержать меня здесь и присвоить всю славу себе и этому морщинистому шуту Фортале с его липовыми прогрессистами. Через мой труп! Ты будешь сидеть здесь, покуда плесенью не обрастешь!

Форкосиган стиснул зубы и сощурился: невозможно было прочесть выражение его глаз. На губах мелькнула усмешка — и тут же исчезла.

— Я обязан выразить официальный протест. Высаживаясь на Эскобар вместе с наземными войсками, вы покидаете свой надлежащий пост.

— Протестуй на здоровье. — Принц подошел к нему вплотную, почти носом к носу, и заговорил, понизив голос:

— Но даже мой отец не вечен. И когда пробьет мой час, твой папаша больше не сможет тебя защищать. Ты, Фортала и все его прихлебатели первыми встанете к стенке, это я тебе обещаю. — Тут он осекся, вспомнив о молчаливом Иллиане, подпирающем косяк двери. — Или снова отправишься в «колонию прокаженных» на пятилетнее патрулирование.

И в это самое время в ванной Ботари неловко пошевелился и, к превеликому ужасу Корделии, оглушительно захрапел.

На лейтенанта Иллиана мгновенно напал приступ кашля.

— Извините, — просипел он и ретировался в ванную, сразу же плотно прикрыв за собой дверь. Он включил свет и обменялся с Корделией полным отчаяния взглядом. С большим трудом им удалось совместными усилиями перевернуть Ботари на бок, и дыхание сержанта вновь сделалось тихим. Корделия одобрительно подняла большой палец, и лейтенант, кивнув, выскользнул за дверь.

Принц уже ушел. Адмирал Форхалас задержался на минуту, чтобы напоследок перекинуться парой слов с подчиненным.

— ...занести это в доклад. Я подпишу его перед вылетом.

— По крайней мере, не летите одним кораблем, — серьезно попросил Форкосиган.

Форхалас вздохнул. — Слушай, я ценю твои попытки снять его с моей шеи. Но ради императора кто-то должен вычистить этот его обезьянник — теперь, когда, благодарение Богу, Форратьера не стало. Тебя он не потерпит, так что, выходит, этим придется заняться мне. Ну почему ты не можешь срывать свою злость на подчиненных, как делают все нормальные люди? Тебе, чокнутому, обязательно надо нахамить начальству! Я-то думал, ты наконец избавился от этих замашек, когда увидел, что ты позволяешь Форратьеру.

— Теперь с этим покончено.

— Аминь, — выдохнул Форхалас машинально: видимо, по привычке, сохранившейся с детства, но уже лишенной всякого смысла.

— Кстати, что это за «колония прокаженных»? — поллюбопытствовал Форкосиган.

— А ты разве никогда не слышал?... Ну, в общем-то, понятно, почему... Ты никогда не задумывался, почему в твоём экипаже столь высокий процент всяких недоумков, неисправимых и непригодных к службе?

— Я и не ожидал получить сливки армии.

— В штаб-квартире их называли «Форкосигановской колонией прокаженных».

— Со мной в качестве главного прокаженного, а? — похоже, Форкосиган был скорее позабавлен, нежели оскорблен. — Ну, если они были худшими во всей нашей армии, значит, мы еще не совсем пропащие. Береги себя. Не завидую тому, кому придется стать его заместителем.

Форхалас фыркнул, и они пожали друг другу руки. Адмирал уже направился к выходу, но тут снова остановился.

— Ты думаешь, они будут контратаковать?

— Господи, конечно будут. Это же не какая-нибудь торговая фактория. Эти люди сражаются за свои дома.

— Когда?

Форкосиган помедлил.

— Ну... После того, как вы начнете десантирование наземных войск, но еще до окончания высадки. А ты бы поступил иначе? Самый неподходящий момент для отступления. Экипажи катеров не знают, садиться им или взлетать, их корабли-матки разбросаны черт-те где или попали под обстрел; необходимые боеприпасы еще не доставлены, а те, что уже доставлены, абсолютно бесполезны; цепочка командования нарушена, и вдобавок командующий — полный профан.

— Просто в дрожь бросает.

— Да уж... Постарайся задержать высадку, насколько возможно. И удостоверься в том, что командиры десантных кораблей четко знают план действий на случай непредвиденных обстоятельств.

— Принцу все это видится в совершенно ином свете.

— Да, ему не терпится возглавить парад.

— Что ты посоветуешь?

— В этот раз не я твой командир, Рульф.

— Не по моей вине. Я рекомендовал императору назначить тебя.

— Я знаю. Я не мог принять это назначение. Поэтому рекомендовал тебя.

— И мы получили этого мерзавца, этого педераста Форратьера. — Форхалас уныло

покачал головой. — Что-то тут не так...

Форкосиган мягко выпроводил его за дверь, глубоко вздохнул и остался стоять, погруженный в тягостные размышления о будущем. Он встретился глазами с Корделией — его взгляд был полон печальной иронии. — Кажется, в Древнем Риме к триумфатору приставляли специального человека, который нашептывал ему, что тот всего лишь обычный человек, и что рано или поздно его настигнет смерть? Наверное, древних римлян он тоже сильно раздражал.

Она промолчала.

Форкосиган с Иллианом принялись вытаскивать сержанта Ботари из его неудобного импровизированного укрытия. Когда они протискивали его через дверной проем, Форкосиган вдруг выругался.

— Он не дышит.

Иллиан зашипел, и они быстро уложили Ботари на пол. Форкосиган приложил ухо к его груди и пощупал пульс на шее.

— Сукин сын. — Он сцепил пальцы и резко надавил на грудь сержанта, потом снова послушал сердцебиение. — Ничего. — Развернувшись на каблуках, он пронзил лейтенанта свирепым взглядом.

— Иллиан. Где бы вы ни взяли эту змеиную мочу, вернитесь туда и добудьте противоядие. Быстро. И тихо. Очень тихо.

— А как вы?... А что, если?... А может?... Стоит ли?... — залепетал Иллиан. Потом бессильно воздел руки и выскользнул за дверь.

Форкосиган повернулся к Корделии.

— Что выбираешь — массаж сердца или вентиляцию легких?

— Пожалуй, массаж.

Она опустила на колени рядом с Ботари, а Форкосиган передвинулся к голове, запрокинул ее назад и сделал сержанту первый вдох. Корделия прижала ладони к грудной клетке и надавила со всей силы, задавая ритм. Толчок, толчок, толчок, вдох — снова и снова, без остановки. Через некоторое время ее руки начали дрожать от напряжения, на лбу выступил пот. Она чувствовала, как убийственно скрежещут ее собственные ребра, как мучительно сводит судорогой мышцы груди.

— Поменяемся местами.

— Хорошо. А то я уже задыхаюсь.

Они поменялись местами: Форкосиган приступил к массажу сердца, а Корделия зажала Ботари нос и прижалась ртом к его губам. Его рот был влажным от слюны Форкосигана. Эта пародия на поцелуй была отвратительна, но выбирать не приходилось. И они продолжали.

Наконец примчался запыхавшийся Иллиан. Он опустился на колени рядом с Ботари и прижал ампулу к его жилистой шее, к самой сонной артерии. Ничего не произошло. Форкосиган возобновил массаж. И тут Ботари вдруг задрожал, затем напрягся, выгнув спину дугой. Он сделал судорожный вдох и снова затих.

— Ну же, давай! — понукала Корделия, обращаясь отчасти к себе самой.

С резким спазматическим всхлипом он снова задышал — неровно, но постоянно. Корделия плюхнулась на пол и уставилась на него с безрадостным торжеством.

— Несчастный ублюдок.

— Я думал, ты видишь смысл в таких вещах, — заметил Форкосиган.

— В абстракции. Большую часть времени просто бродишь в темноте вместе со всем прочим тварным миром, натываясь на что-то и удивляясь, отчего это так больно.

Форкосиган тоже глядел на Ботари, не отирая струек пота с лица. Затем он вдруг вскочил и бросился к коммуну.

— Протест. Надо написать его и отослать до отлета Форхаласа, иначе в этом не будет никакого смысла. — Он скользнул в кресло и принялся быстро стучать по клавишам.

— А почему это так важно? — заинтересовалась Корделия.

— Ш-ш. Потом объясню. — Минут десять он лихорадочно печатал, а затем отправил

это электронное послание своему командиру.

Ботари тем временем продолжал дышать, хотя лицо его по-прежнему сохраняло мертвенно-зеленоватый оттенок.

— Что теперь? — спросила Корделия.

— Будем ждать. И молиться, чтобы дозировка оказалась верной, — он кинул раздраженный взгляд в сторону Иллиана, — и он не впадет от этого зелья в маниакальное состояние.

— А может, нам лучше подумать, как вывести их обоих отсюда? — запротестовал Иллиан.

— Что ж, попробуй что-нибудь придумать. — Форкосиган заложил в компьютер новые дискеты и принялся просматривать тактические выкладки. — Но в качестве укрытия эта каюта имеет пару преимуществ перед любым другим местом на корабле. Если вы и вправду такой спец, какого из себя строите, то эта комната не прослушивается ни старшим политофицером, ни охраной принца?

— Я абсолютно уверен, что обнаружил все жучки. Готов поставить на это свою репутацию.

— В данный момент вы поставили на это свою жизнь, так что лучше бы вам не ошибиться. Во-вторых, снаружи у двери стоит двое вооруженных охранников, которые отводят нежеланных посетителей. Едва ли можно просить о большем. Хотя приходится признать, что здесь немного тесновато.

Иллиан раздраженно закатил глаза.

— Я запутал службу безопасности, насколько посмел. Большого сделать нельзя, не рискуя вызвать подозрения, чего мы как раз и хотим избежать.

— Продержимся еще двадцать шесть часов?

— Возможно. — Иллиан озабоченно нахмурился. — Вы ведь что-то задумали, сэр.

Это был не вопрос — скорее, утверждение.

— Я? — Его пальцы летали по клавиатуре, и разноцветные блики от экрана скользили по его бесстрастному лицу. — Я всего лишь выжидаю, не представится ли какая-нибудь подходящая возможность. Когда принц вылетит к Эскобару, большая часть его охраны отправится вместе с ним. Терпение, Иллиан. — Он снова включил комм. — Форкосиган вызывает тактическую рубку.

— Командор Венн на связи, сэр.

— О, замечательно. Венн, с момента отлета принца и адмирала Форхаласа пересылайте мне все почасовые сводки с фронта. И вне зависимости от времени дня и ночи немедленно докладывайте мне обо всем необычном — обо всем, что пойдет не по плану.

— Так точно, сэр. Принц и адмирал Форхалас уже вылетают, сэр.

— Хорошо. Продолжайте. Конец связи.

Он откинулся на спинку кресла и забарабанил пальцами по столу. — Теперь будем ждать. Примерно через двенадцать часов принц достигнет орбиты Эскобара. Вскоре после этого начнется десантирование. Примерно час уходит на то, чтобы сигнал с Эскобара дошел до нас, и еще столько же на прием ответного сигнала. Такая огромная задержка... За два часа битва уже может закончиться. Мы могли бы сократить временной разрыв на три четверти, если бы принц позволил нам отойти с позиций.

Небрежный тон не скрывал его напряжения. Вопреки собственным призывам к спокойствию он был как на иголках. Каюта, в которой он находился, будто бы не существовала для него. Разумом он был сейчас вместе с армадой, кружащей и сжимающейся вокруг Эскобара: быстрые сверкающие курьеры, мрачные крейсера; неповоротливые десантные транспорты, трюмы которых битком забиты людьми... Сам того не замечая, он вертел в пальцах световое перо — оборот, и еще, и еще, снова и снова.

— А не пора вам поесть, сэр? — предложил Иллиан.

— Что? Ах, да, наверное. А ты, Корделия? Ты, должно быть, проголодалась. Давайте, Иллиан.

Иллиан отправился за провиантом. Форкосиган еще немного поработал, затем со вздохом отключил компьютер.

— Наверное, мне не мешало бы и поспать. Последний раз я спал на борту «Генерала Форхартунга», вблизи Эскобара — кажется, это было полтора дня назад. Примерно в то время, когда тебя брали в плен.

— Нас захватили чуть раньше. Мы почти день провели на буксире.

— Да. Кстати, поздравляю с весьма успешным маневром. Я так понимаю, это был ненастоящий боевой крейсер?

— Вообще-то я не в праве об этом говорить.

— Тут кое-кто хвастался удачным выстрелом.

Корделия спрятала улыбку.

— Пускай, я не против.

Она уже приготовилась к дальнейшим расспросам, но, как ни странно, он сменил тему.

— Бедолага Ботари. Жаль, что император не может дать ему медаль. Боюсь, единственное, что я могу сделать для него, так это обеспечить госпитализацию и надлежащий медицинский уход.

— Если императору настолько не нравился Форратьер, почему же он поставил его во главе операции?

— Потому что Форратьер — человек Гришнова, всем это хорошо известно; и вдобавок он фаворит принца. Как говорится, сложить все тухлые яйца в одну корзину. — Он заставил себя умолкнуть, сжав руку в кулак — словно перекрывая поток рвущихся наружу откровений.

— У меня было такое чувство, что я столкнулась с абсолютным злом. Не думаю, что после него хоть что-нибудь способно меня по-настоящему испугать.

— Гес Форратьер? Просто мелкий злодейчик... Старомодный кустарь, занимающийся штучными преступлениями. По-настоящему непростительные деяния совершаются спокойными, уравновешенными людьми, заседающими в обитых зеленым шелком комнатах — вот они-то раздают смерть оптом, целыми партиями, причем без всякой страсти, или гнева, или вождения — без какого бы то ни было чувства, способного хоть отчасти искупить их вину... кроме одного — ледящего страха перед неким предполагаемым будущим. Только вот преступления, которые они надеются предотвратить в будущем, существуют лишь в их воображении. А те, которые они совершают в настоящем — реальны. — Он говорил все тише и тише, так что последние слова он произнес уже почти шепотом.

— Коммодор Форкосиган... Эйрел... что тебя гложет? Ты так взвинчен, что я не удивлюсь, если ты сейчас по потолку забегаешь. — «Подавлен, затравлен», — мысленно уточнила она.

Он рассмеялся.

— Ну, именно так я себя и чувствую. Наверное, это все из-за ожидания. Я не умею ждать. Для солдата это серьезный недостаток. Я завидую твоей способности терпеливо ждать. Ты кажешься безмятежной, словно лунный свет на водной глади.

— Это красиво?

— Очень.

— Звучит довольно мило. У нас дома нет ни того, ни другого. — И тем не менее она была по-дурачки польщена этим его комплиментом.

Иллиан вернулся с подносом, и после этого ей уже больше ничего не удалось вытянуть из Форкосигана. Поев, он наконец позволил себе немного вздремнуть — или, по крайней мере, полежать с закрытыми глазами. Но каждый час он вскакивал, чтобы просмотреть последнюю тактическую сводку.

Иллиан заглядывал ему через плечо, и Форкосиган указывал ему на ключевые моменты стратегической обстановки.

— По-моему, все идет довольно неплохо, — прокомментировал однажды Иллиан. —

Не понимаю, отчего вы так волнуетесь. Думаю, мы сумеем одержать верх даже несмотря на то, что в распоряжении эсков есть немалые резервы. Это им не поможет, если все произойдет быстро.

Боясь, что Ботари снова впадет в глубокую кому, они позволили ему прийти в полусознательное состояние. Он сидел в углу, жалко скорчившись, то погружаясь в дремоту, то снова просыпаясь — причем в обоих состояниях его преследовали кошмары. В конце концов Иллиан ушел отсыпаться в свою каюту, да и Корделия тоже решила еще разок вздремнуть. Спала она довольно долго и проснулась лишь тогда, когда Иллиан в очередной раз появился с подносом. Запертая в комнате без перемены дня и ночи, она полностью потеряла ощущение времени. А вот Форкосиган прослеживал сейчас каждую минуту. Наскоро перекусив, он скрылся в ванной, чтобы умыться и побриться, и появился оттуда в свежем зеленом мундире — такой аккуратный, выглаженный и блестящий, будто собрался на аудиенцию к императору.

Он проверил последнюю сводку во второй раз.

— Десантирование уже началось? — спросила Корделия.

Форкосиган сверился с хронометром. — Около часа назад. Первые сообщения будут уже с минуты на минуту. — Он перестал дергаться, и теперь сидел неподвижно, с каменным лицом — как человек, погруженный в глубокие раздумья.

Появилась тактическая сводка текущего часа, и Форкосиган начал пролистывать ее, видимо, отмечая ключевые пункты. Но не успел он прочесть и половины, когда на экране возникло лицо командора Венна.

— Коммодор Форкосиган? У нас здесь что-то очень странное. Если хотите, я буду сразу передавать вам необработанный материал.

— Да, пожалуйста. Незамедлительно.

Форкосиган быстро пролистал аудиозаписи и выбрал доклад капитана одного из кораблей, смуглого коренастого человека. Тот говорил с гортанным акцентом, в голосе его сквозил страх.

«Вот оно, начинается», — мысленно простионала Корделия.

— ...катера, они атакуют! Отвечают выстрелом на выстрел. Плазменная защита уже на максимуме, у нас едва хватает мощности на стрельбу. Нам придется либо отключить защитное поле и перебросить всю энергию на усиление огневой мощи, либо отступить... — Сигнал прервали помехи. — ...не понимаю, как им это удастся. В эти катера невозможно втиснуть генераторы такой мощности, чтобы... — Снова помехи. Передача резко оборвалась.

Форкосиган переключился на другой канал. Иллиан встревожено подался к экрану. Корделия сидела на койке и молча слушала, скорбно повесив голову. Чаша победы была горька, безрадостна, как поражение...

— ...флагман подвергся мощному обстрелу, — докладывал другой командир. Корделия сразу узнала голос и вытянула шею, чтобы разглядеть на экране его лицо. Это был Готтиан; видимо, он-таки получил наконец свое капитанство. — Я намерен полностью отключить защитное поле и попытаться сбить один, используя полную огневую мощь.

— Не делай этого, Корабик! — безнадежно взыв Форкосиган. Решение, каким бы оно ни было, было принято час назад, и его последствий уже не исправить.

Готтиан повернул голову. — Готовы, командор Форкалоннер? Мы попытаемся... — начал он, но тут его голос заглушили помехи, а затем наступила тишина.

Форкосиган со всей силы ударил кулаком по столу:

— Черт! Ну когда же они сообразят... — Он уставился в пустой экран, потом просмотрел запись сначала — не отрываясь, как будто ужас, гнев и боль приковали его к месту. Затем он выбрал другую запись, на этот раз — графическую модель пространства вокруг Эскобара, в котором плавали мерцающие разноцветные огоньки, изображающие корабли. Такие крохотные, яркие, почти игрушечные. Форкосиган покачал головой, сжав побелевшие губы.

Снова возникло лицо Венна. Он был бледен, уголки рта прорезали напряженные складки.

— Сэр, я думаю, вам следует пройти в тактическую рубку.

— Не могу, Венн, ведь я под арестом. Где commodore Хелски или commodore Куэр?

— Хелски вылетел на передовую вместе с принцем и адмиралом Форхаласом, сэр. А commodore Куэр здесь. Теперь вы — старший офицер на флагмане.

— Принц довольно недвусмысленно запретил мне покидать каюту.

— Принц... Похоже, он погиб, сэр.

Форкосиган закрыл глаза и безрадостно вздохнул. Потом снова открыл их и подался вперед. — Это подтвержденный факт? Вы получили какие-нибудь новые приказы от адмирала Форхаласа?

— Это... адмирал Форхалас был с принцем, сэр. А потом... корабль был подбит. — Венн на мгновение отвернулся, глядя на что-то у себя за спиной. — Это, — ему пришлось прочистить горло, — это подтверждено. Флагман принца был... уничтожен. Его разнесло на мелкие кусочки. Теперь командование переходит к вам, сэр.

Лицо Форкосигана было застывшим и несчастным.

— Тогда немедленно передавайте приказ к исполнению «синего плана». Все корабли немедленно прекращают огонь. Всю энергию направить на усиление защитных экранов. Двигайтесь к Эскобару с максимальным ускорением. Нам необходимо сократить задержку передачи сигнала.

— «Синий план», сэр? Это же полное отступление!

— Я знаю, командор. Я составлял его.

— Но полное отступление...

— Командор Венн, эскобарцы располагают новой системой вооружения. Она называется плазменное зеркало. Это новейшая бетанская разработка. Силовое поле возвращает плазменный огонь в точку выстрела. Наши корабли ведут стрельбу на самопоражение.

— Боже! Что же нам делать?

— Ничего, если только вы не собираетесь взять на бордаж их корабли и передуть этих гадов по одиночке. Соблазнительная идея, но крайне непрактичная. Передавайте приказ! И вызовите в тактическую рубку главного инженера и старшего пилота. И прикажите начальнику охраны убрать своих людей от моей каюты. Не хочу, чтобы меня парализовали на выходе.

— Есть, сэр! — Венн отключился.

— В первую очередь увести десантные корабли, — пробормотал Форкосиган, поднимаясь из вращающегося кресла. Он повернулся к Корделии и Иллиану, которые уставились на него в полнейшем изумлении.

— Как вы узнали... — начал Иллиан.

— ...о плазменных зеркалах? — закончила Корделия.

Форкосиган остался совершенно бесстрастен. — Ты сама рассказала мне об этом, Корделия. Во сне, пока Иллиан отсутствовал. Разумеется, под действием одного из зелий нашего хирурга. Побочных эффектов оно не имеет.

Потрясенная Корделия вскочила.

— Ах ты... несчастный... Пытка — и то честнее!

— Ох, ловко, сэр! — поздравил его Иллиан. — Уж я-то знал, что вы не потеряли хватку!

Форкосиган кинул на него неприязненный взгляд.

— Не важно. Информация была подтверждена слишком поздно, чтобы быть нам полезной.

В этот момент в дверь постучали.

— Идем, Иллиан. Пора забирать моих солдат домой.

ГЛАВА 10

Не прошло и часа, как Иллиан пришел за Ботари. А потом Корделия на целых двенадцать часов осталась в одиночестве. Она размышляла о том, надлежит ли ей во исполнение своего воинского долга сбежать из каюты и учинить небольшую диверсию. Но если Форкосиган действительно командует полным отступлением, то вмешательство может оказаться некстати. Она лежала на койке, предаваясь черной меланхолии. Он предал ее; он был ничем не лучше других. «Мой идеальный воин, мой дорогой лицемер...» Похоже, что Форратьер все-таки знал его гораздо лучше, чем она... Нет. Это несправедливо. Добывая эту информацию, он просто выполнял свой долг; и она сделала то же самое, скрывая эти сведения до последнего — так и следовало поступать офицерам двух враждующих сторон. Пусть даже один из этих офицеров — не совсем настоящий: всего каких-то пять часов действительной службы. И нельзя не согласиться с Иллианом — это действительно было проделано ловко. Она не ощущала никаких последствий от препарата, использованного для тайного вторжения в ее разум.

Что бы он там ни использовал... Стоп. А что, в самом деле, он мог использовать? Где и когда он раздобыл этот препарат? Иллиан его не приносил, это точно. Он был изумлен не меньше Корделии, когда Форкосиган обмолвился о плазменных зеркалах. Остается лишь предположить, что либо он заранее припрятал у себя в каюте «сыворотку правды», либо...

— Боже милостивый, — прошептала она: то была не божба — молитва. — На что же я здесь наткнулась?

Она принялась мерить шагами комнату; кусочки мозаики неудержимо становились на свои места. Никаких сомнений! Форкосиган никогда не допрашивал ее; он знал о плазменных зеркалах заранее.

Более того, похоже, что он был единственным человеком в барраярском командовании, кто знал об этом. Форхалас не знал. Принц определенно не знал. И Иллиан тоже.

— Сложить все тухлые яйца в одну корзину, — пробормотала она. — И... уронить корзину? О, это не мог быть его собственный план! Конечно же, нет...

Внезапно перед ее мысленным взором предстала полная картина во всей ее чудовищности: самое расточительное политическое убийство в барраярской истории, и вдобавок самое хитроумное — трупы спрятаны в горе других трупов, навеки перемешавшись.

Но получил же он откуда-то эту информацию. Видимо, в промежутке между ее бегством с «Генерала Форкрафта», когда у него было всего-то и проблем, что забитая мятежниками рулевая рубка, и теперешним моментом, когда он пытается спасти армаду своих обезоруженных кораблей от побоища, ими же самими и развязанного. В какой-то тихой, обитой зеленым шелком комнате, где великий хореограф поставил танец смерти, и где честь человека была перемолота в жерновах его долга.

Форратьер с его больным тщеславием вдруг усох, съежился до безобидной мышки, до ничтожной блохи, до булавочного укола в сравнении с этим чудовищным видением.

«Боже, а я-то все гадала, отчего Эйрел такой издерганный. Он ведь, наверное, чуть умом не тронулся. А как же император? Ведь принц — его сын! Разве такое возможно? Или я просто спятила, как Ботари?»

Она заставила себя сесть, потом легла, но заговоры и контрзаговоры продолжали крутиться в ее воспаленном мозгу; словно воочию она представила себе бесконечную вереницу предательств, внезапно сошедшихся в единой точке пространства и времени ради достижения своей ужасной цели. Кровь гулко колотилась в висках.

«Может, это все неправда, — наконец утешила она себя. — Я спрошу его, и он так мне и скажет. Он просто допросил меня во сне. Мы победили их, и я — героиня, спасающая Эскобар. А он просто солдат, выполнявший свою работу. — Она перевернулась на бок, и устала в темноту. — А у свинок есть крылья, и на одной из них я полечу домой».

Наконец Иллиан прервал ее тягостные раздумья, отведя ее на гауптвахту.

Она заметила, что атмосфера здесь как-то изменилась. Охранники смотрели на нее уже совсем иначе — вернее, они старались вообще на нее не смотреть. Обращение с пленными по-прежнему оставалось довольно суровым, но грубость исчезла. Она узнала одного из тех охранников, которые сопровождали ее в каюту Форратьера — того, который жалел ее; теперь он, похоже, был здесь главным — его воротник украсили поспешно и криво закрепленные красные лейтенантские нашивки. Покидая каюту, она снова облачилась в одежду Форратьера. На этот раз ей позволили переодеться в оранжевую пижаму без присмотра охранников. Затем ее отвели в камеру — постоянную камеру, не отсек предварительного заключения.

В камере уже был один обитатель — молодая эскобарская девушка необычайной красоты, лежавшая на своей койке, уставившись в стену. Она не обернулась при появлении Корделии и не ответила на ее приветствие. Через некоторое время прибыла барраярская медицинская бригада и увела девушку с собой. Вначале та безмолвно подчинилась, но в дверях начала сопротивляться. По знаку врача санитар усыпил ее при помощи уже знакомой Корделии капсулы, и через секунду ее вынесли в бессознательном состоянии.

Доктор, судя по возрасту и чину — главный хирург, ненадолго задержался, чтобы перебинтовать ей ребра. После этого она осталась одна, и течение времени отмечалось лишь регулярной доставкой пищи да изредка менявшимися шумами и вибрациями, по которым можно было догадываться происходящем снаружи.

Спустя восемь или девять пищевых пайков, когда она валялась на койке в приступе хандры, свет в камере внезапно померк. Немного погодя лампы зажглись, но почти тут же снова погасли.

— Черт, — пробурчала Корделия, когда желудок куда-то провалился и она начала всплывать вверх. Она судорожно ухватилась за свою кровать. Ее предусмотрительность была вознаграждена мгновение спустя, когда ускорение примерно в 3g вдавило ее в койку. Свет мигнул и снова погас, и опять пропала сила тяжести.

— Плазменная атака, — пробормотала она про себя. — Должно быть, силовые экраны перегружены.

Корабль сотряс мощнейший удар. Ее швырнуло с койки в полную темноту, тишину и невесомость. Прямое попадание! Корделия рикошетом отлетела от дальней стены, отчаянно пытаясь за что-нибудь ухватиться, больно ударилась локтем об... стену? пол? потолок? Вскрикнув от боли, она снова зависла в воздухе. «Дружественный обстрел, — подумала Корделия на грани истерики. — Меня убьют свои. Идеальный конец для моей военной карьеры...»

Она стиснула зубы и напряженно прислушалась.

Здесь слишком тихо. А если весь воздух вышел? Ей представилась ужасная картина: в живых осталась только она одна, запертая в этом черном ящике и обреченная плавать в нем, дожидаясь неминуемой гибели от холода или удушья. Эта камера станет ее саркофагом, который спустя много месяцев распечатает какая-нибудь уборочная команда.

И еще более ужасная мысль: была ли задета ходовая рубка? Нервный центр корабля, куда наверняка метили эскобарцы и где, без сомнения, находился Форкосиган... Может, он был раздавлен летящими обломками, заморожен в вакууме, сгорел в плазменном огне, раздавлен смятыми переборками?

Наконец ее пальцы нащупали какую-то поверхность, и она пошарила в поисках чего-нибудь, за что можно было бы уцепиться. Угол: хорошо. Она пристроилась там, свернувшись калачиком.

Неизвестно сколько времени пробыла она в этом стигийском мраке. Из пылающих легких вырывалось прерывистое дыхание, руки и ноги дрожали от непрерывных усилий, требовавшихся для того, чтобы удержаться за поверхность. Затем корабль вдруг застонал, и в камере вспыхнул свет.

«О, дьяволыщина, это же потолок».

Вернувшаяся сила тяжести швырнула ее на пол. В левой руке вспыхнула резкая боль,

затем пришло оцепенение. Корделия кое-как поползла до койки и притулилась там, мертвой хваткой вцепившись в прутья спинки правой рукой и еще на всякий случай зацепив их ногой.

Ничего не происходило. Она ждала. Ее оранжевая рубашка отчего-то стала мокрой. Поглядев на свою левую руку, она увидела осколок розовато-желтой кости, выглядывающий из открытого перелома, и сочившуюся из раны кровь. Корделия неловко стянула с себя рубашку и обмотала ею руку, чтобы остановить кровотечение. Давление пробудило боль. Она попыталась позвать на помощь — чисто ради эксперимента. Камера наверняка должна быть под наблюдением.

Никто не пришел. Следующие несколько часов разнообразила свой эксперимент, пробуя то кричать, то убеждать, то колотить в дверь и стены здоровой рукой, а то просто сидела на койке, плача от боли. Сила тяжести и свет выключались еще несколько раз. Наконец она испытала знакомое ощущение, словно бы ее внутренности макнули в банку с клеем — признак перехода через пространственно-временной туннель; после этого никакой болтанки больше не наблюдалось.

Дверь камеры распахнулась настолько неожиданно, что потрясенная Корделия отпрянула, стукнувшись об стену головой. Но это оказался лейтенант, возглавлявший охрану гауптвахты, с одним из медиков. У лейтенанта на лбу багровела шишка размером с куриное яйцо; медик выглядел вконец измученным.

— Второй по тяжести случай, — сказал лейтенант фельдшеру. — После этого можете просто обойти все камеры по порядку.

Бледная и слишком усталая, чтобы разговаривать, Корделия молча развернула руку для осмотра и перевязки. Медику, при всем его профессионализме, недоставало деликатности главного хирурга. Она едва не потеряла сознание, прежде чем ей наложили пластик.

Новых признаков атаки не было. Через отверстие в стене ей была доставлена свежая тюремная пижама. Спустя два пайка Корделия ощутила очередной нуль-переход. Мысли ее непрерывно крутились в колесе страхов; засыпая, она видела сны, и все они были кошмарами.

Наконец объявился лейтенант Иллиан, которому вместе с одним из охранников выпало сопровождать ее. Обрадовавшись при виде знакомого лица, она едва не расцеловала его. Вместо этого она застенчиво откашлялась и спросила (как она надеялась, достаточно небрежным тоном):

— Коммодор Форкосиган не пострадал во время атаки?

Его брови поехали вверх, и он бросил на нее любопытно-озадаченный взгляд.

— Нет, конечно.

Конечно. Конечно. Это «конечно» подразумевало, что он не получил ни царапины. На глаза навернулись слезы облегчения, которые она попыталась скрыть под маской холодного профессионального интереса.

— Куда вы меня забираете? — полюбопытствовала она, когда они вышли с гауптвахты и зашагали по коридору.

— На катер. Вас переправляют в лагерь для военнопленных на планете — поживете там, пока будут идти переговоры об обмене пленными. А потом вас отправят домой.

— Домой! А как же война?

— Закончилась.

— Закончилась! — Она попыталась освоиться с этой мыслью. — Закончилась. Вот это скорость. Почему же эскабарцы не развивают свой успех?

— Не могут. Мы запечатали нуль-переход.

— Запечатали? Не блокировали?

Он кивнул.

— Как, черт побери, можно запечатать туннель?

— В некотором смысле это очень старая идея. Брандеры.

— Как это?

— Посылаете корабль в туннель и аннигилируете его в средней точке между выходами. Возникает резонанс, и в течение нескольких недель просочиться через туннель будет невозможно. До тех пор, пока колебания не утихнут.

Корделия присвистнула. — Ловко... и почему мы до этого не додумались? А как вы спасаете пилота?

— Может, поэтому и не додумались. Мы его не спасаем.

— Боже... ну и смерть. — В ее воображении мгновенно возникла яркая и отчетливая картина.

— Они были добровольцами.

Корделия ошеломленно покачала головой:

— Только баррарцы... — Она решила подыскать менее пугающую тему для разговора. — А много у вас военнопленных?

— Не очень. Может, сотня наберется. А на Эскобаре осталось одиннадцать тысяч наших десантников. Мы попытаемся обменять вас в соотношении больше, чем десять к одному, так что вы представляете для нас немалую ценность.

Иллюминаторов в катере для пленных не было. Вместе с Корделией летели еще двое — помощник инженера с ее корабля и та темноволосая эскобарская девушка, что была в ее камере. Техник жаждал обменяться впечатлениями, хотя у него самого было их не так уж много — все это время он проторчал в камере вместе с тремя остальными членами их экипажа, которых уже переправили на планету днем ранее.

Эскобарянке — красивой молоденькой девушке в звании мичмана, попавшей в плен два месяца назад, когда ее корабль вышел из строя во время боя за нуль-переход к Колонии Бета, — вообще было почти не о чем рассказывать.

— Должно быть, я потеряла счет времени, — тревожно поделилась она. — Это не трудно, когда много дней сидишь в одиночной камере и никого не видишь. Хотя вчера я проснулась в их лазарете и не смогла вспомнить, как я там оказалась.

«А если этот хирург действительно так хорош, как кажется, то никогда и не вспомнишь», — подумала Корделия, а вслух спросила:

— Вы помните адмирала Форратьера?

— Кого?

— Да так, не берите в голову.

Наконец катер приземлился. Люк распахнулся, и в проем хлынул сноп солнечного света. Вместе с ним в отсек ворвался свежий воздух, напоенный сладостным ароматом зелени и лета — только сейчас они осознали, какой затхлой вонью им приходилось дышать все эти дни.

— Ух ты, где это мы? — воскликнул изумленный техник, подгоняемый охранниками к трапу. — Красота-то какая!

Корделия, шедшая следом за ним, невесело рассмеялась, сразу же узнав это место.

Под нежно-бирюзовыми небесами расстилалась обширная впадина, на дне которой расположился лагерь военнопленных: три ряда баррарских палаток — уродливых серых полуцилиндров, — окруженных силовым экраном. Стоял жаркий, тихий полдень, заставивший Корделию почувствовать себя так, словно она никогда отсюда и не улетаала.

Да, а вон там виден вход в подземный склад, теперь уже не замаскированный и даже расширенный. Перед ним устроена обширная посадочная площадка — вокруг стоящих там катеров кипит бурная деятельность. Водопад и озеро под ним исчезли. Корделия обернулась на ходу, окидывая взором свою планету. Что ж, они неизбежно должны были оказаться здесь — если вдуматься, это вполне закономерно. Она беспомощно покачала головой.

Корделия и ее юную спутницу были встречены подтянутым и сдержанным охранником, который направил их в палатку посередине ряда. В помещении, рассчитанном на пятьдесят человек, оказалось всего одиннадцать женщин, так что оставался большой выбор спальных мест. На новоприбывших набросились старожилы лагеря, жаждущие новостей. Полная женщина лет сорока призвала всех к спокойствию и представилась:

— Лейтенант Марша Альфреды. Я старший офицер в этой палатке. Слежу за порядком — насколько вообще можно навести порядок в этой выгребной яме.

— Я капитан Корделия Нейсмит. Бетанский Экспедиционный корпус.

— Слава Богу. Теперь я могу скинуть все на вас. Вы знаете, что за чертовщина здесь происходит?

— О, Господи. — Корделия попыталась взять себя в руки. — Введите меня в курс дела.

— Здесь был сущий ад. Охранники — просто свиньи. А потом вчера вдруг появилась компания высших барраярских чинов. Мы сперва подумали, что они ищут, кого бы изнасиловать, как остальная банда. Но сегодня утром исчезла примерно половина охранников — самые отпетые. И их заменила команда, которая держится, как на параде. А коменданта лагеря... я просто сперва не могла поверить в это. Они вывели его на взлетную площадку и расстреляли! У всех на глазах!

— Понятно, — бесцветно проговорила Корделия. Она прочистила горло:

— Хм... вы уже слышали? Барраярцы полностью изгнаны из эскобарского пространства. Наверное, они уже отправили своих представителей обходным путем для переговоров о заключении мира.

На мгновение повисла ошеломленная тишина, сменившаяся взрывом ликования. Одни смеялись, другие плакали; многие принялись обниматься, но некоторые предпочли остаться в стороне. Еще несколько человек помчались к соседним палаткам, чтобы поделиться радостными новостями. Корделию осаждали просьбами сообщить подробности. Она коротко пересказала ход сражения, не упоминая о своих собственных похождениях и об источнике, откуда черпала информацию. Их радость заставила ее почувствовать себя чуточку счастливее — впервые за много дней.

— Ну, теперь понятно, почему барраярцы вдруг стали такими паиньками, — сказала Альфреды. — Наверное, раньше они и не предполагали, что им придется отвечать за свои бесчинства.

— У них новый командующий, — объяснила Корделия. — У него пунктик насчет пленных. Победа или поражение, но под его началом в любом случае наступили бы перемены.

— Неужели? Ну и кто же он? — недоверчиво осведомилась Альфреды.

— Коммодор Форкосиган, — бесстрастно ответила Корделия.

— Форкосиган, Мясник Комарра? Боже, мы пропали.

Она выглядела не на шутку испуганной.

— А мне показалось, что сегодня утром вы получили довольно убедительное свидетельство его добрых намерений.

— А по-моему, это лишь доказывает, что он форменный псих, — отрезала Альфреды. — Комендант даже не принимал участия в этих безобразиях. Он был далеко не худшим из барраярцев.

— Но он был в ответе за действия подчиненных. Если он знал о них, он обязан был их прекратить. Если не знал — значит, был некомпетентен. В любом случае, ответственность лежит на нем. — Тут Корделия осеклась, внезапно осознав, что защищает барраярские методы. — Ну, не знаю. — Она покачала головой. — В конце концов, я Форкосигана защищать не нанималась.

Снаружи донесся многоголосый шум, и в палатку ввалилась депутация пленных, которым хотелось получить подтверждение слухам об окончании войны. Охранники отошли к периметру лагеря, терпеливо дожидаясь, пока оживление утихнет само собой. Корделии пришлось еще дважды вкратце рассказать о последних событиях. Со стороны мужских палаток заявили члены ее экипажа во главе с Парнеллом.

Парнелл вскочил на койку и обратился к толпе в оранжевом, перекрикивая радостный гомон:

— Эта леди о многом умалчивает. Один барраярский охранник рассказал мне, как все было на самом деле. Когда нас захватили и доставили на флагман, она бежала и

собственноручно прикончила барраярского командующего, адмирала Форратьера. Вот почему их наступление захлебнулось. Да здравствует капитан Нейсмит!

— Это неправда, все было не так, — возражала Корделия, но ее заглушили восторженные крики. — Я не убивала Форратьера. Эй! Поставьте меня на землю! — Члены ее экипажа, подначиваемые Парнеллом, подняли ее на плечи и понесли по всему лагерю, устроив нечто вроде импровизированного парада. — Это неправда! Прекратите это! Уф!

С таким же успехом можно было пытаться вычерпать океан чайной чашкой. Уж больно хороша была эта героическая сказка, слишком уж точно отвечала она их жажде праведного возмездия. Она пролилась на души измученных пленных целительным бальзамом, и стала их собственной — хоть и совершенной чужими руками — мстью врагу. История разошлась по всему лагерю, видоизменяясь, приукрашаясь и обрастая все новыми подробностями. Не прошло и суток, как она уже превратилась во что-то вроде священного эпоса. Спустя несколько дней Корделия сдалась.

Истина была чересчур сложна и двусмысленна, чтобы быть принятой ими. Да и сама Корделия, хранившая в тайне все, что было связано с Форкосиганом, вряд ли смогла бы рассказать о происшедшем с достаточной убедительностью. Ее офицерская служба казалась теперь пустой и бесцветной, лишенной всякого смысла. Корделия тосковала по дому, по своей здравомыслящей матери и брату, по тишине и душевному покою, когда мысли могут безмятежно течь одна за другой, не смыкаясь в цепь тайного кошмара.

ГЛАВА 11

Вскоре лагерь вернулся к повседневной жизни — или к тому, что называлось здесь повседневной жизнью. Медленно тянулись недели в ожидании завершения переговоров об обмене пленными; все строили и оттачивали подробные планы относительно того, чем будут заниматься по возвращении домой. Корделия постепенно сумела наладить почти нормальные отношения с соседями по палатке, хотя они все еще пытались навязать ей особые привилегии. От Форкосигана не было никаких вестей.

Как-то раз днем, когда Корделия лежала на койке, притворяясь спящей, лейтенант Альфреды потормошила ее за плечо:

— Там пришел барраярский офицер — говорит, что хочет поговорить с вами.

Альфреды последовала за ней к выходу; на лице ее читались подозрительность и враждебность.

— По-моему, нельзя дать им увести вас. У них точно есть на вас зуб. А ведь нам совсем немного осталось до отлета домой!

— Об этом не стоит волноваться, Марша.

Снаружи ее ждал Форкосиган в зеленом парадном мундире — повседневной форме офицеров генштаба. За его спиной, как обычно, маячил Иллиан. Форкосиган выглядел напряженным, усталым и каким-то зажатым; держался он с подчеркнутой учтивостью.

— Капитан Нейсмит, — официально обратился он к ней, — могу я поговорить с вами?

— Да, но не здесь. — Она остро ощущала на себе взгляды своих товарищей. — Мы можем прогуляться или что-нибудь в этом духе?

Он кивнул, и они двинулись вперед во взаимном молчании. Он заложил руки за спину. Она засунула свои в карманы оранжевой куртки. Иллиан неотвязчиво плелся следом за ними, точно преданный пес. Они вышли за пределы лагеря и углубились в лес.

— Я рада, что вы пришли, — сказала Корделия. — Я хотела кое о чем вас спросить.

— Да. Я тоже хотел увидаться с вами, но не мог вырваться раньше — был слишком занят.

Она кивнула на его желтые нашивки:

— Поздравляю с повышением.

— Ах, это... — Он мимолетно коснулся одной из них. — Это не имеет значения. Простая формальность, чтобы легче было управляться с моей теперешней работой.

— Которая заключается?...

— В расформировании армады, охране локального пространства вокруг этой планеты и перемещении дипломатов между Барраяром и Эскобаром. Генеральная уборка после вечеринки. Ну и надзор за обменом пленными.

Они поднимались вверх по широкой тропе, вившейся сквозь серо-зеленые заросли вверх по склону впадины.

— Я хотел извиниться перед вами за то, что допросил вас под наркотиками. Я знаю, что глубоко оскорбил вас. Мною двигала необходимость. Военная необходимость.

— Вам не за что извиняться. — Она оглянулась на Иллиана. «Я должна знать...» — Абсолютно не за что. В конце концов я поняла это.

Он помолчал.

— Понимаю, — произнес он наконец. — Вы очень проницательны.

— Как раз напротив — я совсем запуталась.

Он повернулся к Иллиану.

— Лейтенант, окажите мне услугу. Я хочу несколько минут побыть наедине с этой леди, чтобы обсудить одно очень личное дело.

— Не могу, сэр. Вы же знаете.

— Когда-то я попросил ее стать моей женой. Она мне так и не ответила. Если я дам вам слово, что мы не будем обсуждать ничего помимо этой темы, можете вы оставить нас наедине на несколько минут?

— О... — Иллиан нахмурился. — Ваше слово, сэр?

— Мое слово. Слово Форкосигана.

— Ну... тогда, наверное, можно. — Иллиан с мрачным видом уселся ждать на поваленном дереве, а они последовали дальше вверх по тропе.

Они поднялись на край впадины и оказались на том самом выступе, где когда-то, давным-давно Форкосиган разрабатывал план захвата своего корабля. Они уселись на землю и принялись наблюдать за беззвучной — из-за удаленности — жизнью лагеря.

— Прежде ты никогда бы не поступил так, — заметила Корделия. — Не дал бы заведомо лживой клятвы.

— Времена меняются.

— И не стал бы лгать мне.

— И это тоже.

— И не расстрелял бы человека без суда за преступления, в которых он не участвовал.

— Не без суда. Он был осужден военным трибуналом. И после этого здесь все очень быстро пришло в норму. Кроме того, эта казнь должна удовлетворить межзвездную судебную комиссию. Завтра еще и они сядут мне на шею, со своим расследованием дурного обращения с пленными.

— Наверное, ты начинаешь привыкать к постоянным убийствам. Жизнь отдельных людей уже теряет для тебя значение.

— Да. Их было так много. Пришло время уходить. — И лицо, и слова его были совершенно безжизненны.

— Как император склонил тебя на это... невероятное убийство? Тебя! Это была твоя идея? Или его?

Он не стал ни уклоняться, ни отрицать.

— Его и Негри. Я всего лишь исполнитель.

Его пальцы мягко выдергивали травинки одну за другой.

— Он повел разговор издалека. Сперва предложил мне командование эскобарским вторжением. Начал со взятки — если конкретно, пообещал мне пост вице-короля этой планеты, колонизация которой скоро начнется. Я отказался. Тогда он пустил в ход угрозы: сказал, что сдаст меня Гришнову, что меня осудят за измену, и императорское помилование мне не светит. Я послал его к черту — не напрямую, конечно, в вежливой форме. Это был тяжелый момент. Затем он извинился передо мной. Называл меня лордом Форкосиганом.

Когда он хотел оскорбить меня, то называл капитаном. Затем он вызвал капитана Негри с досье, у которого даже названия нет, и притворство закончилось.

Доводы. Логика. Аргументы. Доказательства. Мы — то есть я, император и Негри — неделю напролет просидели в обитой зеленым шелком комнате, что в императорской резиденции в Форбарр-Султане, изучая это досье вдоль и поперек. А Иллиан тем временем скучал в коридоре, осматривая императорскую художественную коллекцию. Кстати, ты верно угадала насчет Иллиана. Он и не подозревает об истинной цели вторжения.

Ты мельком видела принца. Могу лишь добавить, что ты видела его в одну из лучших минут. Возможно, когда-то Форратьер и был его учителем, но принц уже давно превзошел его. Однако если бы он имел хоть какое-нибудь представление о государственной службе, отец наверняка простил бы ему даже самые гнусные пороки.

Он был неуравновешен, и окружил себя людьми, в интересах которых было сделать его еще более неуравновешенным. Достойный племянник дядюшки Юрия. После восшествия Серга на престол Гришнов намеревался править через него Барраярмом. Сам Гришнов, наверное, согласен был бы подождать, но принц... Принц за последние полтора года совершил уже два покушения на своего отца.

Корделия беззвучно присвистнула.

— Кажется, я начинаю понимать. Но почему нельзя было просто убрать его втихую? Уж наверное император и этот твой капитан Негри могли бы это устроить.

— Такой вариант обсуждался. Каюсь, я даже вызвался сделать это самолично, лишь бы только избежать этой... бойни. — Он помолчал. — Но император умирает. Он не может ждать, пока эта проблема разрешится сама собой. Он стал просто одержим стремлением оставить дела в порядке.

Проблема — в сыне принца. Ему всего четыре. Шестнадцать лет — слишком долгое время для регентства. Если бы Гришнов и вся его министерская партия остались незатронуты, то после гибели принца они попросту заполнили бы образовавшийся вакуум власти.

Убить принца было недостаточно. Император понимал, что необходимо разгромить всю партию «ястребов», причем так, чтобы она еще целое поколение не смогла бы подняться на ноги. И вот появляюсь я, поднимаю шум из-за стратегических проблем вторжения на Эскобар. Потом разведслужба Негри добывает информацию о плазменных зеркалах — военная разведка этими данными не располагала. Затем снова я — с вестью о том, что преимущество внезапности потеряно. Знаешь, он ведь и это сумел отчасти скрыть. Ничего другого кроме катастрофы из этой затеи выйти не могло. А Гришнов, принц и партия войны требовали славы. Ему нужно было всего лишь отойти в сторону и позволить им ринуться навстречу своей гибели.

Теперь он выдергивал траву целыми пучками.

— Так ловко все складывалось — просто не возможно было устоять перед таким соблазном. Но риск был. Существовала вероятность, что если пустить все на самотек, то могут погибнуть все, кроме принца. Поэтому мне было поручено проследить за точным исполнением сценария. Подстрекать принца, сделать так, чтобы в нужное время он оказался на передовой. Отсюда та сцена, которую ты наблюдала в моей каюте. Я вовсе не выходил из себя. Я просто забивал последний гвоздь в его гроб.

— Тогда, видимо, вторым агентом должен был быть... главный хирург?

— Именно.

— Прелестно.

— Не правда ли? — Он улегся на траву, устремив взгляд в лазурное небо. — Я даже не смог стать честным убийцей. Помнишь, я как-то говорил, что собираюсь податься в политику? Кажется, я уже излечился от этих амбиций.

— А что Форратьер? Он тоже должен был погибнуть?

— Нет. Согласно первоначальному сценарию, ему предназначалась роль козла отпущения. После поражения он должен был принести императору извинения за провал — в

стиле древних японцев. Это должно было стать частью крушения партии «ястребов». Пусть даже он был ближайшим советником принца, но все же я не завидовал тому, что его ждет. И пока он измывался надо мной, я видел, как проваливается земля у него под ногами. Это сбивало его с толку. Ведь прежде ему всегда удавалось вывести меня из себя. Когда мы были помоложе, это было его излюбленным развлечением. И он не мог понять, отчего его фокусы больше не срабатывают.

Взгляд Форкосигана был по-прежнему устремлен куда-то в голубую небесную высь и не встречался с ее взглядом.

— Возможно, тебя немного утешит то, что его смерть спасла множество жизней. Он бы попытался продолжать сражение гораздо дольше, спасая свою карьеру. Именно это и подкупило меня в конце концов. Я подумал, что если окажусь в нужном месте в нужное время, то смогу провести отступление гораздо лучше, чем любой другой офицер генштаба.

— Так значит, все мы были всего лишь марионетками Эзара Форбарры, — медленно проговорила Корделия. Ее мутило. — Я со своим караваном, ты, эскобарцы... даже старина Форратьер. Вся эта патриотическая шумиха, праведный гнев... Сплошной фарс.

— Все верно.

— Просто дрожь пробирает. Неужели принц был настолько ужасен?

— Без сомнения. Не хочу портить тебе аппетит подробностями докладов Негри... Но император сказал, что если это не будет сделано сейчас, то еще лет пять-десять мы сами будем пытаться избавиться от него, и скорее всего провалим дело и погубим всех своих друзей во всепланетной гражданской войне. За свою жизнь он был свидетелем двух таких войн. Этот кошмар неотступно преследует его. Калигула или Юрий Форбарра могут править очень долго: лучшие люди долго не решаются совершить необходимое, а худшие этим пользуются.

— Император себя не жалеет. Он перечитывал доклады снова и снова, практически выучил их наизусть. Это решение не было поспешным или необдуманным. Ошибочным — возможно, но точно не необдуманным. Понимаешь, он не хотел, чтобы принц погиб позорной смертью. Это был последний подарок, который он мог сделать сыну.

Корделия сидела неподвижно, обхватив руками колени, и старалась запечатлеть в памяти его профиль. Мягкий полуденный ветерок шелестел листвой и колыхал золотистые травы.

Форкосиган повернулся к ней.

— Правильно ли я поступил, Корделия, ввязываясь в эту историю? Если бы я отказался, он просто выбрал бы кого-нибудь еще. Я всегда старался идти дорогой чести. Но что делать, когда можно выбирать только из нескольких зол? Постыдные действия, постыдное бездействие — любой путь ведет к гибели.

— Ты просишь меня судить тебя?

— Кто-то ведь должен.

— Прости. Я могу любить тебя. Я могу скорбеть о тебе, или вместе с тобой. Я могу разделить твою боль. Но судить тебя я не могу.

— Ах. — Он перевернулся на живот и принялся смотреть на лагерь. — С тобой я становлюсь таким разговорчивым. Если мой мозг когда-нибудь позволит мне уйти от реальности, то я, наверное, стану очень болтливым сумасшедшим.

— А ты что, больше ни с кем так откровенно не разговариваешь? — встревожилась она.

— Боже, конечно же нет. Ты... ты... я не знаю, что ты такое. Но ты нужна мне. Ты выйдешь за меня?

Она вздохнула и положила голову на колени, накручивая травинку на пальцы.

— Я люблю тебя. Надеюсь, ты это знаешь. Но я не могу принять Барраяра. Барраяр пожирает своих детей.

— Но Барраяр — это не только треклятая политика. Некоторые проживают целую жизнь, даже не замечая ее.

— Да, но ты не из их числа.

Он сел. — Не знаю, удастся ли мне получить визу на Колонию Бета...

— В этом году — вряд ли. И в следующем тоже. Сейчас там всех барраярцев считают военными преступниками. Такого оживления в политической жизни у нас не было уже много лет — все просто на ушах стоят. И потом, есть еще Комарр.

— Понятно. Значит, мне будет затруднительно получить у вас работу тренера дзюдо. И, учитывая все обстоятельства, я вряд ли смогу заняться написанием мемуаров.

— В данный момент тебе будет затруднительно избежать толпы линчевателей.

Она взглянула в его мрачное лицо. Не стоило этого делать — ее сердце тут же скрутило жестокой болью.

— Мне... все равно надо какое-то время побыть дома. Повидаться с семьей, обдумать все это в тишине. Может, найдется еще какое-нибудь решение. И потом, мы можем писать друг другу.

— Да, наверное.

Он встал и помог ей подняться.

— Чем ты теперь собираешься заняться? — спросила она. — Тебя восстановили в звании.

— Ну, сперва я покончу со всей этой грязной работой, — взмах руки обозначил лагерь военнопленных и, по экстраполяции, всю эскобарскую авантюру, — а потом, наверное, поеду домой. И напьюсь. Я больше не смогу служить ему. Он растратил меня без остатка. Смерть его сына и пяти тысяч людей, сопровождавших его в ад, всегда будет стоять между нами. Форхалас, Готтиан...

— Не забывай и об эскобарцах. И нескольких бетанцах.

— Я буду помнить. — Он шел рядом с нею по тропе. — Тебе в лагере ничего не нужно? Я старался проследить за тем, чтобы вы были обеспечены всем, что могут предоставить наши ограниченные ресурсы, но возможно, я что-то упустил.

— Сейчас там все в порядке. Мне самой ничего особенного не нужно. Все, что нам действительно нужно, так это вернуться домой. Хотя... если подумать, то у меня есть к тебе одна просьба.

— Говори, — с жаром выпалил он.

— Могила лейтенанта Роузмонта. Она так и не была отмечена. Возможно, я больше никогда не попаду сюда. Пока еще возможно отыскать следы нашего лагеря, не мог бы ты поручить своим людям установить над могилой табличку? Я довольно часто пролистывала личное дело Роузмонта, так что помню наизусть все номера и даты.

— Я лично прослежу за этим.

— Подожди.

Он остановился, и она протянула к нему руку. Крепкие пальцы охватили ее узкую кисть; его кожа была сухой и теплой — это прикосновение обожгло Корделию.

— Прежде чем мы снова подберем бедолагу Иллиана...

Он обнял ее, и они поцеловались — в первый раз. И навсегда.

— Ох, — пробормотала она, когда они с великой неохотой отстранились друг от друга. — Наверное, не стоило этого делать. Так больно, когда ты останавливаешься.

— Ну так позволь мне... — Его рука нежно погладила ее волосы, затем отчаянно зарылась в сверкающие кудри; они снова приникли друг к другу.

— Хм... сэр? — подходя, Иллиан громко прочистил горло. — Вы не забыли о совещании штаба?

Форкосиган со вздохом выпустил ее. — Нет, лейтенант. Я не забыл.

— Можно поздравить вас, сэр? — улыбнулся Иллиан.

— Нет, лейтенант.

Улыбка погасла.

— Я... не понимаю, сэр.

— Это меня вполне устраивает, лейтенант.

И они пошли дальше: Корделия — спрятав руки в карманы, а Форкосиган — сцепив их за спиной.

* * *

Вечером следующего дня, когда большинство эскобарских женщин уже вылетели на катере к кораблю, который должен был отвезти их домой, у входа в их палатку появился лохотенный барраярский охранник, спросивший капитана Нейсмита.

— Адмирал шлет вам свои приветствия, мэм, и хочет узнать, не желаете ли вы проверить надпись на надгробной табличке, приготовленной для вашего офицера. Она в его кабинете.

— Да, конечно.

— Корделия, Бога ради, — прошипела лейтенант Альфреды, — не ходите туда одна.

— Ерунда, — нетерпеливо пробормотала Корделия в ответ. — Форкосиган меня не съест.

— О-о? Так что ему было нужно от вас вчера?

— Я же сказала — подготовить табличку для могилы.

— На это не требуется целых два часа. Вы хоть осознаете, как долго отсутствовали? Я видела, как он на вас пялится. А вы сами? На вас лица не было, когда вы вернулись в прошлый раз.

Корделия раздраженно отмахнулась от ее возражений и последовала за исключительно вежливым охранником в пещерный склад. Наземная администрация барраярской армии разместилась в одном из боковых помещений. Здесь царила оживленно-деловая атмосфера, свидетельствующая о близости начальства. И Форкосиган действительно был здесь — они нашли его в кабинете, на двери которого красовались его имя и звание, начертанные поверх полустертого имени его предшественника.

Вокруг него у компьютерного интерфейса столпились Иллиан, капитан и коммодор — видимо, они проводили какое-то совещание. Форкосиган приветствовал ее осторожным кивком, на который она ответила в той же манере. «Интересно, у меня такие же голодные глаза, как и у него? — подумала она. — Эти изящные манеры, которыми мы прикрываемся от толпы, совершенно бесполезны, если мы не научимся прятать свои глаза».

— Оно на столе секретаря, Кор... капитан Нейсмит, — он указал на него рукой. — Посмотрите, все ли в порядке. — И он снова повернулся к ожидающим его офицерам.

Это была простая стальная табличка барраярского военного образца; написание и даты были в полном порядке. Она провела по металлу рукой — видно, что эта вещь сделана добротно, на века. Форкосиган закончил разговор и подошел к ней.

— Все как следует?

— О да. — Она одарила его благодарной улыбкой. — Вы сможете отыскать могилу?

— Да, ваш лагерь все еще замечен с воздуха, хотя еще один дождливый сезон окончательно сотрет его следы...

Из-за двери донесся голос охранника, перекрывший остальной шум:

— Это вы так говорите. Почему я знаю — может, это бомбы. Нельзя втаскивать это сюда.

Второй голос отозвался:

— Он должен лично расписаться в получении. У меня такой приказ. И нечего выступать — можно подумать, что это вы нас победили.

Второй из говоривших, человек в темно-красной эскобарской форме медтехника, вошел в двери задом, ведя за собой на шнуре антигравитационную платформу, похожую на диковинный аэростат. На ней разместились емкости довольно внушительных размеров — около полуметра в высоту, — снабженные разнообразными датчиками и отводными клапанами. Корделия тут же поняла, что это такое, и поежилась, ощутив приступ дурноты. Форкосиган выглядел озадаченным.

Техник огляделся по сторонам.

— У меня на них накладная, требующая личной подписи адмирала Форкосигана. Он здесь?

Форкосиган выступил вперед.

— Я Форкосиган. Что это такое, м-м...

— Медтехник, — шепотом подсказала Корделия.

— ...медтехник? — плавно закончил Форкосиган, хотя, судя по его раздраженному взгляду, это была не совсем та подсказка, которой он ждал.

Эскобарец кисло улыбнулся:

— Мы возвращаем их отправителям.

Форкосиган обошел вокруг платформы. — Да, но что это за штуки?

— Все ваши убудки, — ответил медтехник.

Корделия, видя искреннее недоумение Форкосигана, пояснила:

— Это маточные репликаторы, э-э... адмирал. Переносные, работают от собственного источника питания... хотя им ведь необходимо обслуживание?

— Каждую неделю, — злорадно подтвердил медтехник. Он вытащил дискету. — А вот инструкции к ним.

Форкосиган явно был в ужасе.

— Но какого черта мне с ними делать?

— Думали, что заставите наших женщин отвечать на этот вопрос, а? — язвительно ответил медтехник. — Лично я предлагаю повесить их на шею их папашам. На каждом указан отцовский генетический код, так что будет нетрудно определить, чьи они. Распишитесь здесь.

Форкосиган взял пластинку с накладной и прочитал ее дважды. Он снова обошел вокруг платформы, пересчитывая емкости с крайне встревоженным видом. Завершив круг, он остановился рядом с Корделией и пробормотал:

— Я и не думал, что они могут проделывать такое!

— У нас их используют довольно часто.

— Должно быть, они невероятно сложные.

— И дорогие. Я удивлена... Наверное, эскобарцы решили обойтись без юридических разбирательств — имеют ли они право забрать детей вместе с матерями. Кстати, одна или две из них возражали против аборта. Это возлагает на тебя кровную ответственность. — Казалось, ее слова вонзились в него словно пули, и Корделия пожалела, что не выразилась как-нибудь иначе.

— Они там все живые?

— Конечно. Видишь вот эти зеленые огоньки? Там и плаценты, и все остальное. Они плавают в своей зародышевой оболочке, совсем как дома.

— И шевелятся?

— Наверное.

Он потер лицо, затравленно глядя на репликаторы.

— Семнадцать. Боже, Корделия, что же мне с ними делать? Хирург, конечно, мог бы... но... — Он повернулся к своему секретарю. — Быстро вызвать сюда главного хирурга.

Он снова повернулся к Корделии и тихо спросил:

— Как долго эти штуки могут работать?

— Если необходимо — все девять месяцев.

— Могу я получить расписку, адмирал? — громко произнес медтехник. — Меня ждут другие дела. — Он с любопытством покосился на Корделию в ее оранжевой пижаме.

Форкосиган, по-прежнему загипнотизированный платформой с емкостями, рассеянно нацарапал свое имя внизу документа, поставил отпечаток большого пальца и вернул накладную обратно. Поддавшись нездоровому любопытству, Корделия тоже обошла платформу кругом, исследуя показания датчиков.

— Похоже, самому младшему из них семь недель. А старшему уже четыре с лишним

месяца. Видимо, был зачат в самом начале войны.

— Но что же мне с ними делать? — пробормотал он снова. Она никогда еще не видела его таким потерянным.

— А что вы обычно делаете с внебрачными детьми солдат? Наверняка подобные случаи бывали и раньше, хоть и при несколько иных обстоятельствах.

— У нас обычно избавляются от ублюдков посредством аборта. Но в данном случае это уже сделано... в каком-то смысле. Столько беспокойства... Они ожидают, что мы будем поддерживать их жизнь? Плавающие зародыши... дети в банках...

— Ну, не знаю. — Корделия задумчиво вздохнула. — Подумать только, до чего категорично все отвергли этих маленьких человек! А ведь если бы не милость божья и не вмешательство сержанта Ботари, один из этих ребят мог бы быть моим и Форратьера. Или, если уж на то пошло, моим и Ботари.

Форкосиган прямо-таки позеленел при мысли об этом. Понизив голос почти до шепота, он взмолился:

— Но что я... что бы ты хотела, чтобы я с ними сделал?

— Ты просишь меня отдать распоряжение?

— Я никогда... Корделия, ну пожалуйста... какое достойное...

Да, наверное, это настоящий шок: вдруг обнаружить, что ты забеременел, причем семнадцать раз одновременно... и это в его-то возрасте. Она подавила вспышку черного юмора — ведь он явно пребывал в растерянности — и сжалась над ним:

— Наверное, ты должен взять их под свою опеку. Я понятия не имею, что повлечет за собой это решение, но... ты же расписался за них.

Он вздохнул.

— Верно. В каком-то смысле, я дал слово, — Почувствовав себя в привычной колее, он быстро вернул себе душевное равновесие. — Фактически, дал слово Форкосигана. Хорошо. Цель определена, план атаки намечен — можем начинать действовать.

Вошедший хирург просто остолбенел при виде плавающей платформы.

— Что за черт? А, кажется знаю. Хотя никогда не думал, что мне доведется увидеть такую штуку... — С какой-то истинно технарской страстью он провел рукой по одной из емкостей. — Это наши?

— Видимо, все наши, — ответил Форкосиган. — Их прислали эскобарцы.

Доктор хмыкнул:

— Какой циничный жест с их стороны. Хотя, наверное, эскобарцев можно понять... Но почему бы просто не выплеснуть их?

— Возможно, из-за некоего совершенно невоенного представления о ценности человеческой жизни, — запальчиво проговорила Корделия. — Оно существует в некоторых культурах.

Хирург удивленно поднял бровь, но, заметив полную серьезность своего командира, решил не ввязываться в спор.

— Вот инструкции к ним. — Форкосиган передал ему диск.

— О, замечательно. Можно мне освободить один и разобрать на части?

— Нет, нельзя, — холодно ответил Форкосиган. — Я дал слово... слово Форкосигана, что о них позаботятся. Обо всех.

— Как они ухитрились втянуть вас в это? Ну ладно, может, я заполучу его позже... — Он вернулся к осмотру мерцающей огоньками техники.

— Есть ли у вас оборудование, чтобы справиться с проблемами, которые могут возникнуть? — спросил Форкосиган.

— Дьявольщина, конечно же нет. Такое есть только в императорском госпитале. Хотя у них там нет акушерского отделения. Но готов поспорить, что исследовательская лаборатория будет счастлива заполучить этих крошек...

Сбитая с толку Корделия не сразу поняла, что он имеет в виду маточные репликаторы, а вовсе не их содержимое.

— Их необходимо обслуживать раз в неделю. Вы сможете сделать это здесь?

— Не думаю... — Хирург вставил диск в компьютер на столе секретаря и начал пролистывать содержимое. — Здесь, наверное, километров десять этих инструкций... Угу. Нет. Этого у нас нет... Нет. Очень жаль, адмирал. Боюсь, на этот раз вам придется отказаться от своего слова.

Форкосиган хищно оскалился, что отнюдь не напоминало улыбку:

— Вы помните, что случилось с последним человеком, заставившим меня нарушить свое слово?

Улыбка хирурга погасла.

— Тогда вот вам мой приказ, — продолжил Форкосиган безапелляционным тоном. — Через полчаса вы лично отправляетесь с этими... штуками на скоростной курьерский корабль. Он прибудет в Форбарр-Султану менее чем через неделю. Вы поедете в императорский госпиталь и любыми путями добудете оборудование и специалистов, необходимых для... завершения проекта. Если понадобится, добейтесь особого императорского приказа. Напрямую, не через обычные каналы. Я уверен, что наш общий друг Негри не откажется выслушать вас. Проследите за тем, чтобы их установили и обслужили, а потом сразу же доложите мне.

— Мы не успеем долететь за неделю! Даже на курьерском корабле!

— С ускорением на шесть пунктов выше максимально допустимого вы уложите в пять дней. Если инженеры отладили все как следует, то двигателям грозит опасность взорваться только при восьми пунктах свыше нормы. Так что это совершенно безопасно. — Он обернулся к своим офицерам: — Куэр, соберите, пожалуйста, экипаж курьерского корабля. И соедините меня с их капитаном, я хочу лично его проинструктировать.

Коммодор Куэр изумленно вскинул брови, но отправился выполнять приказ. Хирург понизил голос, метнув взгляд на Корделию:

— Бетанская сентиментальность в действии, сэр? Вам не кажется, что это немного неуместно на императорской службе?

Форкосиган улыбнулся и сузил глаза.

— Бетанское неподчинение, доктор? — произнес он, копируя тон хирурга. — Будьте любезны направить свою энергию на исполнение приказов, а не на сочинение отговорок.

— Черт, да ведь гораздо легче просто открыть крышки. Что вы собираетесь делать с ними, когда они... завершатся, или как там это называется? Кто возьмет на себя ответственность за них? Мне понятно ваше желание произвести впечатление на подружку, но подумайте о будущем, сэр!

Форкосиган сдвинул брови и глухо зарычал. Хирург отшатнулся. Форкосиган замаскировал рычание кашлем и сделал глубокий вдох.

— Это моя проблема. Мое слово. Ваша ответственность на этом закончится. Двадцать пять минут, доктор. Если придете вовремя, то я позволю вам лететь внутри катера. — Он оскалил зубы в неприкрыто агрессивной усмешке. — Когда установите их в госпитале, можете взять увольнение на три дня, если захотите.

Хирург, неохотно сдаваясь, пожал плечами и пошел укладываться.

Корделия проводила его полным сомнения взглядом.

— Думаешь, он остынет?

— Да, ему просто нужно дать время рассмотреть проблему с другой стороны. По прибытии в Форбарр-Султану он уже будет вести себя так, будто этот проект был его личной идеей и он сам изобрел... маточные репликаторы. — Взгляд Форкосигана снова обратился к плавающей платформе. — Вот проклятушки-штуковины...

Вошел охранник.

— Прошу прощения, сэр, но пилот эскабарского катера спрашивает капитана Нейсмит. Они готовы к вылету.

Возникший на коммуникационном мониторе Куэр отрапортовал:

— Сэр, капитан курьерского корабля на линии.

Корделия глянула на Форкосигана с беспомощной досадой — «ну что тут поделаешь!», — и он едва заметно покачал головой, соглашаясь с нею; затем оба молча вернулись к исполнению своих обязанностей. Она размышляла над последним выпадом доктора. «А нам казалось, что мы так осторожны! Нам определенно нужно что-то делать с нашими чересчур откровенными глазами».

ГЛАВА 12

Корделия летела домой вместе с двумястами других пассажиров, по большей части эскобарцев, на спешно переоборудованном для этих целей таукитянском пассажирском лайнере. Бывшие военнопленные коротали время, делясь воспоминаниями и обмениваясь впечатлениями о пережитом — этими сеансами, как она довольно быстро сообразила, исподволь руководили многочисленные психоофицеры, присланные эскобарцами вместе с кораблем. Вскоре ее молчание стало выделяться на общем фоне, и Корделия научилась распознавать ненавязчивые приемы сгона пациентов на якобы импровизированные сессии групповой терапии, и увиливать от них.

И это еще не все. Она обнаружила, что за ней тихо, но неотвязно следует яснолицая молодая женщина по имени Ирен, которой, по всей видимости, поручили заняться ею. Она появлялась рядом с ней в столовой, в коридорах, в комнатах отдыха, всегда с новым предложением для начала беседы. Корделия по возможности избегала ее, а когда ей это не удавалось, то она ловко (а порой и грубо) переводила разговор на другие темы.

Через неделю девушка растворилась в толпе, но, вернувшись однажды в свою каюту, Корделия обнаружила, что ее прежнюю соседку сменила новая: сдержанная пожилая женщина с твердым взглядом, одетая в гражданский костюм; она была не из числа бывших военнопленных. Корделия улеглась на кровать и угрюмо наблюдала, как та распаковывает вещи.

— Привет, я — Джоан Спрейг, — жизнерадостно представилась женщина.

Ладно, пора расставить точки над «i».

— Добрый день, доктор Спрейг. Думаю, я не ошибусь, если предположу, что вы босс Ирен?

Спрейг помолчала.

— Вы совершенно правы. Но я бы предпочла, чтобы наше общение было непринужденным.

— Нет, все несколько иначе. Вы предпочитаете, чтобы оно *выглядело* непринужденным. Это разные вещи.

— Вы очень интересная личность, капитан Нейсмит.

— Ну, скорее, это больше относится к вам, чем ко мне. Предположим, я соглашусь поговорить с вами. Вы отзовете остальных своих ищеек?

— Я здесь для того, чтобы слушать вас — но только тогда, когда вы будете готовы говорить.

— Ну так спрашивайте меня. Давайте побыстрее покончим с этим и успокоимся наконец. — «Мне бы действительно не мешало бы подлечиться, — тоскливо подумала Корделия. — Я чувствую себя так паршиво...»

Спрейг уселась на кровать, на губах мягкая улыбка, в глазах — пристальное внимание.

— Я хочу помочь вам вспомнить, что произошло с вами в то время, пока вы были в плену на барраярском флагмане. Какими бы ужасными ни были эти воспоминания, осознать их — значит сделать первый шаг к исцелению.

— Э-э, кажется, у нас противоположные намерения. Я с необычайной ясностью помню все, что со мной произошло в то время. Мне не составляет никакого труда довести происшедшее до своего сознания. Чего бы я хотела, так это забыть обо всем хоть ненадолго, чтобы спокойно спать по ночам.

— Понятно. Продолжайте. Почему бы вам не рассказать о том, что с вами произошло?

Корделия вкратце пересказала события, начиная с момента нуль-перехода от Колонии Бета и вплоть до убийства Форратьера, но оборвала рассказ перед появлением Форкосигана, проговорив неопределенно:

— Потом я пару дней пряталась по закоулкам корабля, но в конце концов меня поймали и снова заперли на гауптвахте.

— Ясно. Стало быть, вы не помните, как вас пытал и насиловал адмирал Форратьер, и не помните, как вы убили его.

— Меня не пытали. И я его не убивала. По-моему, я довольно ясно это объяснила.

Доктор печально покачала головой.

— Мне сообщили, что барраярцы дважды забирали вас из лагеря. Вы помните, что с вами тогда происходило?

— Да, конечно.

— Можете рассказать об этом?

— Нет, — уперлась Корделия. Для эскобарцев тайное политическое убийство принца ничего не значит — едва ли они могут ненавидеть барраярцев сильнее, чем ненавидят сейчас. Но даже простой намек об этом способен разрушить хрупкий гражданский мир Барраяре. Беспорядки, армейские мятежи, свержение императора — и это будут еще цветочки в сравнении с тем, что может случиться дальше. Если на Барраяре разразится гражданская война, разве Форкосиган не может погибнуть в ней? «Господи, пожалуйста, — устало думала Корделия, — не надо больше смертей...»

Спрейг выглядела чрезвычайно заинтересованной. Корделия почувствовала себя загнанной в ловушку и попыталась загладить свою оплошность.

— Один из моих офицеров погиб во время бетанской экспедиции на эту планету... надеюсь, вы знаете об этом? — Врач кивнула. — По моей просьбе было изготовлено надгробие на его могилу. Вот и все.

— Я понимаю, — вздохнула Спрейг. — У нас тут был еще один случай вроде вашего. Девушка тоже была изнасилована Форратьером, или кем-то из его людей, а барраярские медики подчистили ей память. Полагаю, они пытались уберечь его репутацию.

— О, кажется, я встречалась с ней на флагмане. И еще она была в моей палатке, правильно?

Спрейг сделала неопределенный жест в знак того, что это профессиональная тайна, однако удивление, мелькнувшее ее в глазах, подтвердило догадку Корделии.

— Вы правы насчет нее, — продолжала Корделия. — И я рада, что она получает необходимую помощь. Но со мной вы ошибаетесь. И относительно репутации Форратьера вы тоже заблуждаетесь. Единственная причина, по которой разошлась эта дурацкая история обо мне, кроется в том, что в глазах большинства быть убитым слабой женщиной еще позорнее, чем собственным солдатом.

— Одних только физических доказательств, полученных при медосмотре, достаточно, чтобы усомниться в этом, — сказала Спрейг.

— Какие еще доказательства? — оторопела Корделия.

— Доказательства пыток, — ответила врач с мрачным, даже несколько разгневанным видом. Корделия сообразила, что этот гнев направлен не на нее.

— Что? Меня не пытали!

— Пытали. И подтерли вам память — блестящая работа. Какая гнусность... Но они не смогли скрыть следов физических повреждений. Вам известно, что у вас была сломана рука, переломано два ребра, что у вас многочисленные синяки на шее, ушибы на голове, на руках — вообще на всем теле? А биохимический анализ свидетельствует о крайнем стрессе, сенсорном голодании, значительной потере веса, нарушениях сна, избытке адреналина... мне продолжать?

— Ах, — сказала Корделия. — Это.

— «Ах, это»? — повторила доктор, вскинув бровь.

— Это я могу объяснить, — поспешно заверила ее Корделия. Она коротко

рассмеялась. — В некотором смысле вина за это лежит на вас, эскобарцах. Во время отступления я находилась в тюремной камере на флагмане. Корабль был подбит — и все в нем встряхнуло, как камушки в банке, включая и меня. Вот откуда у меня переломы и все остальное.

Доктор сделала пометку в блокноте.

— Очень хорошо. Действительно превосходная работа. Искусная. Но недостаточно искусная — переломы у вас были в разное время.

— Ох, — сказала Корделия. Как же объяснить историю с Ботари, не упоминая каюту Форкосигана? «Один мой друг пытался меня задушить...»

— Мне бы хотелось, чтобы вы подумали о возможности медикаментозной терапии, — осторожно проговорила доктор Спрейг. — Барраярцы проделали с вами огромную работу по сокрытию — даже более капитальную, чем с другой девушкой, а для нее понадобилось чрезвычайно глубокое прощупывание. Думаю, в вашем случае это еще более необходимо. Но нам нужно ваше добровольное сотрудничество.

— Слава Богу.

Корделия откинулась на койку и накрыла лицо подушкой, размышляя о медикаментозной терапии. От подобных мыслей у нее леденела кровь. Интересно, думала она, сколько времени можно вытерпеть, подвергаясь глубинному поиску несуществующих воспоминаний, прежде чем начнешь выдумывать их в соответствии с требованиями? Или еще хуже: первое же прощупывание извлечет на свет божий то, что занимает все ее мысли — ее затаенную боль, душевные раны Форкосигана... Она вздохнула, сняла с лица подушку, прижала ее к груди и открыла глаза. Над ней с озабоченным видом стояла доктор Спрейг.

— Вы все еще здесь?

— Я всегда буду здесь, Корделия.

— Этого... этого я и боялась.

После этого Спрейг больше ничего не смогла из нее вытянуть. Теперь Корделия не давала себе заснуть, опасаясь, что может заговорить или быть допрошена во сне. Она лишь позволяла себе ненадолго вздремнуть, вскакивая от любого шороха — например, когда ее соседка выходила ночью в туалет. Корделия не испытывала восхищения по поводу тайных целей Эзара Форбарры, но они, по крайней мере, были уже достигнуты. Мысль о том, что все принесенные жертвы могут оказаться бессмысленными, преследовала ее. Она приняла твердое решение не допустить, чтобы из-за нее стала напрасной гибель всех солдат Форкосигана — да, даже Форратьера и коменданта лагеря.

К моменту прибытия на Эскобар Корделия была куда более измотана и издергана, чем в начале полета; она буквально балансировала на грани нервного срыва, мучилась головной болью, бессонницей, непонятной дрожью в левой руке и легким заиканием.

Перелет от Эскобара до Колонии Бета прошел гораздо легче. Он занял всего четыре дня, поскольку Корделия летела на скоростном курьерском корабле — к ее глубочайшему изумлению, присланном специально за ней. Она посмотрела новости по головиду в своей каюте. Корделия смертельно устала от войны, но, случайно наткнувшись на упоминание о Форкосигане, она не устояла и решила узнать, каково общественное мнение насчет его роли в конфликте.

Она с ужасом обнаружила, что его сотрудничество со следователями Межзвездной судебной комиссии привело к тому, что бетанская и эскобарская пресса в один голос обвинили его в плохом обращении с пленными, словно он отвечал за это с самого начала. Заодно припомнили и старую ложь о Комарре. Корделию взбесила несправедливость всего этого, и она с отвращением бросила смотреть новости.

Наконец они вышли на орбиту Колонии Бета, и Корделия принялась осаждать навигаторов просьбами показать ей родную планету.

— Вот наконец и наша старая песочница. — жизнерадостно проговорил капитан, включая для нее обзор. — За вами выслали катер, но над столицей сейчас буря, так что он слегка задерживается. Придется подождать, пока ветер утихнет, чтобы можно было

отключить силовые экраны в порту.

— Думаю, лучше я позвоню маме уже из космопорта, — сказала Корделия. — Сейчас она, наверное, еще на работе — незачем ее дергать. Больница недалеко от порта. Я посижу там, расслаблюсь, выпью чего-нибудь, пока у нее не кончится смена — тогда она за мной и заедет.

Капитан как-то странно на нее посмотрел.

— Хм... ну да.

Катер прибыл незамедлительно. Корделия пожала всем руки, поблагодарила экипаж за поездку и перешла на катер.

Стюардесса катера встретила ее со стопкой одежды в руках.

— Что это? Боже мой, да ведь это новая форма Экспедиционного корпуса! Наконец-то! Что ж, лучше поздно чем никогда.

— Почему бы вам не надеть ее прямо сейчас, — предложила стюардесса, широко улыбнувшись.

— Почему бы и нет. — Все последнее время она носила эскобарскую военную форму, и та уже успела порядком ей надоесть. Она развернула небесно-голубую ткань, увидела сияющие черные высокие сапоги и рассмеялась. — Бога ради, зачем ботфорты? На Колонии Бета лошадь встретишь разве что в зоопарке. Хотя, надо признать, смотрятся они дьявольски шикарно.

Обнаружив, что других пассажиров на катере нет, Корделия переделалась прямо в салоне. Стюардессе пришлось помочь ей натянуть ботинки.

— Того, кто их придумал, надо бы заставить лечь в них спать, — пробурчала Корделия. — А может, он в них и спит.

Катер начал снижаться, и она поспешила к иллюминатору, горя желанием поскорее увидеть свой родной город. Наконец рыжеватая дымка рассеялась, и они аккуратно спустились к космопорту и подрулили к посадочному узлу.

— Похоже, тут сегодня куча народу.

— Да, президент собирается произнести речь, — сказала стюардесса. — Это так волнительно. Хоть я за него и не голосовала.

— Душка Фредди смог собрать такое количество публики на какую-то свою речь? Тем лучше. Я смогу затеряться в толпе. Эта форма такая яркая, а мне сегодня хотелось бы остаться невидимой. — Она явственно ощущала, как на нее наваливается смертельная усталость, и гадала, как долго эта слабость продлится. Пусть доктор Спрейг и заблуждалась относительно фактов, но в принципе была права; Корделии еще предстоит расплатиться с эмоциональным долгом, который до поры до времени таился, свернувшись узлом где-то в животе.

Двигатели катера в последний раз взвыли и замолкли. Корделия встала и неловко попрощалась с улыбчивой стюардессой.

— Надеюсь, меня там не поджидает встречающая д-делегация? Сказать по правде, я вряд ли смогу вынести это сегодня.

— Вам помогут, — заверила ее стюардесса. — Вот он идет.

В катер, сияя широкой улыбкой, вошел человек в цивильном саронге.

— Здравствуйте, капитан Нейсмит, — поприветствовал ее он. — Я Филипп Гоулд, пресс-секретарь президента. — Корделия была потрясена: пресс-секретарь — должность на уровне кабинета министров. — Для меня большая честь познакомиться с вами.

В этот момент она явственно ощутила, как под ней разверзается пропасть.

— Вы, часом, не затеяли там какой-нибудь цирк? Я п-просто хочу попасть домой.

— Ну, президент запланировал выступление. И у него есть кое-что для вас, — добавил он ласково, словно обещая ребенку конфету в обмен на хорошее поведение. — На самом деле, он надеялся на несколько совместных выступлений с вами, но это мы можем обсудить позднее. Конечно, мы не думаем, что героиня Эскобара может испытывать страх перед большой аудиторией, но на всякий случай мы заготовили для вас несколько реплик. Я

постоянно буду рядом с вами и подскажу, что делать. — Он протянул ей портативный считыватель. — Постарайтесь выглядеть удивленной, когда будете выходить из катера.

— Я и вправду удивлена. — Она пробежала глазами текст речи. — Это п-просто ворох лжи!

Гоулд выглядел встревоженным.

— У вас всегда был этот небольшой дефект речи? — осторожно спросил он.

— Н-нет, это сувенир от эскобарской психослужбы и п-прошлой войны. Но кто с-сочинил всю эту ч-чушь? — Ей сразу же бросилась в глаза строчка «трусливый адмирал Форкосиган и его шайка бандитов». — Форкосиган — храбрейший человек из всех, с кем мне доводилось встречаться.

Гоулд крепко взял ее за руку повыше локтя и повел к выходу из катера.

— Нам пора идти, чтобы попасть в выпуск новостей. Может, вы просто пропустите этот пассаж, ладно? А теперь улыбайтесь.

— Я хочу увидаться с матерью.

— Она с президентом. Все, выходим.

У выхода из катера их встретила плотная толпа людей, вооруженных съемочным оборудованием. Все они разом начали выкрикивать вопросы. Корделия затрясло: волны дрожи возникали где-то внизу живота и разбегались по всему телу.

— Я никого из них не знаю, — прошипела она Гоулду.

— Не останавливайтесь, — прошипел он в ответ сквозь улыбку, которая не покидала его лица. Они поднялись на превращенный в трибуну балкон, с которого открывался вид на огромный вестибюль космопорта. Зал был набит ярко одетыми и празднично настроенными людьми. Они расплывались перед глазами Корделии. Наконец она различила в толпе знакомое лицо — свою мать, улыбающуюся и плачущую одновременно. Корделия бросилась к ней в объятия, к восторгу прессы, поспешившей запечатлеть эту трогательную сцену.

— Вытащи меня отсюда побыстрее, — горячо зашептала она на ухо матери. — У меня сейчас начнется истерика.

Мать чуть отстранилась, не понимая, продолжая улыбаться. Затем ее сменил брат Корделии, за спиной которого взволнованно и гордо теснилась его семья; они восхищенно таращились на нее.

Корделия разглядела членов своего экипажа, тоже одетых в новую форму, — они стояли рядом с какими-то правительственными чинами. Парнелл поднял большие пальцы вверх, ухмыляясь как полоумный. Ее вытолкнули на трибуну, где уже стоял президент Колонии Бета.

Душка Фредди показался ошеломленной Корделии просто гигантом, огромным и громогласным. Наверное, поэтому он так хорошо смотрелся на головиде. Он схватил ее руку и поднял вверх; толпа восторженно загудела. Корделия почувствовала себя полной идиоткой.

Президент великолепно произнес свою речь, ни разу не заглянув в подсказчик. Эта речь была полна все теми же ура-патриотическими заклинаниями, которые опьяняли людей перед ее отлетом, и едва ли одно слово из десяти имело хоть какое-нибудь отдаленное сходство с правдой — даже с бетанской точки зрения. Не спеша, с высочайшим артистизмом президент подводил дело к награде. Сердце Корделии неровно заколотилось, когда до нее дошло, к чему он клонит. Она повернулась к пресс-секретарю.

— Это д-для моего экипажа, за плазменные зеркала? — безнадежная попытка скрыться от неумолимой правды.

— Они свои уже получили. — Он когда-нибудь перестанет улыбаться? — А это лично для вас.

— П-понятно.

Выяснилось, что медаль вручалась ей за собственноручно совершенное убийство адмирала Форратьера. Правда, Душка Фредди избегал грубого слова «убийство», предпочитая более обтекаемые формулировки, как, например, «освобождение человечества

от чудовища порока».

Речь подошла к концу, и сверкающая медаль на разноцветной ленте, высшая награда Колонии Бета, была торжественно возложена президентом на шею героини. Гоулд поставил ее перед микрофоном и указал на светящуюся зеленую строку телесуфлера, висящую в воздухе перед ее глазами.

— Начинайте читать, — прошептал он.

— Меня слышно? О... хм... О народ Колонии Бета, моей возлюбленной родины, — пока что все вполне терпимо, — Когда я покинула тебя, чтобы прийти на п-помощь Эскобару, нашему другу и союзнику, и встретиться лицом к лицу с угрозой барраярской т-тирании, я и не предполагала, что мне уготована... уготована куда б-более благородная м-миссия...

И в этот момент она перестала следовать сценарию и лишь беспомощно наблюдала за собой, словно за обреченным суденышком, погружающимся в морскую пучину.

— Не вижу ничего б-благородного в том, чтобы зарезать этого придурочного садиста Форратьера. И я бы не п-приняла медали за убийство невооруженного человека, даже если бы действительно совершила это.

Она принялась стаскивать с себя медаль. Лента зацепилась за волосы и больно дернула. Корделия с яростью рванула ее.

— ...Последний раз говорю. Не убивала я Форратьера. Его убил один из его людей. З-зашел к нему со спины и перерезал глотку от уха до уха. Я была там, черт побери. Он меня всю кровью залил. Пресса обеих сторон п-пичкает вас враньем об этой д-дурацкой войне. Ч-чертовы вуайеристы. Форкосиган не отвечал за военнопленных, когда в лагере творились эти бесчинства. Он п-прекратил их, к-как только принял командование. Рас-расстрелял одного из своих офицеров, только чтобы удовлетворить вашу жажду мести. И за это он тоже поплатился своей честью, уж это я вам говорю.

Трансляция с трибуны внезапно прервалась. Корделия повернулась к Душке Фредди, с трудом различая сквозь слезы его ошарашенное лицо, и со всей силы швырнула в него медалью. Она пролетела в нескольких сантиметрах от его уха и, сверкнув, канула в толпу.

Кто-то схватил ее сзади за локти. Это разбудило в ней какой-то скрытый рефлекс: она начала отчаянно брыкаться.

Если бы президент не пытался увернуться, с ним ничего бы не случилось. А так носок ее сапога угодил ему в пах с ненамеренной, но снайперской точностью. Его губы сложились в беззвучное «О», и он упал за трибуну.

Не в силах совладать с собой, Корделия громко всхлипывала, а десятки рук крепко держали ее за локти, за ноги, за талию.

— П-пожалуйста, не надо меня снова запирать! Я больше не выдержу этого. Я просто хотела домой! Уберите от меня эту чертову ампулу! Нет! Нет! Пожалуйста, пожалуйста, не надо лекарств! Простите меня!

Ее уволокли с трибуны, и крупнейшее событие года рухнуло подобно Душке Фредди.

Затем ее быстренько препроводили в один из тихих административных офисов космопорта. Вскоре появился личный врач президента и взял дело в свои руки: выставил за дверь всех, кроме ее матери, и дал Корделии столь необходимую передышку. Ей понадобился почти час, чтобы справиться с безудержными рыданиями. Наконец чувство неловкости и возмущение улеглось, и она сумела сесть прямо и разговаривать — таким голосом, словно у нее был жуткий насморк.

— Пожалуйста, извинитесь за меня перед президентом. Если бы хоть кто-то предупредил меня или спросил, готова ли я к такой встрече. Я... я сейчас н-не в самой лучшей форме.

— Мы и сами должны были догадаться, — скорбно проговорил врач. — В конце концов, то, через что вам пришлось пройти, выходит за рамки обычного военного опыта. Это мы должны извиниться перед вами за то, что подвергли вас излишнему испытанию.

— Мы думали, это станет приятным сюрпризом, — добавила мать.

— Да уж, это было сюрпризом. Остается надеяться, что меня не запрут в комнате с мягкими стенами. С недавних пор я терпеть не могу запертые помещения. — От одной только мысли об этом у нее сжалось горло. Пытаясь успокоиться, она старательно перевела дыхание.

Интересно, думала она, где-то сейчас Форкосиган, что он делает? Идея напиться до бесчувствия с каждой минутой казалась все более и более привлекательной — ей хотелось оказаться рядом с ним и надраться вместе. Она помассировала переносицу двумя пальцами, чтобы снять напряжение.

— Можно мне теперь поехать домой?

— Толпа еще не рассосалась? — спросила мать.

— Боюсь, что нет. Мы попытаемся сдержать их.

Доктор шел по одну сторону Корделии, мать — по другую, а сама она всю дорогу до автомобиля матери пребывала в воспоминаниях о поцелуе Форкосигана. Толпа все еще напирала, но как-то притихла: сограждане взирали на нее почтительно и даже слегка испуганно — это резко контрастировало с их первоначальным радостным настроением. Корделия сожалела о том, что испортила им праздник.

У жилой шахты, где была квартира ее матери, тоже толпились люди. Они стояли в фойе рядом с лифтами и даже у самых дверей квартиры. Корделия улыбалась им и легонько махала рукой, но на все вопросы лишь качала головой: она была не уверена, что сумеет ответить вразумительно. Пробравшись сквозь толпу, они наконец закрыли за собой дверь.

— Уф-ф! Они, наверное, с самыми лучшими намерениями, но... Господи, мне казалось, они хотят съесть меня живьем!

— Все так взбудоражены этой войной, и Экспедиционный корпус... все, кто носит голубую форму, стали настоящими знаменитостями. А потом вернулись военнопленные и твоя история вышла наружу... Хорошо еще, что к тому времени я уже знала, что ты в безопасности. Бедняжка моя!

Корделия охотно позволила снова заключить себя в объятия.

— Ну, тогда понятно, откуда они взяли этот вздор. Барраярцы пустили этот нелепый слух, а все остальные подхватили. Я ничего не могла поделать.

— Что они с тобой сделали?

— Они таскались за мной по пятам, донимали предложениями полечиться — они думали, что барраярцы что-то намудрили с моей памятью... О, я поняла. Ты хотела спросить, что сделали со мной барраярцы. Ничего особенного. Ф-форратьер, может, и хотел, но не успел приняться за дело, как с ним произошел несчастный случай. — Она решила не тревожить мать подробностями. — Но все же кое-что важное произошло. — Она замялась, а затем выдала: — Я снова встретила с Эйрелом Форкосиганом.

— Этим ужасным человеком? А я, как услышала его имя в новостях, все гадала, тот ли это субъект, что убил твоего лейтенанта Роузмонта в прошлом году.

— Нет. Да. То есть это не он убил Роузмонта, а один из его людей. Но это тот самый.

— Не понимаю, отчего он тебе так по душе.

— Уж теперь-то ты должна его оценить. Он спас мне жизнь. Прятал меня в своей каюте целых два дня после того, как был убит Форратьер. Меня бы казнили, если бы поймали до смены командования.

Но мать казалась скорее встревоженной, чем благодарной.

— Он... что-нибудь сделал с тобой?

Этот вопрос таил в себе нечаянную иронию. Корделия не решилась рассказать матери о невыносимом грузе тайны, который взвалил на нее Форкосиган. Ее мать ошибочно истолковала пробежавшую по ее лицу тень.

— Ох, доченька моя! Мне так жаль.

— Хм? Да нет же, черт побери. Форкосиган не насильник. У него пунктик относительно пленных. Даже палкой к ним не притронется. Он просил меня... — она смолкла, глядя на добрую, встревоженную, любящую стену лица своей матери. — Мы много

разговаривали. Он нормальный человек.

— У него не слишком хорошая репутация.

— Да, я слышала кое-что. Это все ложь.

— Так значит... он не убийца?

— Ну... — Корделия попыталась подыскать наиболее правдивый ответ. — Наверное, он убил н-немало народу. Он же солдат, понимаешь? Это его работа. Он не виноват, если иногда хватает через край. Хотя мне известны только трое людей, которых он убил не по долгу службы.

— Только трое? — слабо повторила ее мать.

Повисла пауза.

— Так значит, он не... преступник? Не извращенец?

— Конечно, нет! Хотя, насколько я понимаю, у него был немного странный период — после того, как его жена покончила с собой... Вряд ли он догадывается, насколько много мне известно. Не то что бы я поверила всему, что рассказывал этот маньяк Форратьер. Подозреваю, что отчасти это правда, по крайней мере насчет их отношений. Форратьер явно был просто помешан на нем. А Эйрел отвечал ужасно уклончиво, когда я спросила его об этом.

Глядя в лицо перепуганной матери, Корделия порадовалась, что никогда не хотела стать адвокатом. «Все мои подзащитные навечно остались бы на принудительном лечении».

— Это стало бы гораздо понятней, если бы ты познакомилась с ним, — с надеждой добавила она.

Мать неуверенно рассмеялась:

— Похоже, он тебя просто околдовал. Так что же ты в нем нашла? Интересно говорит? Хорош собой?

— Не знаю. Говорит он в основном о барраярской политике. Утверждает, то питает к ней отвращение, хотя мне кажется, что это скорее одержимость. Он не может забыть о ней даже на пять минут. Словно она в нем самом.

— А что, это такая интересная тема?

— Ужасная, — честно ответила Корделия. — От его сказок на ночь неделю не заснешь.

— И уж точно дело не во внешности, — вздохнула мать. — Я видела его в новостях.

— Ой, ты их записала? — сразу же оживилась Корделия. — Где они?

— Помнится, я оставила кое-что в файлах видео, — ответила та, ошеломленно уставившись на дочь. — Но право же, Корделия... твой Рег Роузмонт был раз в десять симпатичнее.

— Наверное, симпатичнее, — согласилась Корделия. — С объективной точки зрения.

— Так что же в нем все-таки есть?

— Не знаю. Наверное, достоинства его недостатков. Отвага. Сила. Энергия. Он всегда может дать мне десять очков вперед. У него есть власть над людьми. Не совсем то, что называют лидерством, хотя и это тоже. К нему нельзя относиться равнодушно. Самый странный человек, которого я когда-либо встречала, и боготворит и ненавидит его одновременно. Но рядом с ним никто не скучает.

— А к какой категории относишься ты, Корделия? — поинтересовалась мать.

— Ну, я не ненавижу его. Хотя не могу сказать, что преклоняюсь перед ним. — Она надолго замолчала, потом подняла глаза, чтобы встретиться с матерью взглядом. — Но когда он поранится, у меня течет кровь.

— О, — только и вымолвила мать. Губы ее улыбались, но взгляд был уклончив, и она с излишним усердием принялась раскладывать немногочисленные вещи Корделии.

* * *

На четвертый день отпуска начальник Корделии привел неприятного посетителя.

— Капитан Нейсмит, это доктор Мехта из медицинской службы Экспедиционного

корпуса, — отрекомендовал ее коммодор Тейлор. Доктор Мехта была стройной загорелой женщиной одних лет с Корделией. Ее темные волосы были зачесаны назад, и вся она казалась холодной и стерильной в этой голубой униформе.

— Опять психиатр, — вздохнула Корделия. Мышцы у основания ее шеи свело судорогой. Снова допросы — снова увертки, увиливание, все более ненадежная паутина лжи для прикрытия прорех в ее истории. А за недомолвками скрывается горькая правда Форкосигана...

— В ваше личное дело, наконец, попали доклады коммодора Спрейг. Увы, с небольшим опозданием. — Губы Тейлора сочувственно сжались. — Ужасно. Я весьма сожалею. Если бы мы получили их раньше, то могли бы избавить вас от излишних переживаний. Да и всех остальных тоже.

Корделия покраснела.

— Я не хотела пнуть его. Он вроде как... наткнулся на меня. Это больше не повторится.

Коммодор Тейлор подавил улыбку.

— Ну, я за него не голосовал. Душка Фредди меня не заботит. Однако, — он прочистил горло, — он-то как раз очень интересуется вами. Вы теперь крупная общественная фигура, нравится вам это или нет.

— О, да чепуха это все.

— Вовсе не чепуха. У вас есть обязательства.

«Кого ты цитируешь, Билл? — размышляла Корделия. — Это не твой голос». Она устало потерла шею.

— Я думала, что уже выполнила все свои обязательства. Чего еще они от меня хотят?

Тейлор пожал плечами. — Предполагается... мне дали понять... что вам прочат будущее представителя... представителя правительства. В связи с вашим военным опытом. Как только вы поправитесь.

Корделия фыркнула.

— У них какие-то ужасно странные представления о моей военной карьере. Слушайте... Душка Фредди пусть хоть накладной бюст надевает, чтобы охмурять избирателей-гермафродитов с Кварца. Но что касается меня, то я не собираюсь играть роль пропагандистской коровы, которую будут доить какие-то партии. Выражаясь словами одного моего друга, я испытываю отвращение к политике.

— Ну... — Он повел плечами, будто бы тоже покончив с неким обязательством, и продолжил уже более твердо. — Как бы то ни было, моя главная забота — проследить за тем, чтобы вы были действительно готовы к службе.

— Я... я приду в норму после месячного отпуска. Мне просто надо отдохнуть. Я хочу вернуться в Экспедицию.

— И вы вернетесь. Как только врачи дадут разрешение.

— О! — До нее не сразу дошел смысл сказанного. — О, нет. Погодите-ка. У меня возникло н-небольшое недоразумение доктором Спрейг. Очень милая дама, рассуждает вполне логично, но исходные посылки были неверны.

Коммодор Тейлор с грустью глядел на нее.

— Думаю, сейчас мне лучше передать вас доктору Мехте. Она все объяснит. Вы ведь будете сотрудничать с ней, Корделия?

Пугающее подозрение заставило Корделию похолодеть. Она упрямо сжала губы.

— Давайте внесем ясность. Вы хотите сказать, что если ваш психиатр не будет мною доволен, то я больше никогда не ступлю на борт корабля Экспедиции? Никакого к-командования, да и вообще никакой работы?

— Это... слишком жесткая формулировка. Но вы сами знаете, что в экспедиции, где небольшие группы людей надолго остаются отрезанными от остального мира и вынуждены довольствоваться обществом друг друга, психическое здоровье имеет огромное значение.

— Да, я понимаю... — Она растянула губы в улыбке. — Я буду с-сотрудничать. К-

конечно.

ГЛАВА 13

— Ну вот, — жизнерадостно объявила доктор Мехта на следующий день, устанавливая свой ящик на столе в квартире Нейсмитов, — это совершенно безвредный метод мониторинга. Вы ничего не почувствуете, и прибор вам ничем не повредит — только покажет мне, какие темы важны для вашего подсознания. — Она прервалась для того, чтобы проглотить какую-то капсулу, пояснив: — Аллергия. Прошу меня простить. Считайте этот прибор эмоциональным геологоразведывательным инструментом: он выявит, где прячется источник переживаний.

— И скажет вам, где бурить скважину, да?

— Именно. Не возражаете, если я закурю?

— Пожалуйста.

Мехта зажгла ароматическую сигарету и небрежно положила ее на край пепельницы, которую принесла с собой. Едкий дым заструился в сторону Корделии и заставил ее поморщиться. Станный порок для врача... Что ж, у всех свои слабости. Она покосилась на прибор, стараясь подавить раздражение.

— Итак, в качестве точки отсчета, — сказала Мехта. — Июль.

— Я должна ответить «август» или что-нибудь в этом роде?

— Нет, это не тест на свободные ассоциации — машина сама сделает всю работу. Но если хотите, можете говорить вслух.

— Ладно.

— Двенадцать.

«Апостолов, — подумала Корделия. — Яиц. Дней рождественских праздников...»

— Смерть.

«Рождение, — подумала Корделия. — Эти баррарские аристократы все возлагают на детей. Имя, собственность, культуру, даже управление страной. Тяжкая ноша — неудивительно, что дети гнутся и корежатся под ее весом.

— Рождение.

«Смерть, — подумала Корделия. — Человек, не имеющий сына, там все равно что ходячий призрак, не участвующий в их будущем. А когда их правительство терпит поражение, они расплачиваются жизнями своих детей. Пятью тысячами».

Мехта передвинула пепельницу чуть левее. Так не стало лучше; даже наоборот.

— Секс.

«Вряд ли — я здесь, а он там...»

— Семнадцать.

«Емкостей, — подумала Корделия. — Интересно, как там поживают эти несчастные крошечные эмбриончики?»

Доктор Мехта озадаченно нахмурилась на показания своего прибора.

— Семнадцать? — повторила она.

«Восемнадцать», — твердо подумала Корделия. Доктор Мехта сделала пометку в своих записях.

— Адмирал Форратьер.

«Бедная зарезанная жаба. Знаешь, я верю, что ты говорил правду: ты должен был когда-то любить Эйрела, чтобы так его возненавидеть. Интересно, что от тебе сделал? Скорее всего, отверг тебя. Эту боль я могу понять. Возможно, между нами все же есть нечто общее...»

Мехта подкрутила другой регулятор, снова нахмурилась, повернула обратно.

— Адмирал Форкосиган.

«Ах, любимый, будем верны друг другу...» Борясь с усталостью, Корделия попыталась сосредоточиться на голубом мундире Мехты. Да, если она начнет бурить здесь свою

скважину, у нее просто гейзер забьет... Скорее всего, она уже знает об этом — вон опять кинулась что-то записывать...

Мехта бросила взгляд на хронометр и подалась вперед с возросшим вниманием:

— Давайте поговорим об адмирале Форкосигане.

«Давайте не будем», — подумала Корделия.

— А что?

— Вы не знаете, он много работает с разведкой?

— Не думаю. Кажется, в основном он занимается тактическим планированием в генштабе, если только... если только его не посылают в патрулирование.

— Мясник Комарра.

— Это гнусная ложь, — не задумываясь, брякнула Корделия и сразу же пожалела об этом.

— Кто это вам сказал? — спросила Мехта.

— Он сам.

— Он сам. Ага.

«Ты у меня еще получишь за это «ага»... нет. Сотрудничество. Спокойствие. Я совершенно спокойна... Скорей бы уж она докурила или затушила эту штуку. От дыма глаза щиплет».

— Какие доказательства он вам предоставил?

«Никаких», — только сейчас сообразила Корделия.

— Наверное, свое слово. Слово чести.

— Довольно-таки эфемерное подтверждение. — Она сделала еще одну пометку. — И вы поверили ему?

— Да.

— Почему?

— Это... согласовалось с впечатлением, сложившемся после знакомства с ним.

— Кажется, вы целых шесть дней находились у него в плену во время той экспедиции?

— Совершенно верно.

Мехта рассеянно постучала по столу световым пером и задумчиво хмыкнула, глядя сквозь Корделию.

— Похоже, вы твердо убеждены в правдивости этого Форкосиган. Вы не допускаете мысли, что он когда-либо лгал вам?

— Ну... да, в конце концов, я же вражеский офицер.

— И все же вы безоговорочно верите его утверждениям.

Корделия попыталась объяснить:

— Для барраряца клятва — нечто большее, чем просто смутное обещание, по крайней мере для людей старого типа. Господи, да у них даже все правление на этом основано: клятвы верности и все такое прочее.

Мехта беззвучно присвистнула:

— Так вы уже одобряете их форму правления?

Корделия неловко поерзала.

— Ну, не то что бы... Я просто начинаю немного понимать ее, вот и все. Должно быть, это очень сложный механизм.

— Так по поводу этого «слова чести»... Вы верите, что он никогда не нарушает его?

— Ну...

— Значит, нарушает.

— Да, я была тому свидетельницей. Но это далось ему дорогой ценой.

— Значит, он нарушает клятвы за определенную плату.

— Не за плату. Я сказала «дорогой ценой».

— Не улавливаю разницы.

— «Плата» — это когда вы что-то получаете. «Цена» — когда что-то теряете. Там, при Эскобаре, он потерял... многое.

Разговор соскальзывал в небезопасную область. «Надо сменить тему, — сонно подумала Корделия. — Или вздремнуть...» Мехта снова бросила взгляд на часы и внимательно вгляделась в лицо Корделии.

— Эскобар, — произнесла Мехта.

— Знаете, ведь Эйрел честь свою потерял при Эскобаре. Он сказал, что когда развяжется со всеми делами, то поедет домой и напьется. Думаю, Эскобар разбил его сердце.

— Эйрел... Вы называете его по имени?

— А он зовет меня «милый капитан». Мне кажется, это довольно забавно. Весьма саморазоблачительно, в некотором смысле. Он и в самом деле считает меня женщиной-солдатом. Форратьер снова оказался прав... наверное, я действительно стала для него решением проблемы. Что ж, я рада...

В комнате становилось жарко. Корделия зевнула. Струйки дыма окутывали ее, словно усики плюща.

— Солдат.

— Знаете, он ведь на самом деле любит своих солдат. Он исполнен этого своеобразного барраярского патриотизма. Вся честь — императору. Мне кажется, император едва ли заслуживает этого...

— Император.

— Бедняга. Мучится не меньше Ботари. Наверное, такой же чокнутый.

— Ботари? Кто такой Ботари?

— Он разговаривает с демонами. И они ему отвечают. Вам бы понравился Ботари. Эйрелу он нравится, и мне тоже. Отличный попутчик для вашей следующей прогулки в ад. Знает тамошний язык.

Мехта нахмурилась, снова покрутила регуляторы и постучала по экрану длинным ногтем. Вернулась к предыдущему вопросу:

— Император.

У Корделии слипались глаза. Мехта запалила вторую сигарету и положила ее рядом с окурком первой.

— Принц, — произнесла Корделия. «Нельзя говорить о принце...»

— Принц, — повторила Мехта.

— Нельзя говорить о принце. Эта гора трупов. — Корделия щурилась от едкого дыма. Дым? Станный, ядовитый дым от сигарет, которые закуривают и больше ни разу не подносят ко рту...

— Вы... одурманиваете... меня... — Ее перешел в полупридушенный вопль, и она, пошатываясь, поднялась на ноги. Воздух был густым как клей. Мехта подалась вперед, приоткрыв рот от напряжения. Когда Корделия метнулась к ней, она от неожиданности вскочила с кресла и попятилась.

Корделия смахнула прибор со стола и упала на пол следом за ним, колотя его правой, здоровой рукой.

— Нельзя говорить! Не надо больше смертей! Вы меня не заставите! Все сорвалось... У вас это не пройдет, мне так жаль, сторожевой пес, помнит каждое слово, простите, застрелить его, пожалуйста, поговорите со мной, пожалуйста, выпустите меня, пожалуйста выпустите выпуститеменя...

Мехта пыталась поднять ее с полу, что-то приговаривая, успокаивая ее. До Корделии долетали обрывки фраз, пробивающиеся сквозь ее собственный лепет:

— ...не должны были... идиосинкразическая реакция... очень необычная. Пожалуйста, капитан Нейсмит, лягте, успокойтесь...

В пальцах Мехты что-то сверкнуло. Амбула.

— Нет! — закричала Корделия, переворачиваясь на спину и отбрыкиваясь. Она попала по руке врача, и амбула пролетела через всю комнату, закатившись под низенький столик.

— Не надо лекарств, не надо, нет, нет, нет...

Сквозь оливковый загар Мехты проступила зеленоватая бледность.

— Хорошо! Успокойтесь! Просто лягте... вот так, хорошо...

Она кинулась к кондиционеру, включив его на полную мощность, и затушила вторую сигарету. Воздух быстро очистился.

Корделия лежала на кушетке, пытаясь выровнять дыхание и дрожа. Так близко... она была так близка к тому, чтобы предать его... а ведь это был только первый сеанс. Постепенно она остыла, в голове слегка прояснилось.

Она села и спрятала лицо в ладонях.

— Это была грязная уловка, — монотонно проговорила она.

Мехта улыбнулась, с трудом скрывая возбуждение.

— Ну, возможно, отчасти. Но это был невероятно продуктивный сеанс. Гораздо более продуктивный, чем я ожидала.

«Еще бы, — думала Корделия. — Небось, наслаждалась моим спектаклем?»

Опустившись на колени, Мехта собирала обломки своего записывающего устройства.

— Простите за разбитый прибор. Не представляю, что нашло на меня. Я уничтожила ваши результаты?

— Да, вы должны были просто заснуть. Странная реакция. Но все в порядке. — Она победоносно вытащила из обломков неповрежденный картридж с данными и осторожно положила его на стол. — Вам не придется проходить через это снова. Все данные целы. Отлично.

— И какие же предварительные выводы вы делаете? — сухо поинтересовалась Корделия, не отнимая рук от лица.

Мехта разглядывала ее с профессиональным интересом.

— Вы, без сомнения, самый сложный случай, с каким мне доводилось сталкиваться. Но теперь-то у вас должны исчезнуть последние сомнения в том, что баррарцы... э-э... насильственно изменили ваше мышление. Прибор буквально зашкаливало. — Она уверенно кивнула.

— Знаете, — сказала Корделия, — Я не восторге от ваших методов. Я питаю... особое предубеждение к использованию на мне наркотических препаратов без моего согласия. Я думала, это противозаконно.

— Но иногда необходимо. Данные гораздо чище, если испытуемый не знает о наблюдении. Это считается вполне этичным, если впоследствии согласие получено.

— Согласие задним числом, вот как? — промурлыкала Корделия. Ярость и страх двойной спиралью вились вдоль ее позвоночника, сжимая его все туже и туже. Ей стоило больших усилий сохранять на лице улыбку, не позволяя ей превратиться в оскал. — Такая юридическая концепция мне никогда даже в голову не приходила. Звучит... почти по-баррарски. Я не желаю, чтобы вы мною занимались, — резко добавила она.

Мехта сделала пометку в блокноте и с улыбкой подняла голову.

— Это не выражение эмоций, — подчеркнула Корделия. — Это официальное требование. Я отказываюсь принимать от вас дальнейшее лечение.

Мехта понимающе кивнула. Она что, глухая?

— Колоссальный прогресс, — радостно констатировала Мехта. — Я и не надеялась ближе чем через неделю обнаружить защитную реакцию отторжения.

— Что?

— Неужели вы думаете, что баррарцы, вложив в вас столько усилий, не позаботились о том, чтобы обезопасить плоды своего труда? Конечно, вы испытываете враждебность. Просто не забывайте, что это не ваши собственные чувства. Завтра мы над ними поработаем.

— Как бы не так! — Мускулы на затылке были напряжены, как натянутая струна. Голова раскалывалась от боли. — Вы уволены!

— О, превосходно! — обрадовалась Мехта.

— Вы слышали, что я сказала? — воззвала к ней Корделия. Откуда взялись эти визгливые нотки? Спокойно, спокойно...

— Капитан Нейсмит, позвольте напомнить вам, что мы с вами — не простые штатские.

Я состою с вами не в обычных юридических отношениях «врач-пациент»; мы обе подчиняемся военной дисциплине, преследуя, как я имею основания полагать, воен... Впрочем, не стоит об этом. Достаточно будет сказать, что не вы меня нанимали, так что не вам меня увольнять. Значит, до завтра.

Еще несколько часов после ее ухода Корделия продолжала сидеть, пялясь в стену и бездумно постукивая по кушетке ногой, пока мать не вернулась домой ужинать. На следующий день она спозаранку ушла из дому и гуляла весь день до позднего вечера.

* * *

В тот вечер она, охваченная безмерной усталостью и изнывающая от одиночества, засела за сочинение своего первого письма Форкосигану. Первый вариант она выбросила, не дойдя и до половины, сообразив, что его почту могут читать посторонние, возможно — Иллиан. Вторая попытка была более нейтральна. Она написала его от руки, на бумаге, и, убедившись, что ее никто не видит, поцеловала листок, прежде чем запечатать его в конверт. А потом сама же улыбнулась собственному сумасбродству. Доставка бумажного письма на Барраяр обойдется дороже, чем передача электронного сообщения, но зато он сможет подержать в руках листок, которого касалась она. Большей близости им не дано.

Следующим утром Мехта связалась с нею по комму. Она жизнерадостно сообщила Корделии, что та может расслабиться: возникли новые обстоятельства, и сегодняшняя дневная встреча отменяется. О вчерашнем отсутствии Корделии она даже не упомянула.

Сперва Корделия вздохнула с облегчением, но затем призадумалась. Чтобы увериться в своей правоте, она снова ушла из дома. День можно было бы назвать приятным — если бы не стычка с журналистами, притаившимися в их квартирной шахте, и сделанное уже ближе к вечеру открытие, что за ней неотступно следуют двое мужчин в очень неприметных штатских саронгах. Саронги были в моде в прошлом году, а сейчас последним писком была экзотическая и причудливая раскраска по голому телу — по крайней мере, для самых отважных. Корделия, выделявшаяся из толпы своей старой бежевой экспедиционной униформой, оторвалась от них, протаскивая через порнографическое виртуальное шоу. Но в конце дня, когда она прогуливалась по зоопарку Силика, они объявились снова.

* * *

На следующий день, точно в назначенное Мехтой время, раздался звонок в дверь. Корделия неохотно отправилась открывать. «Как я выдержу это сегодня? — размышляла она. — Мне отказывает вдохновение. Так устала...»

У нее оборвалось сердце. Это что за новости? В дверях стояли Мехта, commodore Тейлор и здоровенный медтехник. Вот этот, решила Корделия, глядя на него снизу вверх, вполне мог бы справиться даже с Ботари. Слегка попятившись, она проводила их в гостиную. Мать улизнула на кухню, якобы приготовить кофе.

Commodore Тейлор уселся и нервно прочистил горло.

— Корделия, боюсь, я должен сообщить вам нечто неприятное.

Примостившись на подлокотнике кресла и непринужденно покачивая ногой, Корделия оскалилась в попытке изобразить хладнокровную улыбку:

— С-свалили на вас грязную работу, да? Одна из радостей командования. Ладно, рассказывайте.

— Мы намерены попросить вас согласиться на госпитализацию для дальнейшего лечения.

Приехали. У нее начали подергиваться мышцы живота; хорошо, что на ней была свободная рубашка — может, они и не заметят.

— О? Зачем это? — спросила она как можно небрежнее.

— Мы опасаемся... мы всерьез опасаемся, что программирование мышления, которому

подвергли вас барраярцы, было гораздо более обширным, чем предполагали ранее. По правде сказать, мы считаем... — он помедлил, набирая в грудь воздуха, и наконец выдохнул: — ...что они пытались завербовать вас.

«Это было комментаторское или королевское «мы», Билл?»

— Пытались или действительно завербовали?

Тейлор отвел глаза. Мехта приструнила его холодным взглядом.

— В этом наши мнения разделились...

«Обратите внимание, дети, как тщательно он избегает местоимения «я», предполагающего личную ответственность — отсюда следует, что подразумевается самое худшее «мы» из всех, *виноватое* «мы»... Что за пакость они задумали?»

— ...Однако письмо, которое вы позавчера отправили барраярскому адмиралу, Форкосигану... Мы решили сперва дать вам шанс объяснить это.

— П-понятно. — «Да как вы посмели!» — Это было неофициальное п-письмо. Полагаю, вы знаете, что Форкосиган уже вышел в отставку. Но, возможно, — она наградила Тейлора убийственным взглядом, — вы сочтете нужным объяснить, по какому праву вы перехватываете и читаете мою личную переписку?

— Крайние меры безопасности. В связи с войной.

— Война закончена.

Он смутился:

— Но шпионаж продолжается.

Вероятно, так оно и есть. Она нередко размышляла над тем, как Эзару Форбарре удалось узнать о плазменных зеркалах, которые до войны были наиболее засекреченным оружием в арсенале Беты. Ее нога выстукивала нервную дробь. Корделия утихомирила ее.

— Мое письмо. — «Мое сердце на бумаге... Бумага оборачивает камень...» Она старалась говорить спокойно. — И что же вы узнали из моего письма, Билл?

— Ну, в этом вся проблема. Над ним два дня работали наши лучшие криптографы, наши самые мощные компьютерные программы. Проанализировали его вплоть до молекулярной структуры бумаги. И если честно, — он с раздражением покосился на Мехту, — я не уверен, что они что-то обнаружили.

«Верно, — думала Корделия, — они и не могли ничего найти. Секрет заключался в поцелуе. А это не предмет для молекулярного анализа».

Она мрачно вздохнула.

— Вы его отправили, когда закончили... изучать?

— Ну... боюсь, после этого от него мало что осталось.

«Ножницы режут бумагу...»

— Я не шпионка. Д-даю слово.

Мехта подняла настороженный взгляд.

— Я и сам с трудом в это верю, — сказал Тейлор. Корделия попыталась удержать его взгляд, но он отвел глаза. «Ты действительно веришь мне», — подумала она.

— Что будет, если я откажусь от лечения?

— Тогда я, как ваш командир, могу приказать вам сделать это.

«Скорее я увижу тебя в аду... нет. Спокойно. Надо сохранять спокойствие, продолжать забалтывать их — может, еще удастся вывернуться из этой западни».

— Даже если это противоречит вашему личному мнению?

— Это вопрос государственной безопасности. Боюсь, что личные мнения здесь недопустимы.

— Да ладно вам. Говорят, даже капитан Негри иногда позволяет себе выносить личные суждения.

Она сказала что-то не то. Температура в комнате резко упала.

— Откуда вы знаете про капитана Негри? — ледяным тоном поинтересовался Тейлор.

— Все знают Негри. — Они продолжали таращиться на нее. — Ой, да бросьте! Если бы я была агентом Негри, вы бы никогда об этом не узнали. Он не настолько некомпетентен!

— Как раз напротив, — отрывисто проговорила Мехта, — мы считаем, что он настолько искусен, что это *вы* никогда не узнали бы об этом.

— Чушь! — возмутилась Корделия. — Да с чего вы взяли?

Мехта ответила буквально, игнорируя риторический тон вопроса:

— Моя гипотеза состоит в том, что вы — возможно, неосознанно — находитесь под властью этого зловещего и загадочного адмирала Форкосигана. Программирование началось во время вашего первого пленения и, по всей видимости, было завершено в ходе прошлой войны. Вам было предназначено стать ключевой фигурой в новой агентурной сети Барраяра, которая заменила бы собой прежнюю, разоблаченную совсем недавно. Вероятно, вы стали бы агентом-кротом, внедренным в систему и остающимся незадействованным годами, прежде чем не наступит некий решающий момент...

— Зловещий? — вклинилась Корделия. — Загадочный? Это Эйрел-то? Вот смех! — «Просто плакать хочется...»

— Очевидно, что он держит вас под своим контролем, — безмятежно заключила Мехта. — Вы, по всей видимости, запрограммированы подчиняться ему беспрекословно.

— Я не компьютер. — Она снова принялась постукивать ногой. — И Эйрел — единственный человек, который никогда ни к чему меня не принуждал. Полагаю, это вопрос чести.

— Вот видите? — сказала Мехта, обращаясь к Тейлору; на Корделию она даже не взглянула. — Все сходится.

— Только если вы стоите на голове! — воскликнула взбешенная Корделия. Она бросила на Тейлора свирепый взгляд. — Я не обязана выполнять этот приказ. Я могу подать заявление об отставке.

— Нам не обязательно ваше согласие, — спокойно ответила Мехта, — даже как гражданского лица. Нам достаточно согласия вашего ближайшего родственника.

— Моя мать никогда так со мной не поступит!

— Мы уже подробно побеседовали с ней обо всем. Она очень за вас тревожится.

— П-понятно. — Корделия внезапно притихла, бросив взгляд в сторону кухни. — А я-то думала, отчего она так долго возится с кофе. Совесть мучает, да? — Она тихонько замурлыкала какую-то мелодию, затем смолкла. — Вы, ребята, и впрямь отлично подготовились. Перекрыли все выходы.

Тейлор выдавил улыбку, пытаясь ее успокоить:

— Вам нечего опасаться, Корделия. Самые лучшие специалисты будут вас иссле... обследовать...

«Обрабатывать», — подумала Корделия.

— А когда курс терапии будет завершен, вы сможете вернуться к прежней жизни, как если бы всего этого никогда и не было.

«Значит, сотрете меня? Сотрете его... Заанализируете меня до смерти, как мое несчастное любовное послание».

Она печально улыбнулась ему в ответ.

— Извините, Билл. Мне вдруг представилась жуткая картинка, как с меня сдирают слой за слоем, словно с луковицы в поисках семян.

Он ухмыльнулся:

— У луковиц нет семян, Корделия.

— Спасибо, просветил, — сухо ответила она.

— И, честно говоря, — продолжал он, — если вы правы и мы заблуждаемся... то быстрее всего вы это докажете, сотрудничая с нами. — И он умиротворяюще улыбнулся.

— Да, это верно... — Но как насчет такого пустяка, как гражданская война на Барраяре? Этого небольшого камушка преткновения? Бумага оборачивает камень...

— Мне очень жаль, Корделия. — Он говорил искренне.

— Да ничего, все нормально.

— Это была действительно хитроумная уловка со стороны барраярцев, — задумчиво

проговорила Мехта. — Спрятать агентурную сеть за любовной историей. И я могла бы даже поверить в нее, будь герои немного правдоподобнее.

— Да, — сердечно согласилась Корделия, внутренне корежась от ярости. — С трудом верится, что тридцатичетырехлетняя женщина может влюбиться, как девчонка. Совершенно неожиданный... дар, в моем-то возрасте. И еще более неожиданный в сорок четыре, насколько я понимаю.

— Именно, — подтвердила Мехта, довольная понятливостью Корделии. — Кадровый офицер средних лет — не слишком подходящая фигура для романа.

Тейлор, стоявший позади нее, открыл было рот, словно желая что-то сказать, но потом передумал и углубился в изучение собственных ногтей.

— Думаете, вы сможете излечить меня от этого? — спросила Корделия.

— О да.

— Понятно. — «Сержант Ботари, где же ты? Слишком поздно». — Вы не оставляете мне выбора. Интересно.

«Тяни время, — нашептывал внутренний голос. — Жди подходящего случая. Если он не подвернется, устрой его сама. Представь, что это Барраяр, где все возможно».

— Можно мне п-принять душ? П-переодеться, собрать вещи? Насколько я понимаю, это затянется надолго.

— Разумеется. — Тейлор и Мехта обменялись взглядом облегчения. Корделия мило улыбнулась.

Доктор Мехта прошла за ней в спальню без санитара. «А вот и благоприятная возможность», — промелькнуло в мозгу у Корделии. Даже голова закружилась.

— Хорошо, — сказала она, закрывая дверь. — Мы можем поболтать, пока я собираюсь.

«Сержант Ботари... есть время говорить, и есть время, когда даже самые лучшие слова не помогут. Ты был неразговорчив, но ты никогда не подводил. Жаль, что я не сумела понять тебя по-настоящему. Слишком поздно...»

Мехта уселась на кровать — видимо, чтобы понаблюдать за экспонатом своей коллекции, извивающемся на пронзившей его булавке. За триумфом своего дедуктивного мышления. «Собираешься написать обо мне научный доклад, Мехта? — мрачно размышляла Корделия. — Бумага оборачивает камень...»

Она слонялась по комнате, выдвигая ящики, хлопая дверцами шкафчиков. Она нашла ремень... затем еще один... затем пояс-цепочку. Вот ее документы, кредитные карточки, деньги. Она делала вид, что не замечает их. На ходу она что-то говорила. Ее разум бурлил. «Камень ломает ножницы...»

— Вы слегка напоминаете мне покойного адмирала Форратьера. Вы оба хотите разобрать меня на части и посмотреть, что за механизм у меня внутри. Хотя Форратьер больше напоминал ребенка — не собирался потом за собой убирать. А вы, с другой стороны, хотите разобрать меня даже не ради удовольствия, а просто так. При этом вы искренне намерены затем снова собрать меня, но, с моей точки зрения, разница не столь уж велика. Прав был Эйрел, говоря о людях в зеленых шелковых комнатах...

Мехта выглядела озадаченной.

— Вы перестали заикаться, — заметила она.

— Да... — Корделия остановилась рядом с аквариумом, с интересом разглядывая его. — Действительно. Как странно. — «Камень ломает ножницы...»

Она сняла крышку с аквариума. К горлу подступила знакомая дурнота — смесь страха и трепета. Она словно невзначай зашла к Мехте со спины, держа в руках цепочку и рубашку.

«Я должна сделать выбор. Я должна сделать выбор *прямо сейчас*. Я выбрала — пора!»

Она метнулась вперед, накидывая пояс на шею врача, заломила ей руки назад и крепко обмотала запястья другим концом цепочки. Мехта издала сдавленный писк. Держа ее сзади, Корделия прошептала ей на ухо:

— Сейчас я снова позволю вам дышать. Надолго ли — зависит от вас. Вы будете вкратце ознакомлены с настоящими барраярскими методами допроса. Прежде я их не

одобряла, но в последнее время начала понимать, что порой без них не обойтись — например, когда ты безумно торопишься.

Нельзя позволить ей догадаться, что я притворяюсь.

— Сколько человек Тейлор расставил вокруг здания, где их посты?

Она слегка ослабила хватку. С остановившимся от страха взглядом Мехта выдавила:

— Нисколько!

— Все критяне — лжецы, — пробормотала Корделия. — Да и Билл не дилетант. — Она подтащила доктора к аквариуму и погрузила ее голову в воду. Та отчаянно сопротивлялась, но Корделия — более высокая, сильная, лучше тренированная — удерживала ее с такой неистовой силой, что сама себе изумлялась.

Мехта обмякла, начиная терять сознание. Корделия вытащила ее и позволила пару раз вдохнуть.

— Не хотите пересмотреть свою оценку? — «Господи, а что если это не сработает? Теперь они уже ни за что не поверят, что я не агент».

— Ох, не надо, — просипела Мехта.

— Ладно, поплавай еще. — Она снова мокнула ее. Вода качалась и выплескивалась из аквариума. Корделия видела сквозь стекло лицо Мехты, странно искаженное, мертвенно-желтое в причудливых бликах от камушков на дне. Из рта вырывались серебристые пузырьки воздуха, струившиеся вокруг ее лица. Некоторое время Корделия зачарованно наблюдала за ними. «Под водой воздух струится словно вода, — думала она. — Как интересно. Существует ли такая вещь, как эстетика смерти?»

— Говорите. Сколько? Где?

— Нисколько, правда!

— Попейте еще.

Во время следующего вдоха Мехта прохрипела:

— Вы не можете убить меня!

— Ставьте диагноз, доктор, — прошипела Корделия. — Я в здравом уме и притворяюсь сумасшедшей, или сумасшедшая, притворяющаяся нормальной? Растите жабры! — У нее сорвался голос. Она снова погрузила лицо своей жертвы в воду, заметив, что сама задерживает дыхание. «А что если она права, а я ошибаюсь? Что если я действительно агент, и даже не подозреваю об этом? Как отличить копию от оригинала? Камень ломает ножницы...»

Дрожа всем телом, она явственно представила, как держит и держит голову этой женщины под водой, пока та не перестает сопротивляться, пока не потеряет сознание, и потом еще — чтобы удостовериться в окончательной гибели мозга. Власть, возможность, воля — у нее есть все это. «Так вот что чувствовал Эйрел тогда, на Комарре, — подумала она. — Теперь я понимаю... нет. Теперь я знаю».

— СКОЛЬКО? Где?

— Четверо, — прохрипела Мехта. Корделия обмякла от облегчения. — Двое снаружи в фойе. И еще двое — в гараже.

— Спасибо, — машинально поблагодарила ее Корделия, но горло стиснул спазм, и голос ее был едва слышен. — Простите меня... — Она не знала, услышала ли ее посиневшая Мехта, поняла ли. Бумага оборачивает камень...

Она связала женщину и вставила ей клип — тем же манером, как проделал это когда-то Форкосиган с захваченным Готтианом. Пристроив связанную за кроватью (чтобы не было видно от дверей), Корделия быстро рассовала по карманам кредитные карточки, документы и деньги, затем включила душ.

Она на цыпочках вышла из спальни, отрывисто дыша через рот. Ох, как нужна сейчас минута, всего одна минута, чтобы овладеть собой... Тейлор и санитар куда-то ушли — наверное, на кухню, пить кофе. Не желая рисковать такой удачной возможностью, она не стала задерживаться — даже для того, чтобы надеть ботинки.

О, Боже! В дверях кухни стоял Тейлор, в этот момент как раз подносивший чашку к

губам. Она замерли, уставившись друг на друга.

Корделия подумала, что глаза у нее сейчас, наверное, огромные, как у какого-нибудь ночного зверька. Она никогда не умела скрывать выражение своих глаз.

Глядевший на нее Тейлор странно скривил губы. Затем он очень медленно поднял левую руку, отдавая ей честь. Рука была не та, но в правой он держал кофе. Он отпил глоток, спокойно наблюдая за ней из-за края чашки.

Корделия со всей серьезностью вытянулась по стойке смирно, четко козырнула в ответ и неслышно выскользнула за дверь квартиры.

На секунду ее охватил ужас: в коридоре торчал журналист со своим оператором, один из самых несносных и назойливых — тот самый, которого она выставила вчера из здания. Она улыбнулась им, пьянея от волнения — как парашютист, только что сделавший шаг в пустоту.

— Все еще хотите взять интервью? Помедленней, помедленней. Не здесь. За мной ведь следят, вы знаете. — Она заговорщицки понизила голос. — Правительство скрывает информацию. Из-за того, что мне известно, администрация может взлететь на воздух. Это кое-какие сведения о военнопленных. Вы можете... сделать себе имя на этом материале.

— Тогда где же? — азартно выпалил он.

— Как насчет космопорта? У них в баре тихо. Я куплю вам выпить, и мы сможем... разработать план кампании. — Секунды тикали у нее в мозгу. В любой момент может распахнуться дверь их квартиры, и... — Хотя это будет опасно. В фойе меня караулят двое агентов правительства, и еще двое — в гараже. Мне необходимо проскочить мимо них незамеченной. Если узнают, что я разговаривала с вами, возможно, что другого шанса вам уже не дадут. Без шума и пыли — просто однажды ночью вы исчезните, и пройдет слухок о том, что вас «положили на обследование». Понимаете, о чем я?

Она была совершенно уверена, что он не понимал — его канал специализировался в основном на «клубничке», — но видела в его глазах жажду журналистской славы.

Он повернулся к своему оператору:

— Джон, дай ей свою куртку и камеру.

Корделия спрятала волосы под широкополой шляпой и надела куртку поверх формы; шествуя к выходу, она демонстративно несла в руках камеру. Вместе с телевизионщиками она поднялась на лифте в гараж. У входа дежурили двое в голубой форме. Проходя мимо них к машине журналиста, она небрежно вскинула камеру на плечо, заслоняя лицо.

В баре космопорта она заказала выпивку и сделала большой глоток из своего бокала.

— Я скоро вернусь, — пообещала она и смылась, оставив журналиста за столиком с неоплаченной выпивкой.

Следующую остановку она сделала у билетного компьютера, вызвав расписание полетов. В ближайшие шесть часов — ни единого пассажирского корабля до Эскобара. Слишком долго. Космопорт наверняка будут обыскивать в первую очередь. Мимо проходила женщина в форме служащей космопорта. Корделия остановила ее.

— Прошу прощения, не могли бы вы помочь мне? Мне нужно узнать кое-что о частных грузовых транспортах и прочих частных кораблях, которые готовятся к вылету.

Женщина нахмурилась, но через мгновение узнала ее и расплылась в улыбке.

— Вы капитан Нейсмит!

Сердце екнуло и бешено забилося. «Нет... спокойнее...»

— Да. Э-э... Понимаете, журналисты вконец меня замучили. Вы ведь знаете, что это за братия. — Корделия одарила женщину взглядом, приобщающим ее к кругу избранных. — Я не хотела бы снова попасться им на глаза. Может, мы могли бы пройти в какой-нибудь кабинет? Я знаю, что если кто-нибудь здесь и уважает человеческое достоинство, так это вы. Просто вижу это по вашему лицу.

— Правда? — Польщенная и взволнованная служащая уже увлекала ее за собой. В ее офисе имелся доступ к полному расписанию всех полетов, и Корделия быстро пролистала их.

— Хм. Вот этот, кажется, подходит. Рейс до Эскобара, вылет меньше чем через час. Вы не знаете, пилот уже поднялся на борт?

— У этого грузовика нет разрешения на перевозку пассажиров.

— Ничего, я просто хочу поговорить с пилотом. Лично. С глазу на глаз. Можете устроить это?

— Я попробую. — Ей это удалось. — Он встретит вас у посадочного узла 27. Но вам нужно поторопиться.

— Спасибо. Э-э... Вы знаете, меня повсюду преследуют журналисты — житья от них нет. Ни перед чем не останавливаются. Двое самых настырных даже вырядились в экспедиционную форму, чтобы ко мне пробиться. Имеют наглость называть себя капитаном Мехтой и коммодором Тейлором. Ужасно назойливые. Если они начнут здесь вынюхивать, вы не могли бы вроде как забыть, что меня видели?

— О, конечно, капитан Нейсмит.

— Зовите меня Корделия. Вы просто молодчина! Спасибо!

Пилот оказался совсем зеленым — набирался опыта на грузовых кораблях, прежде чем взять на себя ответственность за пассажирские перевозки. Он тоже узнал ее и сразу же попросил автограф.

— Вы, наверное, удивляетесь, почему выбрали именно вас, — расписываясь, начала Корделия. Она понятия не имела, что конкретно собирается ему наплести, лишь следовала интуитивной догадке — кажется, этот парень из тех, кто ни разу за всю свою жизнь не выиграл ни единого конкурса.

— Я, мэм?

— Поверьте, ребята из службы безопасности проверили ваше досье вдоль и поперек. Вы достойны доверия. Да, именно такой вы и есть — по-настоящему надежный человек.

— О... они ведь не могли узнать про кордолит? — Тревога боролась в нем с тщеславием.

— И вдобавок находчивы, — продолжала импровизировать Корделия, гадая про себя, что такое кордолит. Никогда прежде не слышала о таком. — Вы просто идеально подходите для этого задания.

— Какого задания?!

— Ш-ш, не так громко. Я выполняю секретное задание президента. Лично. Оно настолько деликатное, что даже военный департамент не знает о нем. Если это выплывет наружу, возникнут серьезные политические осложнения. Я должна доставить секретный ультиматум императору Барраяра. Но никто не должен знать, что я покинула Колонию Бета.

— И я должен вас туда доставить? — ошарашено спросил он. — Этим грузовым рейсом?

«Похоже, я могла бы уговорить паренька довезти меня на казенном топливе до самого Барраяра, — подумала она. — Но это было бы концом его карьеры». Совесть не позволила ей дать волю занесшимся амбициям.

— Нет, нет. Ваш грузовой перелет должен казаться совершенно обычным. Мне нужно встретиться с секретным связным на Эскобаре. Вы просто возьмете на борт один груз, который отсутствует в таможенной декларации. Меня.

— Но у меня нет разрешения на перевозку пассажиров, мэм.

— Боже праведный, неужели вы думаете, что мы этого не знаем? Как по-вашему, почему сам президент выбрал из множества кандидатов именно вас?

— Ух ты. А я ведь даже не голосовал за него.

Он провел Корделию на катер и устроил ее среди собранного в последний момент груза.

— Вы ведь знаете всех больших шишек в Экспедиции, мэм? Лайтнера, Парнелла... Может, познакомите меня с ними?

— Не знаю. Но... когда вы вернетесь с Эскобара, то встретитесь со множеством шишек из Экспедиционного корпуса и службы безопасности. Это я вам обещаю. — «Причем без

обмана».

— Могу я задать вам... личный вопрос, мэм?

— Почему бы и нет? Все задают.

— Почему вы в тапочках?

Она поглядела на свои ноги.

— Прошу прощения, пилот Мэйхью. Это секретная информация.

— О! — пристыженный пилот скрылся в кабине.

Оставшись наконец в одиночестве, она прислонилась лбом к прохладному гладкому пластику дорожного кейса и тихонько всхлипнула, оплакивая свою участь.

ГЛАВА 14

Было уже около полудня по местному времени, когда флайер, взятый ею напрокат в Форбарр-Султане, перенес ее через широкое озеро. Берег окаймляли увитые лозняком склоны, за которыми вздымались крутые холмы, поросшие кустарником. Местность была малонаселенная — лишь по берегам тут и там были рассыпаны небольшие поселения, а у одной из оконечностей озера расположилась живописная деревня. Скалистый мыс венчали развалины старинной крепости. Корделия сделала над ними круг, сверяясь с картой относительно этого ориентира. Отсчитав три крупных поместья к северу от крепости, она снизилась над четвертым и посадила флайер на дорожку перед домом.

Старинный дом, выстроенный из местного камня, почти сливался с поросшей на склоне холма растительностью. Корделия втянула крылья, выключила двигатель и положила ключи в карман, но продолжала сидеть, в нерешительности взирая на разогретый солнцем фасад.

Из-за угла показалась высокая фигура в странной униформе — коричневой с серебром. Человек шел неторопливо, рука его привычно покоилась на кобуре. Она поняла, что Форкосиган где-то неподалеку, потому что это был сержант Ботари. Он казался вполне здоровым, по крайней мере физически.

Она выпрыгнула из флайера.

— Э-э, добрый день, сержант. Адмирал Форкосиган дома?

Он прищурился, вглядываясь в нее, потом лицо его прояснилось, и он отдал ей честь.

— Капитан Нейсмит. Мэм. Да, он здесь.

— Вы выглядите гораздо лучше, чем при последней нашей встрече.

— Мэм?

— На флагмане. При Эскобаре.

Он обеспокоено нахмурился:

— Я... не помню Эскобар. Адмирал Форкосиган говорит, что я был там.

— Понятно. — «Они забрали твои воспоминания? Или ты стер их сам? Кто знает...» — Мне жаль слышать это. Вы служили храбро.

— Правда? Меня комиссовали, потом.

— Да? А что на вас за форма?

— Ливрея графа Форкосигана, мэм. Он взял меня в свою личную охрану.

— Я уверена, что вы будете хорошо служить ему. Могу я увидеть адмирала Форкосигана?

— Он за домом, мэм. В той стороне.

И он побрел дальше, видимо, совершая обход территории.

Корделия двинулась вокруг дома, взметая подол непривычно длинной юбки. Темный цветочный узор ее нового наряда радовал глаз. Она купила это платье вчера в Форбарр-Султане, отчасти ради забавы, но в основном из-за того, что ее бежевая экспедиционная форма с бетанскими знаками отличия привлекала слишком много внимания. И еще она распустила волосы, разделив их на пробор и закрепив двумя эмалевыми гребнями, также купленными вчера.

Чуть выше по склону холма начинался сад, окруженный низкой стеной из серого

камня. Нет, не сад, поняла она, подойдя ближе, а кладбище. Там, стоя на коленях на голой земле, трудился старик в потрепанной рабочей одежде, высаживающий с лотка цветочную рассаду. Когда Корделия прошла в узкую калитку, старик поднял голову, и она безошибочно узнала его. Он был чуть выше своего сына, мышцы его от возраста истончились и вытянулись, но черты лица были те же.

— Генерал граф Форкосиган, сэр? — Она машинально козырнула ему и только потом сообразила, насколько странно это должно выглядеть при ее наряде. Он с трудом поднялся на ноги. — Я кап... я Корделия Нейсмит. Друг Эйрела. Не знаю, рассказывал ли он вам обо мне. Он здесь?

— Добрый день, мадам. — Но выпрямился почти по стойке «смирно» и поприветствовал ее до боли знакомым коротким кивком. — Он мало что говорил о вас, и я никак не думал, что буду иметь честь встретиться с вами. — Он с трудом улыбнулся, словно отвечавшие за это движение мускулы заржавели от долгой неподвижности. — Вы даже не представляете, как я рад, что ошибся. — Он указал через плечо на вершину холма. — Там наверху есть беседка с видом на озеро. Он... э-э, проводит большую часть времени там.

— Понятно. — Она разглядела тропинку, вившуюся мимо кладбища и дальше вверх по склону. — Хм. Не знаю, как лучше выразиться... он трезв?

Он глянул на солнце и поджал морщинистые губы.

— К этому часу, вероятно, уже нет. Первое время, вернувшись домой, он пил только после обеда, но постепенно стал начинать все раньше. Меня это ужасно беспокоит, но я ничего не могу поделать. Хотя если его язва снова начнет кровоточить, я могу... — Он запнулся и напряженно всмотрелся в ее лицо, пытаясь прочесть на нем подтверждение своим смутным предположениям. — По-моему, он принял эскобарское поражение слишком близко к сердцу. Его отставка была совершенно необязательной.

Корделия догадалась, что старый граф не был посвящен императором в некоторые аспекты эскобарской кампании. «Это не провал надломил его дух, а успех», — подумала она. Вслух же она сказала:

— Верность императору является для него делом чести, я знаю. — «Возможно, последним бастионом этой самой чести, а ваш император сравнивал его с землей ради достижения своей грандиозной цели...»

— Почему бы вам не подняться к нему, — предложил старик. — Хотя... должен вас предупредить, сегодня у него не слишком хороший день.

— Я понимаю. Спасибо.

Он провожал ее взглядом, когда она вышла за ограду и стала подниматься по извилистой тропинке, затененной листвой деревьев. В основном это были завезенные с Земли деревья, но среди них попадались и другие разновидности — видимо, местного происхождения. Особенно впечатляла живая изгородь, заросли которой были опущены цветами (по крайней мере, она предположила, что это цветы — Дюбауэр знал бы точно), напоминающими розовые страусовые перья.

Беседка оказалась строением из потемневшего от непогоды дерева в слегка восточном стиле. Отсюда открывался прекрасный вид на сверкающее озеро. По ажурным стенам взбирались лозы, будто прикреплявшие ее к каменистой почве. Беседка была открыта со всех четырех сторон. Вся обстановка состояла из пары потрепанных шезлонгов, большого выцветшего кресла, скамеечки для ног и маленького столика, на котором стояли два графина, несколько бокалов и бутылка с густой белой жидкостью. Форкосиган сидел, откинувшись в кресле: глаза закрыты, босые ноги на скамье, пара сандалий небрежно отброшена в сторону. Корделия остановилась на пороге беседки, с наслаждением разглядывая его. На нем были старые черные форменные брюки и очень штатская рубашка с неожиданно ярким цветастым рисунком. Он явно не брился сегодня. Она разглядела, что на пальцах ног у него растут небольшие жесткие черные волоски — такие же, как на руках. Она решила, что ей определенно нравятся его ноги; безусловно, ей не составит труда проникнуться дурашливой нежностью к каждой частичке его тела. Но его болезненный вид

радовал гораздо меньше. Усталый, и даже более чем усталый.

Он приоткрыл глаза и потянулся за хрустальным бокалом с янтарной жидкостью, затем вроде бы передумал и взял вместо него белую бутылку. Рядом с ней стояла небольшая мерная стопка, но он пренебрег ею, сделав глоток белой жидкости прямо из горлышка. Издевательски ухмыльнувшись бутылке, он сменил ее на хрустальную стопку. Отхлебнул, поддержал напиток во рту, наконец проглотил и еще глубже погрузился в кресло.

— Жидкий завтрак? — поинтересовалась Корделия. — Так же вкусно, как овсянка с сырным соусом?

Его глаза распахнулись.

— Ты, — хрипло проговорил он спустя мгновение, — не галлюцинация. — Он попытался встать, но потом, видимо, передумал и снова упал в кресло, оцепенев от смущения. — Я не хотел, чтобы ты видела...

Корделия поднялась по ступеням в тень беседки, пододвинула один из шезлонгов к его креслу и уселась. «Черт, — подумала она, — я смутила его, застигнув в таком виде. Как успокоить его? Со мной он будет всегда чувствовать себя непринужденно...»

— Я пыталась позвонить тебе, когда прилетела вчера, но так и не смогла тебя застать. Должно быть, это исключительное пойло, раз ты ждешь от него галлюцинаций. Налей мне тоже, пожалуйста.

— Думаю, тебе больше понравится другое. — Он налил ей из второго графина. Вид у него по-прежнему был несколько ошалевший. Движимая любопытством, она попробовала содержимое его рюмки.

— Фу! Это не вино.

— Бренди.

— В такой ранний час?

— Если я начинаю сразу после завтрака, — пояснил он, — то к обеду обычно уже достигаю бессознательного состояния.

А до обеда уже недалеко, подумала она. Его речь сперва ввела ее в заблуждение: Форкосиган говорил совершенно ясно, лишь чуть медленнее и нерешительнее обычного.

— Наверное, должна существовать и менее ядовитая общая анестезия. — Золотистое вино оказалось превосходным, хотя несколько суховатым на ее вкус. — Ты каждый день этим занимаешься?

— Боже, нет. — Он поежился. — Самое большее — два-три раза в неделю. Один день пью, другой — маюсь похмельем. Похмелье не хуже опьянения отвлекает от тягостных мыслей... А еще частенько мотаюсь по поручениям отца. За последние пять лет он здорово сдал.

Он постепенно приходил в себя, когда первоначальный страх показаться ей отвратительным начал отступать. Он выпрямился в кресле, знакомым жестом потер лицо, словно пытаясь стереть оцепенение, и попытался завести непринужденный разговор:

— Какое красивое платье. Гораздо лучше той оранжевой штуки.

— Спасибо, — ответила она, охотно ухватившись за предложенную тему. — К сожалению, не могу сказать того же о твоей рубашке — это случайно не образчик твоего вкуса?

— Нет, это был подарок.

— Ты меня успокоил.

— Что-то вроде шутки. Несколько моих офицеров скинулись и подарили ее мне по случаю моего первого производства в адмиралы, перед Комарром. Я всегда вспоминаю их, когда надеваю ее.

— Очень мило. В таком случае, наверное, придется привыкать к ней...

— Трое из четверых уже мертвы. Двое погибли у Эскобара.

— Понятно. — Вот тебе и беззаботная беседа. Корделия покачала в руке бокал, перекатывая оставшееся на дне вино. — Знаешь, ты отвратительно выглядишь. Бледный какой-то, одутловатый.

- Да, я перестал тренироваться. Ботари совсем разобижен.
- Я рада, что у Ботари не было слишком больших неприятностей из-за Форратьера.
- Все висело на волоске, но мне удалось его вытащить. Помогли показания Иллиана.
- И все же его отправили в отставку.
- Почетную отставку. По медицинским показаниям.
- Это ты присоветовал своему отцу взять его на службу?
- Да. Похоже, это было как раз что надо. Он никогда не будет нормален в нашем

понимании этого слова, но по крайней мере у него есть форма, оружие и кой-какие правила, которым надо следовать. Похоже, это дает ему психологическую опору. — Он медленно провел пальцем по краю стопки с бренди. — Видишь ли, он был ординарцем Форратьера в течение четырех лет. Когда его перевели на «Генерал Форкрафт», он уже был не в себе. На грани раздвоения личности: расслоение воспоминаний и все такое прочее. Жуткое дело. Видимо, роль солдата — единственная человеческая роль, с которой ему под силу справиться. Она позволяет ему обрести некоторое самоуважение. — Он улыбнулся ей. — А вот ты, наоборот, выглядишь просто восхитительно. Ты можешь... э-э... погостить подольше?

В его лице читалось неуверенное желание, безгласная страсть, подавленная нерешительностью. «Мы так долго сомневались, — подумала она, — Что это уже стало привычкой». Потом она поняла: он опасается, что она всего лишь приехала в гости. Чертовски далекий путь для дружеской беседы, любовь моя. Ты-таки пьян.

— Сколько захочешь. Когда я вернулась домой, то обнаружила, что... там все изменилось. Или я сама изменилась. Все разладилось. Я переругалась почти со всеми и улетела, едва избежав... э-э, серьезных неприятностей. Мне нет дороги назад. Я подала в отставку — отослала заявление с Эскобара... Все мои вещи — в багажнике флайера, на котором я прилетела.

Она упивалась восторгом, вспыхнувшим в его глазах: до него наконец дошло, что она приехала насовсем. Ну, значит, все в порядке.

— Я бы встал, — проговорил он, потеснившись в кресле, — но почему-то сначала у меня отказывают ноги, а уж потом — язык. Я бы предпочел упасть к твоим ногам несколько более достойно. Я скоро приду в норму. А пока, может, ты переберешься ко мне?

— С радостью. — Она пересела. — Но я не раздавлю тебя? Я ведь не пушинка.

— Вовсе нет. Терпеть не могу миниатюрных женщин. Ах, вот так гораздо лучше.

— Да. — Она пристроилась у него на коленях, обвила руками его грудь, опустила голову ему на плечо и еще охватила его одной ногой, чтобы уж окончательно завершить захват. Ее пленник издал какой-то непонятный звук — то ли смешок, то ли вздох. Ей хотелось, чтобы это мгновение длилось вечно.

— Знаешь, тебе придется отказаться от идеи алкогольного самоубийства.

Он склонил голову набок.

— А я-то думал, что действую достаточно тонко.

— Не слишком.

— Ну что ж, не возражаю. Это чертовски неудобный способ.

— Да, ты встревожил своего отца. Он так чудно на меня посмотрел.

— Надеюсь, не враждебно. У него есть такой особый испепеляющий взгляд. Доведен до совершенства десятилетиями практики.

— Вовсе нет. Он мне улыбнулся.

— Боже милостивый. — В уголках его глаз появились смешливые морщинки. Корделия рассмеялась и повернула голову, чтобы получше рассмотреть его лицо. Так-то лучше...

— Я и побреюсь, — пообещал он в порыве энтузиазма.

— Только не переусердствуй из-за меня. Я ведь тоже ушла на покой. Как говорится, сепаратный мир.

— Действительно, мир. — Он уткнулся ей в волосы, вдыхая их аромат. Мышцы его расслабились — будто кто-то разом ослабил чересчур туго натянутую тетиву.

* * *

Спустя несколько недель после свадьбы они отправились в свою первую совместную поездку — Корделия сопровождала Форкосигана в его регулярном паломничестве в императорский военный госпиталь в Форбарр-Султане. Они ехали в автомобиле, позаимствованном у графа; за рулем сидел Ботари, исполнявший явно привычную для себя роль водителя и телохранителя в одном лице. Корделии, которая уже начинала понимать сержанта достаточно хорошо, чтобы видеть сквозь его непроницаемую маску, он казался напряженным.

Он неуверенно взглянул поверх головы Корделии, сидящей между ним и Форкосиганом.

— Вы рассказали ей, сэр?

— Да, обо всем. Все нормально, сержант.

Корделия поощрительно добавила:

— Я думаю, вы поступаете правильно, сержант. Я... хм, очень довольна.

Он слегка расслабился и почти улыбнулся.

— Спасибо, миледи.

Она исподволь наблюдала за ним, размышляя о той уйме проблем, которые он привезет сегодня нанятой им деревенской женщине из Форкосиган-Сюрло, и серьезно сомневаясь в том, что он способен справиться с ними. Она решила слегка прозондировать почву.

— А вы уже думали о том... что расскажете девочке о матери, когда она вырастет? Рано или поздно она захочет узнать.

Он кивнул, помолчал, затем заговорил:

— Скажу ей, что она умерла. Скажу, что мы были женаты. Здесь плохо быть незаконнорожденным. — Его руки стиснули руль. — И она не будет. Никто не будет называть ее так.

— Понимаю. — «Удачи тебе», — подумала она. Затем перешла к более легкому вопросу: — Вы уже знаете, как собираетесь назвать ее?

— Елена.

— Очень мило. Елена Ботари.

— Так звали ее мать.

Корделия была так удивлена, что у нее невольно вырвалось:

— Я думала, вы ничего не помните об Эскобаре!

Спустя какое-то время сержант проронил:

— Эти лекарства можно перехитрить, если знать, как.

Форкосиган вскинул брови. Для него это тоже явно было новостью.

— И как же вам это удалось, сержант? — спросил он, тщательно сохраняя нейтральный тон.

— Один мой знакомый как-то научил меня... Вы записываете то, что хотите запомнить, и думаете об этом. Потом прячете записку — так же, как вы прятали свои секретные документы от Раднова, сэр — они тоже так и не смогли догадаться. Потом, как только вас приводят обратно, когда еще не перестало тошнить, достаёте ее и перечитываете. Если можете вспомнить хотя бы один пункт из списка, то обычно удастся восстановить в памяти и остальное — еще до того, как они снова придут за вами. Потом опять проделываете то же самое. И опять. Еще помогает, если у вас есть какой-нибудь предмет. Вещь на память.

— А у вас был... э-э... предмет? — спросил Форкосиган, явно завороченный неожиданным откровением.

— Прядь волос. — Он снова надолго замолчал, потом добавил: — У нее были длинные темные волосы. Они хорошо пахли.

У Форкосигана был просветленный вид человека, нашедшего ключ к сложной загадке. Корделия, ошеломленная и даже несколько напуганная тем, что скрывалось за словами

сержанта, откинулась в кресле и поспешила углубиться в изучение вида за окном. Впрочем, там действительно было на что посмотреть. Она залюбовалась пестрым пейзажем, проблесками воды и зелени в низинах между холмами, наслаждаясь ясным солнечным светом и свежим летним воздухом — таким прохладным, что для прогулки вовсе не нужны были никакие защитные устройства. Впрочем, она увидела и кое-что еще. Форкосиган проследил за направлением ее взгляда.

— А, ты заметила их?

Ботари слегка улыбнулся.

— Тот флайер, который нас не обгоняет — ты знаешь, кто это? — спросила Корделия.

— Имперская безопасность.

— Они всегда сопровождают тебя до столицы?

— Они сопровождают меня везде. Трудно убедить их, что моя отставка — это всерьез. До твоего приезда я развлекался тем, что отрывался от их слежки. Например, в лунные ночи я напивался и гонял на флайере по тем каньонам на юге. Флайер у меня новый, очень скоростной. Это их жутко бесило.

— О небо, да это же верное самоубийство. Ты правда вытворял такое?

Он выглядел слегка пристыженным.

— Боюсь, что так. Я тогда не думал, что ты можешь приехать. Это щекотало нервы. Я не пускался в такие адреналиновые эскапады с подросткового возраста. Военная служба вполне удовлетворяла эту потребность.

— Чудо еще, что ты не разбился.

— А я и разбился. Однажды, — признал он. — Ничего особенного, всего лишь небольшая авария. Кстати, хорошо, что напонила — мне надо забрать флайер из ремонта. А то они с ним уже целую вечность возятся. От алкоголя я становлюсь вялым, как тряпка, поэтому у меня еще не хватило смелости летать без ремней безопасности. Так что никто, кроме флайера и нервов агента Негри, не пострадал.

— Два раза, — неожиданно прокомментировал Ботари.

— Прошу прощения, сержант?

— Вы разбивались дважды. — Уголки губ сержанта подергивались. — Вы не помните второй раз. Ваш отец сказал, что его это не удивляет. Мы помогли... э-э, вытянуть вас из каркаса безопасности. Вы были без сознания еще целый день.

Форкосиган явно был потрясен.

— Вы разыгрываете меня, сержант?

— Нет, сэр. Можете посмотреть на обломки флайера. Они разбросаны на полтора километра по Дендарийскому ущелью.

Форкосиган прочистил горло и вжался в кресло.

— Понятно.

Он помолчал, а затем добавил:

— Как... неприятно иметь такой пробел в памяти.

— Да, сэр, — вежливо согласился Ботари.

Корделия оглянулась на преследующий их флайер, видимый через просвет между холмами.

— Они наблюдали за нами все время? И за мной тоже?

Форкосиган улыбнулся, видя ее замешательство.

— Надо полагать, с того момента, как ты ступила на землю космопорта Форбарр-Султаны. Так уж вышло, что я стал популярен после Эскобара. Пресса, которая является здесь третьей рукой Эзара Форбарры, выставила меня таким героем отступления, вырвавшим победу из пасти поражения и так далее... В общем, невообразимая чушь. У меня от нее желудок болит даже без бренди. Зная заранее то, что знал я, можно было бы справиться с этим делом гораздо лучше. А я пожертвовал слишком большим количеством крейсеров, прикрывая корабли десанта... хотя, конечно, такой ход был вынужденным, его диктовала чистая арифметика...

По выражению его лица Корделия поняла, что мысли его снова бродят по проторенному лабиринту неосуществленных возможностей. «Будь проклят Эскобар, — думала она. — Будь проклят твой император, принц Серг и Гес Форратьер, будь проклято все стечение обстоятельств, превратившее мальчишеские грезы о героизме в кошмар, полный убийств, преступлений и обмана. Ее присутствие явилось неплохим лекарством, но этого было недостаточно; в нем все еще оставалось что-то неладное, незалеченное.

По мере приближения к Форбарр-Султане с юга холмистая местность перешла в плодородную равнину, гораздо гуще населенную. Город раскинулся на широкой серебряной реке: самые старинные правительственные здания, в большинстве своем — перестроенные древние крепости, гнездились на высоких уступах и командных высотах на берегу. Далее к северу и югу тянулись новые районы.

Между историческим центром и жилыми массивами были сосредоточены правительственные учреждения — конструктивистские квадратные монолиты. По пути к одному из прославленных городских мостов они проехали через этот комплекс, минуя целый квартал выгоревших дотла зданий, вздымавших к небу свои почерневшие каркасы.

— Господи, что здесь произошло? — спросила Корделия.

Форкосиган кисло улыбнулся.

— До мятежа, прокатившегося здесь два месяца назад, это было министерство политвоспитания.

— Я слышала кое-что об этом на Эскобаре, по дороге сюда, но даже не представляла, что беспорядки были столь бурными.

— Они и не были бурными, а очень даже тщательно спланированными. Лично я думаю, что это был довольно рискованный метод решения проблемы. Хотя, конечно, это несомненный шаг вперед в изяществе исполнения после «Сбрасывания из окна Тайного Совета», устроенного Юрием Форбаррой. Можно сказать, прогресс методов... Я и не думал, что Эзар сумеет загнать джинна обратно в бутылку, но, похоже, ему это удалось. Как только Гришнов был убит, все вызванные им на подмогу войска, которые по какой-то неясной причине были оттянуты на защиту императорской резиденции, — тут он хмыкнул, — тут же развернулись и очистили улицы. Мятеж просто растаял, если не считать нескольких фанатиков и кучки несчастных, потерявших близких в эскобарской войне. Дела повернулись скверно, но в новости это не просочилось.

Они пересекли реку и наконец подъехали к знаменитому госпиталю — огромному, почти городу внутри города, раскинувшемуся среди обнесенного стеной парка.

Мичман Куделка, облаченный в зеленую больничную пижаму, с угрюмым видом лежал на своей койке, мерно помахивая рукой. Сперва Корделия приняла это за приветствие, но отбросила эту идею, увидев, что рука продолжает механически покачиваться. Куделка выглядел гораздо старше, чем прежде.

При виде своего бывшего командира он сел и улыбнулся, обменявшись приветственными кивками с Ботари. Улыбка его расплзлась еще шире, когда он увидел за спиной Форкосигана Корделию.

— Капитан Нейсмит, мэ! То есть я хотел сказать — леди Форкосиган! Вот уж не думал, что когда-нибудь снова увижу вас.

— И я тоже. Рада, что ошиблась, — она тоже улыбнулась.

— Поздравляю, сэр. Спасибо за записку. Я немного скучал без вас последние недели, но... Я вижу, у вас были дела поинтереснее. — Благодаря его добродушной улыбке это замечание прозвучало вполне безобидно.

— Благодарю, мичман. А-а... что приключилось с вашей рукой?

Куделка скривился.

— Я упал этим утром. Что-то замкнуло. Доктор обещал заскочить через пару минут и все наладить. Могло быть и хуже.

Корделия заметила, что его руки покрыты сетью тоненьких красноватых шрамов — следами имплантации искусственных нервов.

— Значит, вы можете ходить. Это приятно слышать, — приободрил его Форкосиган.

— Да, вроде того. — Он просветлел. — И еще они наконец наладили управление моим кишечником. Неважно, что я ничего не чувствую в том районе, но зато я избавился от этой чертовой дыры в брюхе!

— Вам очень больно? — робко спросила Корделия.

— Не слишком, — быстро отозвался Куделка. Она поняла, что он лжет. — Но самое неприятное, если не считать неуклюжести и потери равновесия, — это путаница в чувствах, выкрутасы моей новой нервной системы. Ложные донесения разведки. Например, когда видишь цвета левой пяткой, или ощущаешь то, чего на самом деле нет — скажем, когда кажется, что по всему телу кто-то ползает, — или не чувствуешь того, что есть на самом деле, например, жара... — Его взгляд упал на перевязанную правую лодыжку.

Пришел врач, и разговор прервался. Куделка снял рубашку, доктор закрепил у него на плече индикатор импульсов и начал отлавливать замыкание, передвигая по коже чувствительный хирургический зонд. Куделка побледнел и сосредоточенно уставился на свои колени. Наконец рука прекратила раскачиваться и безвольно упала.

— Боюсь, придется отключить ее до конца дня, — извинился врач. — Мы наладим ее завтра, когда будем заниматься группой приводящих мышц правой ноги.

— Да, да, — отмахнулся от него правой рукой Куделка. Доктор собрал свои инструменты и удалился.

— Я знаю, вам кажется, что это длится бесконечно, — сказал Форкосиган, глядя на расстроенного Куделку, — Но каждый раз, приходя сюда, я замечаю улучшение. Ты еще выйдешь отсюда, — доверительно добавил он.

— Да, хирург говорит, что вытурит меня отсюда уже через пару месяцев, — с улыбкой ответил Куделка. — Но врачи сказали, что я больше не годен для действительной. — Его улыбка погасла, лицо исказилось гримасой отчаяния. — О, сэр! Они отправят меня в отставку! Все это бесконечное кромсание — и впустую! — Он отвернулся к стене, смущенный собственной вспышкой эмоций.

Форкосиган тоже отвел взгляд, не навязывая ему своего сочувствия, пока Куделка снова не повернулся к ним с тщательно приклеенной улыбкой.

— Хотя их можно понять, — бодро продолжил Куделка, обращаясь к подпирающему стену Ботари, решившему, по всей видимости, довольствоваться ролью молчаливого слушателя. — Пара хороших ударов по корпусу, вроде тех, что ты закатывал мне на тренировках, и я начну биться, как рыба на суше. Не слишком хороший пример для моих людей. Наверное, мне придется подыскать... какую-нибудь канцелярскую работу. — Он посмотрел на Корделию. — А что случилось с вашим мичманом? Тем, которому попали в голову?

— Последний раз я видела его уже после Эскобара... Да, за два дня до отъезда. У него все по-прежнему. Его выписали из больницы. Его мать уволилась с работы, чтобы ухаживать за ним дома.

Куделка пристыжено опустил глаза, и у Корделии защемило сердце.

— А я тут разнылся из-за каких-то судорог. Простите.

Она молча покачала головой, боясь, что голос может подвести ее.

Позднее, оставшись в коридоре наедине с Форкосиганом, Корделия уткнулась ему в плечо. Он крепко обнял ее.

— Теперь понимаю, почему ты завел привычку напиваться с утра. Я бы тоже сейчас не отказалась глотка чего-нибудь крепкого.

— После следующего визита мы поедем обедать, и там можем вместе пропустить по стаканчику, — пообещал он.

* * *

Следующим их пунктом назначения было исследовательское крыло. Заведующий

проектом военврач сердечно поприветствовал Форкосигана, и лишь слегка опешил, когда Корделия без всяких объяснений была представлена ему как леди Форкосиган.

— А я и не знал, что вы женаты, сэр.

— С недавних пор.

— О? Поздравляю. Я рад, что вы заехали посмотреть на одного из них, сэр, пока они еще не все успели. По правде сказать, это самая интересная часть. Не желает ли миледи подождать снаружи, пока мы займемся нашими делами? — Он выглядел несколько смущенным.

— Леди Форкосиган полностью в курсе.

— Кроме того, — весело добавила Корделия, — у меня к этому личный интерес.

Доктор выглядел несколько озадаченным, но провел их в помещение мониторинга. Корделия с сомнением уставилась на полдюжины оставшихся емкостей, выстроенных в ряд. Дежурный техник как раз подвозил на каталке оборудование, позаимствованное, видимо, из родильного отделения какой-то другой больницы.

— Доброе утро, сэр, — жизнерадостно поздоровался он. — Решили посмотреть, как будет вылупляться наш цыпленок?

— Лучше бы вы подыскали для этого какое-нибудь другое выражение, — проворчал доктор.

— Да, но ведь и родами это не назовешь, — весьма резонно заметил его помощник. — Технически они уже однажды родились. Вот сами и скажите, как это называть.

— У нас это называют «откупорить бутылку», — внесла свою лепту Корделия, с интересом наблюдавшая за приготовлениями.

Техник, раскладывая на столе измерительные устройства, пристроил колыбельку под нагревательной лампой и с нескрываемым любопытством глянул на Корделию.

— Вы ведь бетанка, миледи? Моя жена видела сообщение о женитьбе адмирала в новостях — внизу, там где мелкий шрифт. Я сам никогда не читаю светскую хронику.

Удивленный доктор поднял глаза, но затем снова углубился в свои инструкции. Ботари прислонился к стене и полузакрыв глаза, скрывая под маской равнодушия свой интенсивный интерес. Доктор и техник завершили приготовления и пригласили их подойти ближе.

— Раствор готов, сэр? — спросил техник доктор.

— Готов. Ввести в питающую трубку «С»... -

Постоянно сверяясь с инструкциями на мониторе, врач проследил за тем, чтобы нужная смесь гормонов была введена через соответствующую трубку.

— Пять минут ожидания, отсчет... пошел. — Доктор повернулся к Форкосигану. — Удивительная машина, сэр. Вы ничего не слышали насчет финансирования и выделения технического персонала для создания таких установок?

— Нет, — ответил Форкосиган. — Я официально выхожу из этого проекта, как только последний живой ребенок будет... выпущен, завершен, или как там это называется. Дальше вам придется пробивать эту затею через свое прямое начальство. Вероятно, потребуется найти этому какое-нибудь военное применение, чтобы оправдать затраты, или хотя бы придумать что-нибудь более-менее правдоподобное.

Доктор задумчиво улыбнулся.

— По-моему, это стоящее дело. Может оказаться приятным разнообразием после разработки новых способов человекоубийства.

— Пора, сэр, — объявил техник, и врач вернулся к настоящему.

— Плацента отделяется хорошо — сжимается, как положено. Знаете, чем больше я изучаю это, тем сильнее восхищаюсь хирургами, которые произвели операцию над матерями. Нам надо посылать побольше студентов-медиков на другие планеты. Извлечь плаценту, не повредив ее — наверное, самая... так. И вот так. Распечатываем. — Врач завершил приготовления и открыл крышку. — Разрезаем мембрану... и вот наша девочка. Отсос, быстро.

Корделия заметила, что Ботари, по-прежнему стоящий у стены, тоже задержал

дыхание.

Мокрый и барахтающийся младенец сделал первый вдох и закашлялся от холодного воздуха. Ботари тоже начал дышать. По мнению Корделии, малышка была довольно миленькой — совсем не такой окровавленной, как те выношенные *in vivo* новорожденные, которых она видела по видео, и гораздо менее красной и помятой. Младенец громко и настойчиво завопил. Форкосиган подскочил от неожиданности, и Корделия расхохоталась.

— Ах, она просто чудо. — Корделия подошла ближе, чтобы заглянуть поверх плеч медиков, которые делали измерения и брали анализы у своей крошечной, недоумевающей, ошарашенной и моргающей подопечной.

— Почему она так громко плачет? — нервно спросил Форкосиган, который, как и Ботари, точно прирос к месту.

«Знает, что родилась на Барраяре», — хотелось ответить Корделии. Вместо этого она сказала:

— Ну, ты бы тоже заревел, если бы стадо великанов вытащило тебя из теплой уютной дремоты и начало перебрасывать туда-сюда, будто мешок с крупой.

Корделия с медтехником обменялись шутливо-сердитыми взглядами.

— Ну ладно, миледи, — техник передал ей младенца. Доктор тем временем вернулся к своей бесценной машине.

— Моя невестка говорит, что их надо прижимать к себе, вот так. Не держать на вытянутых руках. Я бы тоже так верещала, если бы думала, что меня держат над пропастью и вот-вот уронят. Вот так, малышка. Ну-ка, улыбнись тете Корделии. Вот мы и успокоились. Интересно, успела ли ты запомнить сердцебиение своей матери? — Она поплотнее завернула малютку в одеяльце и принялась баюкать ее. Та почмокала губками и зевнула. — Какое странное и долгое было у тебя путешествие.

— Хотите заглянуть внутрь машины, сэр? — обратился к Форкосигану доктор. — И вы тоже, сержант. В прошлый раз у вас было столько вопросов...

Ботари покачал головой, но Форкосиган подошел поближе выслушать технические объяснения, которые врачу явно не терпелось дать.

Корделия поднесла ребенка сержанту.

— Хотите поддержать ее?

— А можно, миледи?

— Господи, не вам у меня надо спрашивать разрешения — скорее уж наоборот.

Ботари осторожно взял ее на руки — она практически потонула в его огромных ладонях — и заглянул в ее личико.

— А вы уверены, что не перепутали? Я думал, у нее будет большой нос.

— Все проверено и перепроверено, — заверила его Корделия, надеясь, что он не спросит, откуда ей это известно; по крайней мере, она была вполне уверена в истинности своих слов. — У всех младенцев маленькие носики. До восемнадцати лет вообще трудно сказать, какими они будут, когда вырастут.

— Может, она будет похожа на мать, — с надеждой проговорил сержант.

Корделия тоже втайне понадеялась на это.

Доктор закончил показ внутренностей своей чудо-машины Форкосигану; тот сумел сохранить вежливую мину и выглядел лишь слегка выбитым из колеи.

— Хочешь поддержать ее, Эйрел? — предложила Корделия.

— Спасибо, лучше не надо, — поспешно отказался он.

— Тренируйся. Может, когда-нибудь пригодится. — Они обменялись взглядом тайной надежды, и он сдался.

— Хм. Мне доводилось держать кошек, которые были тяжелее этого создания. Это вне моей компетенции. — Он с облегчением передал малышку медикам, которым она понадобилась для завершения записей о физических данных.

— Так, посмотрим, — проговорил доктор. — Это та самая, которую мы не отправляем в императорский приют, верно? Куда мы ее отвозим после окончания контрольного периода?

— Меня попросили позаботиться об этом лично, — без запинки ответил Форкосиган. — Ради сохранения анонимности родителей. Я... мы с леди Форкосиган доставим ее к законному опекуну.

Физиономия доктора приняла необычайно глубокомысленный вид.

— О! Понятно, сэр. — Он старался не смотреть на Корделию. — Вы возглавляете проект. Вы можете делать с ними все, что пожелаете... Никто не будет задавать вопросов, я... я могу вас заверить, сэр, — горячо проговорил он.

— Хорошо, хорошо. Сколько длится контрольный период?

— Четыре часа, сэр.

— Отлично, мы как раз можем пообедать. Корделия, сержант?

— Э-э, можно мне остаться здесь, сэр? Я не голоден.

Форкосиган улыбнулся.

— Конечно, сержант. Людям капитана Негри полезно размяться.

По дороге к машине Форкосиган спросил:

— Над чем это ты смеешься?

— Я не смеюсь.

— У тебя глаза смеются. Если честно, искрятся как бешеные.

— Да все этот врач. Боюсь, мы нечаянно ввели его в заблуждение. Ты разве не понял?

— Видимо, нет.

— Он думает, что это мой ребенок. Или твой. А может, наш общий. Я прямо-таки видела, как вертятся колесики у него в голове. Он думает, что наконец выяснил, почему ты не вытащил пробки.

— Боже милостивый. — Он уж было собрался повернуть обратно.

— Нет, нет, пусть его, — удержала его Корделия. — Ты сделаешь только хуже, если попытаешься отрицать это. Уж я-то знаю. Меня уже и прежде обвиняли в грехах Ботари. Пускай себе фантазирует.

Она помолчала. Форкосиган вгляделся в ее лицо.

— А теперь о чем задумалась? Огонек в глазах погас.

— Размышляю о том, что случилось с ее матерью. Я уверена, что встречалась с ней на флагмане. Длинные темные волосы, зовут Эленой... это могла быть только она. Невероятно хороша собой. Немудрено, что Форратьер обратил на нее внимание. Но так молода для таких ужасов...

— Женщинам не место на войне, — мрачно заметил Форкосиган.

— Да и мужчинам тоже, по-моему. Зачем ваши люди пытались стереть ее воспоминания? Это ты приказал?

— Нет, эта идея принадлежала хирургу. Ему было жаль ее. — На лбу его залегла напряженная складка, взгляд стал отстраненным. — Это было чудовищно. Тогда я этого не понимал. Теперь, кажется, понимаю. Когда Форратьер натешился досыта — а он с ней сам себя превзошел, даже по его меркам, — она была в полной прострации. Я... я опоздал, ей уже ничем нельзя было помочь, но я решил, что убью его, если это повторится снова, и к черту весь план императора. Сперва Форратьера, потом принца, потом себя. Командование перешло бы к Форхаласу...

— Так вот, Ботари... выпросил у Форратьера ее тело, если можно так выразиться. Забрал ее в свою каюту. Форратьер решил, что это для того, чтобы продолжать мучить ее — видимо, в подражание его драгоценной персоне. Он был польщен, и оставил их в покое. Ботари как-то удалось подпортить наблюдательные камеры в своей каюте. Никто даже смутного представления не имел, чем он там занимается в каждую свободную минуту. Но он пришел ко мне со списком лекарств, которые просил тайно ему достать. Обезболивающие мази, кое-какие противошоковые средства — очень продуманный список. Боевой опыт сделал его специалистом по оказанию первой помощи. Тогда до меня дошло, что он не мучает ее, а просто водит Форратьера за нос. Может, Ботари и безумец, но отнюдь не дурак. Он на свой лад любил ее, и ему хватило смекалки скрыть это от Форратьера.

— В подобных обстоятельствах это не кажется таким уж безумным, — заметила Корделия, вспоминая, что планировал Форратьер для Форкосигана.

— Да, но то, как он это делал... я пару раз мельком видел кое-что. — Форкосиган шумно выдохнул. — Он ухаживал за ней в своей каюте — кормил ее, одевал, мыл — и все время вел шепотом диалог сам с собой. Говорил за них обоих. Вероятно, он придумал для себя целый иллюзорный мир — мир, в котором она любила его, вышла за него замуж... что они живут как нормальная счастливая супружеская пара. Почему бы сумасшедшему не мечтать о нормальной жизни? Должно быть, она страшно пугалась, когда приходила в себя.

— Боже. Мне жаль его почти так же, как ее.

— Ну, не идеализируй. Он ведь и спал с ней, и я не сомневаюсь, что он ограничивал свои фантазии о семейной жизни одними словами. И в общем-то его можно понять. Разве мог Ботари при нормальных обстоятельствах хотя бы на сотню километров приблизиться к такой девушке?

— Хм, едва ли. Эскобарцы выставили против вас свои лучшие силы.

— Похоже, именно это воспоминание об Эскобаре он решил сохранить. Для этого нужна была невообразимая сила воли. Его обрабатывали несколько месяцев подряд.

— Уф, — выдохнула Корделия, чье воображение тут же нарисовало ряд неприятных картин. Хорошо, что у нее есть еще несколько часов на то, чтобы успокоиться, прежде чем она снова увидится с Ботари. — Пойдем выпьем, как собирались, а?

ГЛАВА 15

Лето уже близилось к концу, когда Форкосиган предложил поездку в Бонсанктлар. В назначенное для отъезда утро они уже начали укладывать вещи, когда Корделия, выглянув в окно, произнесла сдавленным голосом:

— Эйрел? Перед домом только что приземлился флайер, и из него вышли шесть вооруженных человек. Они рассыпались по всему участку.

Встревоженный Форкосиган тоже подошел к окну, но, разглядев новоприбывших, сразу успокоился.

— Все в порядке. Это люди графа Форталы. Должно быть, он приехал повидаться с моим отцом. Удивительно, как он сумел вырваться из столицы. Я слышал, император ему ни минуты покоя не дает.

Через несколько минут рядом с первым флайером приземлился второй, и Корделия впервые увидела премьер-министра Барраяра. Принц Серг, назвавший его сморщенным клоуном, конечно, преувеличил, но ненамного: Фортала был худощавым, ссохшимся стариком, но отнюдь не потерявшим живости. Он держал в руке трость, но по тому, как он ею размахивал, Корделия предположила, что скорее всего она нужна ему лишь для форсу. Коротко стриженные седые волосы обрамляли веснушчатую лысину, сиявшую на солнце. В сопровождении двух помощников (или телохранителей, Корделия так и не решила) он прошел к парадному входу, исчезнув из ее поля зрения.

Когда Корделия с Форкосиганом спустились вниз, оба графа стояли в холле, оживленно беседуя.

— А, вот и они, — произнес генерал, завидя сына и невестку.

Фортала оглядел их проницательными искрящимися глазами.

— Эйрел, мальчик мой. Рад видеть тебя в добром здравии. А это твоя бетанская Пенфесилея? Поздравляю со столь замечательной добычей. Миледи. — Он с комично-преувеличенной галантностью склонился поцеловать ей руку.

Корделия растерянно мигнула, услышав такое описание собственной персоны, но все же сумела пролепетать:

— Добрый день, сэр.

Фортала задумчиво заглянул ей в глаза.

— Я рад, что сумели выкроить время для визита, сэр, — сказал Форкосиган. — Мы с

женой, — он сделал особое ударение на этой фразе, смакуя ее, как глоток вина с великолепным букетом, — едва не разминулись с вами. Я обещал сегодня показать ей океан.

— Вот как... Должен тебя разочаровать — это не визит вежливости. Я просто посланец своего господина. И у меня, к сожалению, мало времени.

Форкосиган кивнул.

— Тогда я вас оставляю, джентльмены.

— Ха. Не пытайся увильнуть, парень. Я послан к тебе.

Форкосиган насторожился.

— Не думаю, что нам с императором все еще есть что сказать друг другу. По-моему, я достаточно ясно высказался на сей счет, когда подавал в отставку.

— Да, конечно, его вполне устраивало, что ты оставался вдали от столицы, пока шла грязная работа с министерством политвоспитания. Но мне поручено сообщить тебе, — он слегка поклонился, — настоятельную просьбу и требование посетить его величество. Сегодня днем. И твоей жене тоже, — добавил он, словно спохватившись.

— Зачем? — прямо спросил Форкосиган. — Если честно, то Эзар Форбарра не входит в мои планы на сегодня... да и на какой-либо другой день.

Фортала посерьезнел:

— Он не может дожидаться, пока тебе наскучит торчать в деревне. Он умирает, Эйрел.

Форкосиган фыркнул.

— Он умирает уже одиннадцать месяцев. Не может он поумирать еще немного?

Фортала усмехнулся.

— Пять месяцев, — рассеянно поправил он, затем задумчиво нахмурился, глядя на Форкосигана. — Хм. Ну, это пришлось очень кстати. За последние пять месяцев он избавился от стольких крыс, сколько не прихлопнул за все предыдущие двадцать лет. По бюллетеням о его состоянии можно было проследить перетряску министерств. Неделя первая: состояние очень тяжелое. Следующая неделя: очередной министр обвинен в растратах или чем-нибудь еще. — Он снова посерьезнел. — Но теперь нам уже не до шуток. Ты должен увидаться с ним сегодня. Завтра может быть уже поздно. А через две недели уже точно будет поздно.

Губы Форкосигана сжались.

— Для чего я ему понадобился? Он не сказал?

— Ах... Я полагаю, он приберег для тебя должность в правительстве, формирующемся на период регентства. То, о чем ты не хотел слышать в прошлый раз.

Форкосиган покачал головой.

— Не думаю, что есть должность, ради которой я соглашусь вернуться на эту арену. Ну, разве только... нет. Даже не военное министерство. Это слишком опасно. У меня здесь чудесная спокойная жизнь. — Он притянул Корделию к себе, словно защищая. — Мы собираемся обзавестись детьми. Я не собираюсь рисковать семьей, ввязываясь в эту гладиаторскую политику.

— Да, я так и представляю, как ты мирно доживаешь отпущенные тебе годы — и это в сорок четыре-то. Ха! Собираешь виноград, плаваешь на яхте... твой отец рассказал мне про твою яхту. Кстати, правда ли, что деревню Форкосиган-Сюрло собираются переименовать в твою честь в «Форкосиган-Сусло»?

Форкосиган фыркнул, и они обменялись ироничными поклонами.

— Так или иначе, тебе придется сказать ему об этом самому.

— Мне было бы... любопытно встретиться с этим человеком, — пробормотала Корделия. — Если это действительно последняя возможность.

Фортала улыбнулся ей, и Форкосиган неохотно уступил.

Они вернулись в спальню переодеться: Корделия — в свое самое официальное вечернее платье, Форкосиган — в зеленый парадный мундир, который не надевал со дня их свадьбы.

— Зачем так нервничать? — спросила Корделия. — Может, он просто хочет

попрощаться или что-нибудь в этом духе.

— Не забывай, мы говорим о человеке, который даже собственную смерть заставил служить своим политическим целям. И если существует способ править Барраярм из могилы, он наверняка найдет его. Мне еще ни разу не удалось его переиграть.

На этой двусмысленной ноте они присоединились к премьер-министру и вместе отправились в Форбарр-Султану.

* * *

Императорская резиденция была старинным зданием — на взгляд Корделии, почти музейным экспонатом. Они поднялись по истертым гранитным ступеням в восточный портик дворца. Длинный фасад был украшен множеством каменных барельефов, каждый из которых был подлинным произведением искусства. Весь облик дворца являл собой полную эстетическую противоположность безликим зданиям министерств, возвышавшихся в паре километрах к востоку отсюда.

Их провели в один из покоев, напоминавший одновременно и больничную палату, и выставку антиквариата. Из высоких окон открывался вид на английский сад, раскинувшийся к северу от резиденции. Главный обитатель комнаты лежал на огромной резной кровати, унаследованной от какого-то любившего роскошь предшественника. Тело его было утыкано утилитарными пластиковыми трубками, которые поддерживали в нем искру жизни.

Никогда еще Корделия не видела более бледного человека — Эзар Форбарра был так же бесцветен, как его седые волосы, так же бел, как простыни, на которых он возлежал. Кожа ввалившихся щек была белой и морщинистой. Белые отяжелевшие веки прикрывали карие глаза, так похожие на те, что она видела однажды — издали, нечетко, отраженными в зеркале. Сквозь бледную кожу рук проступали синеватые вены. Зубы казались желтоватыми на фоне бескровных губ.

Фортала и Форкосиган опустились на колени перед его ложем; после секундного замешательства Корделия последовала их примеру. Император слабо шевельнул пальцем, подавая знак дежурному врачу выйти. Тот, поклонившись, вышел. Они встали, причем Фортала — с явным трудом.

— Ну, Эйрел, — заговорил император, — Скажи мне, как я выгляжу.

— Очень больным, сэр.

Форбарра рассмеялся и тут же закашлялся.

— Общение с тобой так освежает. Первое честное высказывание, услышанное мною за несколько недель. Даже Фортала ходит вокруг да около. — Голос его сорвался, и он прочистил горло. — За прошлую неделю растерял последние остатки пигментов. Вышли вместе с мочой. А этот чертов врач больше не выпускает меня в сад днем. — Он фыркнул, то ли выражая неодобрение, то ли чтобы легче дышалось. — Так это твоя бетанка, хм? Подойди, девочка.

Корделия приблизилась к кровати, и белый старик пристально всмотрелся в нее своими карими глазами.

— Командор Иллиан рассказывал мне о вас. И капитан Негри тоже. Знаете, я просматривал ваше досье из Астроэкспедиции. И тот изумительный полет фантазии вашего психиатра. Негри даже хотел нанять эту дамочку, чтобы она генерировала идеи для его ведомства. Ну а Форкосиган есть Форкосиган: он рассказывал гораздо меньше. — Он помолчал, словно переводя дыхание. — А теперь скажите мне честно... что вы нашли в нем — надломленном... м-м, как там это говорилось... наемном убийце?

— Похоже, кое-что Эйрел вам все-таки рассказал, — сказала она, с изумлением услышав собственные слова из уст императора. Она глядела на него с неменьшим любопытством. Похоже, вопрос требовал искреннего ответа, и она постаралась сформулировать его как можно точнее.

— Наверное... я нашла в нем себя. Или кого-то очень похожего. Мы оба ищем одно и

то же, пусть и называем это разными именами и ищем в разных местах. Полагаю, он называет это честью, а я — милостью Божьей. По большому счету, мы оба остались ни с чем.

— Ах, да. В вашем досье упоминается, что вы верующая, — произнес император. — Сам я атеист. Незамысловатая религия, но очень утешает меня в эти дни.

— Да, я и сама нередко чувствовала ее притягательность.

— Хм. — Он улыбнулся. — Очень интересный ответ, в свете того, что Форкосиган сказал мне о вас.

— Что же он сказал, сэр? — с любопытством спросила Корделия.

— Попросите, чтобы он вам сам сказал. Это было по секрету. И очень поэтично. Я был удивлен.

Он сделал ей знак отойти, словно выяснил все, что хотел, и поманил Форкосигана ближе. Форкосиган встал перед ним в довольно агрессивном варианте позы «вольно». Его губы кривила сардоническая усмешка, но по глазам Корделия поняла, что он растроган.

— Как долго ты служил мне, Эйрел? — спросил император.

— Со времени получения офицерского звания — двадцать шесть лет. Или вы имеете в виду — телом и кровью?

— Телом и кровью. Я всегда вел счет с того дня, когда убийцы старого Юрия прикончили твою мать и дядю. В ту ночь твой отец и принц Ксав пришли ко мне в штаб-квартиру наземных войск с этим своим занятным предложением. Первый день гражданской войны Юрия Форбарры. Интересно, почему ее не назвали гражданской войной Петра Форкосигана? Ну да ладно. Сколько тебе было тогда?

— Одиннадцать, сэр.

— Одиннадцать. А мне было столько же, сколько сейчас тебе. Странно. Значит, ты служишь мне уже... черт, у меня уже затронут мозг...

— Тридцать три года, сэр.

— Боже. Спасибо. Немного времени осталось.

По циничному выражению лица Форкосигана Корделия поняла, что его совершенно не убедили признания императора в старческом маразме.

Старик снова прочистил горло.

— Я всегда хотел спросить тебя, что вы со стариной Юрием сказали друг другу в тот день двумя годами позже, когда мы наконец зарезали его в той старой крепости. С недавних пор меня сильно занимают последние слова императоров. Граф Форхалас думал, что ты играешь с ним.

Форкосиган зажмурился от болезненных воспоминаний.

— Едва ли. О, я думал, что мне не терпится нанести первый удар, пока его не раздели и не поставили передо мной. Тогда... у меня появилось желание ударить ему в горло, чтобы покончить с этим быстро и чисто.

Император, лежавший с закрытыми глазами, кисло улыбнулся:

— То-то было бы шуму!

— Хм. Наверное, по моему лицу он понял, что я дал слабинку. И презрительно ухмыльнулся. «Бей, мальчуган. Если посмеешь, когда на тебе мой мундир. Мой мундир на ребенке». Вот и все, что он сказал. Я ответил: «Вы убили всех детей в той комнате», — что было глупо, но ничего лучшего я в тот момент не мог придумать, а потом ударил его в живот. Позже я часто жалел, что не сказал... не сказал что-нибудь другое. Но больше всего я жалел, что у меня не хватило духу последовать моему первому побуждению.

— Там, на парاپете, под дождем, ты был совершенно зеленый.

— Тогда он начал кричать. И я проклинал тот день, когда ко мне вернулся слух.

Император вздохнул.

— Да, я помню.

— Вы подстроили все это.

— Кто-то должен был.

Император помолчал, отдыхая, затем продолжил:

— Ну, я вызвал тебя не для того, чтобы поболтать о старых временах. Сообщил ли тебе мой премьер-министр о моих намерениях?

— Что-то насчет должности. Я сказал ему, что меня это не интересует, но он отказался передать мое сообщение.

Форбарра устало закрыл глаза и проговорил, обращаясь к потолку:

— Скажите мне... лорд Форкосиган... кто должен стать регентом Барраяра?

Форкосиган выглядел так, будто он откусил что-то горькое, но благовоспитанность не позволяет ему сплюнуть.

— Фортала.

— Слишком стар. Шестнадцать лет он не протянет.

— Тогда принцесса.

— Генеральный штаб съест ее живьем.

— Фордариан?

Глаза императора распахнулись.

— О, Бога ради! Прочисти мозги, парень!

— У него есть кое-какая военная подготовка.

— Мы можем подробно обсудить его недостатки — если доктора дадут мне пожить еще неделю. У тебя остались еще какие-нибудь остроты, или мы можем перейти к делу?

— Квинтиллиан из министерства внутренних дел. И это не шутка.

Император оскалил желтые зубы в усмешке.

— Так значит, у тебя все же нашлось доброе слово для моих министров. Теперь я могу спокойно умереть — я слышал все на этом свете.

— Графы никогда не проголосуют за человека без приставки «фор» в имени, — сказал Фортала. — Даже если бы он ходил по воде аки посуху.

— Ну так сделайте его фором. Дайте ему титул, соответствующий должности.

— Форкосиган, — ужаснулся Фортала, — Он же не из воинской касты!

— Как и многие из наших лучших солдат. Мы все форы лишь потому, что какой-то давно умерший император дал титул кому-то из наших предков. Почему бы не возродить этот обычай и не сделать титул наградой за заслуги? А еще лучше объявить форами всех поголовно и раз и навсегда покончить с этой чепухой.

Император рассмеялся, потом поперхнулся и снова зашелся кашлем.

— Ну, разве это не гениальный способ выбить почву из-под ног нашей Лиги защиты простолюдинов? Какое заманчивое контр-предложение в ответ на их призывы уничтожить аристократию! Не думаю, что даже самому рьяному из них могло бы прийти в голову столь радикальное решение. Вы опасный человек, лорд Форкосиган.

— Вы спросили моего мнения.

— Да, верно. И ты всегда его мне высказывал. Странно. — Император вздохнул. — Перестань юлить, Эйрел. От этого тебе все равно не отвертеться. Позволь мне изложить все вкратце. Для регентства необходим человек безупречного происхождения, не старше среднего возраста, с хорошим военным послужным списком. Он должен быть популярен среди подчиненных ему офицеров и рядовых, хорошо известен народу, и прежде всего — он должен пользоваться уважением генштаба. Достаточно безжалостен, чтобы удерживать практически абсолютную власть в этом сумасшедшем доме в течение шестнадцати лет, и достаточно честен, чтобы по прошествии этих шестнадцати лет передать ее мальчишке, который, без сомнения, будет идиотом. Я был таким в свои двадцать, да и ты, насколько я помню, тоже... Ах, да — еще он должен быть женат и счастлив в браке. Это уменьшает соблазн стать постельным императором через принцессу. Короче говоря, это должен быть ты.

Фортала ухмыльнулся. Форкосиган нахмурился.

У Корделии засосало под ложечкой.

— О, нет, — напряженно проговорил Форкосиган. — Этого вам на меня не взвалить. Это дикость. Чтобы я, я и никто другой, занял место его отца, говорил с мальчиком от его

имени, стал советником его матери... это не просто дико. Это непристойно. Нет.

Фортала был явно озадачен его горячностью.

— Некоторая скромность ради приличия — это одно, Эйрел, но нельзя же так перебарщивать! Если тебя тревожит голосование, то можешь не сомневаться — голоса большинства уже у нас в кармане. Все видят, что ты самый подходящий кандидат на эту роль.

— Все совершенно определенно этого не видят. Фордариан тотчас станет моим врагом, также как и министр запада. А что касается абсолютной власти, то вам, сэр, известно, насколько эфемерное это понятие. Хрупкая иллюзия, основанная на... одному Богу известно, на чем. На магии. Ловкости рук. Вере в собственную пропаганду.

Император пожал плечами — очень осторожно, чтобы не сбить опутывающие его трубки.

— Ну, это будет уже не моя проблема. Пусть об этом беспокоятся принц Грегор и его мать. И... тот человек, которого удастся уговорить поддержать их в трудный час. Как долго, по-твоему, они продержатся без помощи? Один год? Два?

— Полгода, — пробормотал Фортала.

Форкосиган покачал головой.

— Вы и в прошлый раз, перед Эскобаром, зажали меня в угол этим аргументом — «что будет, если». Он был ложным тогда — хотя мне понадобилось некоторое время, чтобы понять это. И сейчас это тоже ложь.

— Не ложь, — возразил император. — Ни тогда, ни сейчас. Я обязан так думать.

Форкосиган слегка сдал назад:

— Да, я понимаю, что обязаны. — Он напряженно всматривался в человека, лежащего на роскошной постели. — Но почему именно я? У Форталы больше политического опыта. У принцессы больше прав. Квинтиллиан обладает большей хваткой в том, что касается внутренних дел. У вас есть даже более талантливые военные стратеги. Форлакиал. Или Канзиан.

— Но третьего ты уже не назовешь, — пробормотал император.

— Ну... возможно. Но вы должны понять меня. Я не настолько незаменим, как вы по какой-то непонятной причине считаете.

— Как раз напротив. С моей точки зрения, ты обладаешь двумя уникальными преимуществами. Я не упускал их из виду с того дня, как мы убили старину Юрия. Я всегда помнил, что не буду жить вечно... слишком много яда скопилось в моих хромосомах. Он скапливался во мне, пока я воевал с цетагандийцами под началом твоего отца, не заботясь о чистоте методов, не надеясь дожить до старости. — Император снова улыбнулся и перевел взгляд на Корделию, внимательно и неуверенно следившую за их беседой. — Из пяти людей, имеющих по крови и закону больше прав на баррарскую империю, чем я, ты возглавляешь список. Ха! — добавил он. — Я был прав. Так и знал, что ты не сказал ей. Нечестно, Эйрел.

Побледневшая Корделия обратила широко распахнутые серые глаза на Форкосигана. Тот раздраженно помотал головой:

— Неправда. Наследование по материнской линии.

— Спор, который мы не станем продолжать здесь. Но если кто-нибудь вздумает низложить принца Грегора на основании законов о наследовании, то ему придется сперва либо ликвидировать тебя, либо предложить тебе империю. Мы все знаем, как трудно тебя убить. И ты — единственный человек, единственный в этом списке, который, я знаю абсолютно точно, не рвется к трону. И свидетельством тому — развеянный по ветру прах Юрия Форбарры. Другие могут думать, что ты просто кокетничаешь. Но я-то знаю.

— Спасибо вам за это, сэр, — ответил Форкосиган с угрюмым видом.

— В качестве довода я могу тебе напомнить, что в роли регента тебе легче всего предотвратить такой поворот событий. Грегор — твой спасательный круг, мой мальчик. Грегор — это все, что стоит между тобой и риском стать мишенью. Твоя единственная надежда на рай.

Граф Фортала повернулся к Корделии.

— Леди Форкосиган, не присоедините ли вы к нам свой голос? Кажется, вы очень хорошо его понимаете. Скажите ему, что эта работа как раз для него.

— Когда мы пришли сюда, — медленно проговорила Корделия, — с этим туманным обещанием должности, я предполагала, что стану уговаривать его согласиться. Ему нужна большая работа. Он создан для нее. Должна признаться, что такого предложения я не ждала. — Она уставилась на вышитое порывало, не в силах оторвать глаз от замысловатого пестрого узора. — Но я всегда считала, что... испытания — это дар. А великие испытания — великий дар. Не выдержать испытания — это несчастье. Но отказаться от него — значит отказаться от дара. А это хуже, более непоправимо, чем несчастье. Вы понимаете, о чем я?

— Нет, — сказал Фортала.

— Да, — сказал Форкосиган.

— Мне всегда казалось, что верующие гораздо безжалостнее атеистов, — заметил Эзар Форбарра.

— Если ты действительно считаешь это неправильным, — продолжала Корделия, обращаясь к Форкосигану, — это одно. Может, в этом и состоит твое испытание. Но если все дело только в боязни поражения... Ты не имеешь права отвергнуть такой дар.

— Это непосильная ноша.

— Иногда такое случается.

Он молча отвел ее в сторону, к высоким окнам.

— Корделия... ты даже не представляешь, что это будет за жизнь. Ты думаешь, наши государственные деятели окружают себя охраной ради престижа? Если у них и бывает хоть минута покоя, то она покупается ценой бдительности двадцати человек. Никакого сепаратного мира. Три поколения императоров истратили себя без остатка, пытаясь распутать узел насилия в нашей политике, но до сих пор конца этому не видно. И я не стану тешить себя тщеславной мыслью, что смогу преуспеть там, где он потерпел неудачу. — Он указал взглядом на огромную кровать.

Корделия покачала головой.

— Неудача не пугает меня так, как раньше. Но я хотела бы процитировать тебе одно высказывание. «Уход, не имеющий других мотивов, кроме собственного покоя, — это окончательное поражение, без единого зернышка будущей победы». По-моему, человек, сказавший это, знал, что говорит.

Форкосиган повернулся к окну, невидяще глядя вдаль.

— Дело даже не в желании покоя. Сейчас я говорю о страхе. О самом элементарном, некрасивом ужасе. — Он печально улыбнулся ей. — Знаешь, когда-то воображал себя храбрецом. Потом встретил тебя и вновь открыл для себя страх. Я уже забыл, что значит жить будущим.

— Да, я тоже.

— Я не обязан принимать это предложение. Я могу отказаться.

— Можешь?

Их глаза встретились.

— Это не та жизнь, которой ты ждала, покидая Колонию Бета.

— Я приехала не за какой-то жизнью. Я приехала к тебе. Ты хочешь этого?

Он надтреснуто рассмеялся.

— Господи, что за вопрос. Такой шанс выпадает раз в жизни. Да. Я хочу этого. Но это яд, Корделия. Власть — страшный наркотик. Посмотри, что она сделала с ним. Он ведь тоже когда-то был нормальным и счастливым человеком. Наверное, любое другое предложение я мог бы отвергнуть даже не моргнув глазом.

Фортала демонстративно оперся на свою палку и громко произнес:

— Решайся же, Эйрел. У меня уже ноги заболели. К чему эта неуместная деликатность? Любой из моих знакомых пошел бы на убийство ради этой должности. А тебе предлагают ее без всяких условий.

Только Корделия и император знали, отчего Форкосиган коротко рассмеялся. Затем он вздохнул, посмотрел на своего господина и кивнул.

— Ну что ж, старик. Я знал, что ты найдешь способ править из могилы.

— Да. Мой призрак будет преследовать тебя постоянно.

Повисла короткая пауза — император привыкал к своей победе.

— Тебе нужно немедленно заняться формированием собственного штата. Капитана Негри я оставлю принцессе и моему внуку, для их службы безопасности. Но, возможно, ты захочешь взять себе командора Иллиана.

— Да. Я думаю, мы с ним отлично сработаемся. — Темное лицо Форкосигана осветила какая-то приятная мысль. — И я знаю, кому поручу работу моего личного секретаря. Только его надо для этого повысить — дать лейтенанта.

— Фортала позаботится об этом. — Император устало откинулся на подушки и снова откашлялся. Губы его посерели. — Позаботится обо всем. Наверное, лучше позвать врача обратно. — Слабым взмахом руки он велел им удалиться.

* * *

Выйдя из императорской резиденции, Форкосиган и Корделия окунулись в теплый воздух позднего летнего вечера — мягкий и чуть сероватый из-за тумана, поднимавшегося с реки. За ними следовали их новые телохранители, облаченные в знакомую черную форму.

Только что закончилось продолжительное совещание с Форталой, Негри и Иллианом. У Корделии голова пошла кругом от количества охваченных при обсуждении вопросов. Она с завистью заметила, что Форкосигану не составляло никакого труда уследить за ними; более того — он сам и задавал темп.

В его лице проявилась напряженная сосредоточенность, целеустремленность, энергия была ключом — таким она его еще не видела после своего приезда на Барраяр. «Он снова ожил, — думала она. — Взгляд обращен наружу, а не внутрь; вперед, а не назад. Как при первой нашей встрече. Я рада. Чем бы это нам ни грозило».

Форкосиган щелкнул пальцами и загадочно произнес:

— Нашивки. Первая остановка — резиденция Форкосиганов.

Они проезжали мимо официальной графской резиденции во время их последней поездки в Форбарт-Султану, но внутри дома Корделия была впервые. Перепрыгивая через две ступеньки, Форкосиган взбежал по широкой винтовой лестнице вверх, к себе. Его комната была просторной, скромно обставленной, с окнами, выходящими на сад позади дома. На ней лежала та же печать долгих отлучек хозяина, что и на комнате Корделии в доме ее матери. В шкафах и ящиках залежали археологические слои прежних увлечений.

Само собой разумеется, там обнаружили следы интереса к стратегическим играм, военной и общей истории. Гораздо более удивительной находкой стала папка с пожелтевшими от времени рисунками, выполненными карандашом и тушью. Форкосиган вытащил ее, роясь в ящике, набитом медалями и сувенирами вперемешку со всяким хламом.

— Это твой? — полюбопытствовала Корделия. — Очень неплохо.

— Увлекался, когда был подростком, — объяснил он, продолжая копаться в ящике. — И потом тоже. Забросил, когда мне было за двадцать. Времени не хватало.

Его коллекция медалей могла поведать занятную историю. Ранние, не слишком значительные награды были аккуратно разложены и приколоты к бархатным подушечкам с соответствующими надписями. Поздние, куда более почетные, были небрежно свалены в банку. Одна из медалей, в которой Корделия распознала высшую барраярскую награду за доблесть, была запихана в дальний угол ящика, и лента ее смялась и запуталась.

Она присела на кровать и пролистала содержимое папки. В основном это были тщательно прорисованные архитектурные зарисовки, но нашлось там и несколько набросков фигур и портретов, выполненных в менее уверенной манере. На некоторых была изображена изумительно красивая молодая женщина с короткими темными кудрями — иногда одетая,

иногда обнаженная. Прочитав подписи к ним, потрясенная Корделия поняла, что это портрет первой жены Форкосигана. Среди его вещей больше нигде не встречалось ее изображений. Были там и три рисунка с изображением смеющегося молодого человека и подписью «Гес», лицо которого казалось щемяще знакомым. Корделия мысленно добавила ему двадцать лет и двадцать пять килограмм веса, и комната словно покачнулась, когда она узнала адмирала Форратьера. Она поспешно закрыла папку.

Форкосиган наконец нашел то, что искал: пару красных лейтенантских нашивок.

— Отлично. Так быстрее, чем заезжать в штаб-квартиру.

* * *

В императорском военном госпитале их остановил санитар.

— Сэр? Часы посещения уже закончились, сэр.

— Что, разве вам из штаб-квартиры никто не позвонил? Где там этот хирург?

Наконец отыскался хирург Куделки — тот самый, который работал над его рукой во время первого визита Корделии.

— Адмирал Форкосиган, сэр. Нет, разумеется, ограничение часов посещения на него не распространяются. Спасибо, санитар, вы свободны.

— На этот раз я не просто посетитель, доктор. Официальное дело. Я намерен избавить вас от вашего пациента, если его физическое состояние позволяет. Куделка получил новое назначение.

— Новое назначение? Да он через неделю должен быть комиссован! Какое может быть назначение? Что, никто не читал моих докладов? Он едва может ходить.

— Ему и не обязательно. Его новая должность — административная. Надеюсь, руки у него работают нормально?

— Вполне.

— Лечение уже завершено?

— Остались сущие пустяки, несколько последних проверок. Я просто держал его до конца месяца, чтобы у него закончился четвертый год службы. Все-таки прибавка к пенсии.

Перебрав дискеты и бумаги, Форкосиган выдал нужные доктору:

— Вот. Запишите это в свой компьютер и выпишите его. Пойдем, Корделия, сделаем ему сюрприз. — За весь день он не выглядел счастливее, чем сейчас.

Куделку они застали одетым все еще по-дневному в черную полевую форму. Он мучил свою руку упражнением на координацию, тихонько чертыхаясь.

— Здравствуйте, сэр, — рассеянно поприветствовал он Форкосигана. — Беда этой чертовой жестяной нервной системы в том, что ее ничему нельзя обучить. Тренировка помогает только живому. Прямо хоть головой об стенку бейся. — Он со вздохом прекратил упражнения.

— Лучше не стоит. Голова тебе еще пригодится.

— Наверное. Хотя это никогда не было моей сильной стороной. — Куделка задумчиво и подавленно устался в стол, потом вспомнил, что перед командиром надо держаться жизнерадостно. Поднимая глаза, он случайно взглянул на часы. — А почему вы здесь так поздно, сэр?

— Приехал по делам. Так какие у вас планы на следующие несколько недель, мичман?

— Ну, на следующей неделе меня отправляют в отставку. Я ненадолго съезжу домой. Потом, наверное, начну искать работу. Еще не знаю, какую именно.

— Мне очень жаль нарушать ваши планы, лейтенант Куделка, — проговорил Форкосиган, сохраняя невозмутимое выражение лица, — но вы получили новое назначение.

И он выложил на столик — по очереди, как отличную карточную комбинацию, — новое назначение Куделки, приказ о повышении и пару красных нашивок на воротник.

Никогда еще Корделия с таким удовольствием не любовалась выразительной физиономией Куделки. В тот момент его лицо являло собой картину замешательства и

просыпающейся надежды. Он осторожно взял назначение и прочитал его.

— О, сэр! Я знаю, что это не шутка, но здесь, должно быть, какая-то ошибка! Личный секретарь избранного регента? Я в этом ничего не понимаю. Это непосильная работа, я не справлюсь!

— Знаете, почти то же самое сказал и сам избранный регент, когда ему предложили эту работу, — сказала Корделия. — Значит, будете учиться вместе.

— Почему он выбрал меня? Вы порекомендовали, сэр? Если уж на то пошло... — Он перевернул лист приказа, перечитывая его заново, — ...кто, собственно, станет регентом?

Он поднял глаза на Форкосигана и наконец понял.

— Боже мой, — прошептал он. Вопреки ожиданиям Корделии, он не расплылся в поздравительной улыбке; напротив, посерьезнел. — Это... адская работа, сэр. Но по-моему, правительство наконец сделало правильный шаг. Для меня будет большой честью снова служить вам. Спасибо.

Форкосиган кивнул, соглашаясь и принимая благодарность.

Но, взяв приказ о производстве, Куделка все-таки ухмыльнулся.

— И за это вам тоже спасибо, сэр.

— Не благодари меня заранее. Я из тебя за них кровавый пот выжму.

Улыбка Куделки стала еще шире.

— Это нам не впервой.

Он неуклюже завозился нашивками.

— Позвольте мне, лейтенант, — попросила Корделия. Он поднял на ее оборонительный взгляд. — Мне будет приятно, — добавила она.

— Почту за честь, миледи.

Корделия очень аккуратно прикрепила нашивки к его воротнику и отступила назад, любясь своей работой.

— Мои поздравления, лейтенант.

— Завтра можете получить новенькие, блестящие, — сказал Форкосиган. — А на сегодня сойдут и эти. Сейчас я тебя отсюда забираю. Разместим тебя на ночь в резиденции графа, моего отца, потому что работа начинается завтра на рассвете.

Куделка потрогал красные прямоугольнички.

— Это ваши, сэр?

— Когда-то были мои. Надеюсь, с ними к тебе не прилипнет мое всегдашнее невезение... Носи их на здоровье.

Куделка кивнул и понимающе улыбнулся. Он явно счел жест Форкосигана куда более многозначительным, чем тот позволил себе выразить на словах. Но они оба прекрасно понимали друг друга и без слов.

— Вряд ли мне понадобятся новые, сэр. Люди подумают, что я еще вчера был мичманом.

* * *

Позже, лежа в уютной темноте в городском доме графа, Корделия вспомнила кое о чем, вызвавшем ее любопытство.

— Что ты сказал императору обо мне?

Он пошевелился рядом с ней и заботливо накрыл ее плечо простыней.

— Хм? Ах, это. — Он помедлил. — Эзар расспрашивал меня о тебе во время нашего спора об Эскобаре. Подразумевал, что ты поколебала мою выдержку. Я тогда не знал, увижу ли тебя снова. Он хотел понять, что я нашел в тебе. Я сказал ему... — он снова замялся, и продолжил почти робко, — что ты, словно родник, источающий воду, распространяешь честь повсюду вокруг себя.

— Вот чудно. Я совсем не ощущаю себя исполненной чести, или чего-либо еще — кроме, пожалуй, растерянности.

— Естественно. Источник ничего не оставляет для себя.

ЭПИЛОГ

Разбитый корабль висел в пространстве — темная громада, плывущая во мраке. Он все еще вращался — медленно, еле заметно; вот его край затмил и поглотил яркую точку звезды. Прожекторы уборочной команды высвечивали каркас бывшего корабля.

«Муравьи, раздирающие мертвую бабочку, — думал Феррел, глядя на обзорный экран. — Падальщики...»

Он резко выдохнул, пытаясь справиться со смятением, и представил себе корабль таким, каким он был всего несколько недель назад. Мысленно выправил повреждения, соединил обломки... И перед его внутренним взором предстал крейсер, оживленный узором пестрых огней, которые всегда напоминали Феррелу ночной праздник на другом берегу реки. Послушный любому движению разума, обитающего под пилотским шлемом, на контактах которого человек и машина соединялись и сливались воедино. Стремительный, сверкающий, практичный... Его больше нет.

Феррел посмотрел направо и смущенно откашлялся.

— Итак, медтехник, — обратился он к женщине, которая стояла рядом с его креслом, так же безмолвно глядя на экран. — Вот наша отправная точка. Полагаю, для начала надо задать параметры поиска.

— Да, пожалуйста, офицер-пилот. — Ее грубоватый низкий голос соответствовал ее возрасту — по предположению Феррела, около сорока пяти. Темные, пронизанные сединой волосы были коротко подстрижены — ради удобства, а не для красоты; бедра раздались. На рукаве темно-красной формы медицинской службы Эскобара поблескивала впечатляющая коллекция узеньких серебряных шевронов, каждый — за пять лет службы. Похоже, ветеран. У Феррела не было пока ни одного, и его бедра — да и все тело — еще сохраняли юношескую худощавость.

Но она всего лишь техник, напомнил он себе, даже не врач. А он дипломированный пилот, офицер флота. Его нейронные импланты полностью отлажены, обучение по взаимодействию с кораблем завершено. Он закончил обучение, получил диплом и сертификат пилота — к своему глубочайшему огорчению, всего на каких-то три дня опоздав к участию в войне, которую уже называли Стодвадцатидневной. Хотя на самом деле она продлилась всего 118 дней и еще чуть меньше часа, считая с того момента, когда авангард барраярского флота проник в локальное пространство Эскобара, и заканчивая той минутой, когда последние уцелевшие корабли противника, уходя от контратаки, юркнули в нору п-в-туннеля.

— Вы останетесь здесь, чтобы сразу быть наготове? — спросил он. Она покачала головой.

— Пока нет. Этот близлежащий район за последние три недели уже основательно прочесали. Я не думаю, что мы обнаружим хоть что-то на первых четырех витках, хотя никогда не помешает проверить еще раз. Мне нужно кое-что подготовить на своем рабочем месте, а потом я, пожалуй, ненадолго вздремну. У нас в последние месяцы было очень много работы, — добавила она извиняющимся тоном. — Народу не хватает, вы же знаете. Но если все-таки найдете что-нибудь, пожалуйста, позовите меня. Когда есть возможность, я предпочитаю сама производить захват.

— Хорошо. — Он развернул свое кресло к пульта. — На какую минимальную массу вы хотите настроиться? Наверное, килограмм сорок?

— Я предпочитаю стандарт в один килограмм.

— Один килограмм?! — Он изумленно воззрился на нее. — Вы шутите?

— Шучу? — Она с недоумением посмотрела на него, потом на лице ее отразилось понимание. — О, конечно. Вы оперируете понятиями целого... Видите ли, я могу провести идентификацию даже по совсем небольшому фрагменту. Я бы не возражала против сбора и

более мелких частиц, но при поисковой массе менее одного кило тратишь слишком много времени на ложные тревоги — микрометеоры и прочий мусор. Один килограмм представляется наиболее практичным компромиссом.

— Уф. — Но он послушно настроил сенсоры на минимальную массу в один килограмм и запустил программу поиска.

Она коротко кивнула ему и покинула крохотную рулевую рубку.

Их устаревший курьерский корабль был вытасчен с корабельной свалки и спешно переоснащен под транспортировщик личного состава — для средних чинов, поскольку все новые корабли успели прибрать к рукам высшие чины. Но, как и сам Феррел, корабль немного опоздал с выпуском и не успел принять участия в войне. Так что их обоих направили на это скучное задание, которое, по его мнению, было ничем не лучше работы сантехника. А может, даже хуже.

Феррел бросил последний взгляд на экран переднего обзора, на котором виднелись корабельные останки с торчащим наружу каркасом — наподобие костей, выпирающих из разлагающейся шкуры, — и покачал головой, удрученный бессмысленностью всего этого. Затем с удовлетворенным вздохом он опустил рамку шлема на голову, подсоединив его к серебристым кружочкам на лбу и висках, закрыл глаза и приступил к управлению кораблем.

Он ощутил, как вокруг него раскинулся космос, текучий, как морская вода. Он был кораблем, он был рыбой, он был человеком-амфибией — беспредельным, не нуждающимся в дыхании, не испытывающим боли. Он включил двигатели, будто исторгнув пламя из кончиков пальцев, и начал медленный проход по поисковой спирали.

* * *

— Медтехник Бони? — проговорил он, связавшись через интерком с ее каютой. — Кажется, у меня есть кое-что для вас.

Она появилась на экране интеркома, потирая заспанные глаза.

— Уже? Который час? Ох. Должно быть, я вымоталась еще сильнее, чем предполагала... Сейчас буду, пилот.

Феррел потянулся и проделал несколько упражнений, не вылезая из кресла. Это была долгая и нудная вахта. Он должен был бы проголодаться, но то, что созерцал он сейчас на обзорных экранах, отбило у него всякий аппетит.

Вскоре заявила Бони и села в соседнее кресло.

— О, совершенно верно, офицер-пилот. — Она включила управление внешним буксирным лучом и размяла пальцы, прежде чем прикоснуться к пультам.

— Да, тут сомневаться не приходится, — согласился он, откидываясь на спинку кресла и наблюдая за ее работой. — А зачем так нежничать с буксиром? — любопытствовал он, заметив, какую малую мощность она использует.

— Ну, они ведь заморожены насквозь, понимаете, — ответила она, не отрывая взгляда от показателей приборов. — Хрупкие. Если перемещать их слишком быстро, то они могут удариться обо что-нибудь и разбиться вдребезги. Давайте-ка сперва прекратим это отвратительное вращение, — добавила она, будто бы про себя. — Медленное вращение еще ничего. Вполне презентабельно. Но вот такое быстрое верчение... наверное, им от него не по себе, вам не кажется?

Он оторвал взгляд от экрана и уставился на нее.

— Они же мертвы, мадам!

Она медленно улыбнулась, глядя на экран. Труп, раздувшийся от декомпрессии, со скрюченными, точно сведенными судорогой, руками и ногами, тихо подплывал к грузовому отсеку.

— Ну, это же не их вина, правда? Это один из наших, я вижу его форму.

— Фу! — повторил он, потом смущенно рассмеялся. — Вы ведете себя так, будто наслаждаетесь этим.

— Наслаждаюсь? Нет... Но я уже девять лет работаю в службе поиска и опознания. Я не переживаю. И уж конечно, работа в космосе всегда приятней, чем планетарная.

— Приятней? С этой кошмарной декомпрессией?

— Да, но зато низкая температура. Никакого разложения.

Он сделал глубокий вдох и медленно выдохнул.

— Понятно. Наверное... через какое-то время немного... черствеешь. А правда, что ваша братия называет их трупольдышками?

— Некоторые называют, — признала она. — Я — нет.

Она осторожно провела искореженный труп через шлюз грузового отсека и закрыла люк. — Установить температурный режим на медленную разморозку, и через несколько часов с ним можно будет работать, — пробормотала она, поднимаясь с кресла.

— Как же вы называете их? — спросил он.

— Людьми.

Вознаградив его изумление легкой улыбкой, Бони отправилась во временный морг, разместившийся по соседству с погрузочным отсеком. Во время перерыва Феррел, влекомый нездоровым любопытством, тоже спустился туда и опасно заглянул в дверь. Медтехник сидела за своим рабочим столом. Стол в центре помещения еще пустовал.

— Э-э... привет.

Она подняла голову и улыбнулась.

— Здравствуйте, офицер-пилот. Заходите.

— Э-э, спасибо. Знаете, ни к чему все эти церемонии. Зовите меня Фалько, если хотите, — сказал он, входя.

— Конечно. А меня зовут Терса.

— Ой, правда? У меня есть кузина, тоже Терса.

— Это распространенное имя. Когда я училась в школе, в моем классе всегда было не меньше трех Терс. — Она встала и проверила показания индикатора у двери грузового отсека. — Сейчас он уже почти готов к обработке. Вытащен на берег, если можно так выразиться.

Феррел шмыгнул носом и откашлялся, раздумывая, остаться ему или уйти.

— Что за дикая рыбалка. — «Пожалуй, все-таки лучше уйти».

Она взяла пульт управления гравиплатформы и провела ее за собой в грузовой отсек. Оттуда донесся глухой стук, а затем из дверей выплыла управляемая медтехником платформа — уже загруженная. Труп был облачен в синюю форму корабельного офицера и густо покрыт изморозью, которая облупливалась и капала на пол, когда Бони перекладывала тело на стол. Феррел поежился от отвращения. «Определенно следует уйти». Но он продолжал стоять, прислонившись к дверному косяку и наблюдая с безопасного расстояния.

Она взяла с переполненной полки над столом некое устройство, подсоединенный шнуром к компьютеру. Инструмент размером с карандаш, направленный на глаза трупа, испустил тонкий синий лучик.

— Идентификация по сетчатке, — объяснила Терса. Вытащив с полки аналогично подключенную прямоугольную пластину, она поочередно прижала ее к каждому пальцу омерзительной туши. — И по отпечаткам пальцев, — продолжила она. — Я всегда проделываю обе процедуры, а потом проверяю, совпадает ли результат. Одному только тесту на сетчатку доверять нельзя — глаза могут быть повреждены. А ошибочная идентификация может причинить боль родным. Хм-м. — Она поглядела на экран. — Лейтенант Марко Делео. Двадцать два года от роду. Ну что ж, лейтенант, — любезно обратилась она к покойнику, — посмотрим, что я могу сделать для вас.

Она приложила специальный разрядник к суставам, восстанавливая их подвижность, и начала раздевать труп.

— А вы часто разговариваете с... ними? — спросил обескураженный Феррел.

— Всегда. Вежливость, знаете ли. Некоторые процедуры, которым я их подвергаю, довольно-таки не деликатны, но их все же можно проделать с учтивостью.

Феррел покачал головой.

— Я лично считаю, что это непристойно.

— Непристойно?

— Вся эта возня с мертвыми телами. Столько усилий и затрат на то, чтобы собрать их. То есть, им-то ведь уже все равно. Пятьдесят-сто килограмм разлагающегося мяса. Лучше было бы просто оставить их в космосе.

Ничуть не обиженная Бони пожала плечами, продолжая заниматься своим делом. Она сложила одежду и разобрала содержимое карманов, выложив его в ряд на столе.

— Мне нравится осматривать карманы, — заметила она. — Вспоминаю, как в детстве я ходила к кому-нибудь в гости. Когда я зачем-нибудь поднималась на верхний этаж, то любила заглядывать в комнаты и смотреть, какие вещи есть у хозяев дома, как они их содержат. Опрятные комнаты всегда внушали мне уважение — сама я никогда не умела держать вещи в порядке. А если в комнате был кавардак, то я знала, что встретила родственную душу. Вещи человека — это нечто вроде внешней оболочки его разума, наподобие раковины моллюска. Я люблю представлять себе, какими людьми они были, судя по их карманам. Кто аккуратным, кто неряхой; кто держал в карманах только самое необходимое, кто набивал их личными вещами... Вот, например, лейтенант Делео. Должно быть, он был очень ответственным. Все строго по уставу, за исключением маленького видеодиска из дома. Наверное, от жены. По-моему, он был довольно милым человеком.

Она аккуратно сложила коллекцию вещей в пакет с соответствующей биркой.

— Но вы же не собираетесь смотреть эту запись? — ужаснулся Феррел.

— Нет, конечно. Это было бы вторжением в частную жизнь.

Он хрипло хохотнул:

— Не улавливаю разницы.

— Ах.

Она закончила медицинский осмотр, подготовила пластиковый мешок и принялась обмывать труп. Когда она до осторожной чистки в области гениталий, необходимой из-за расслабления сфинктера, Феррел наконец удрал.

«Она просто чокнутая, — думал он. — Интересно, она выбрала такую работу, потому что у нее не все дома, или наоборот — работа стала причиной ее помешательства?»

Феррелу приснилось, что он плывет на шхуне по морю и вытягивает из воды сети, полные мертвецов — мокрых, переливающихся разноцветной чешуей; он поднимал их на борт и сваливал в трюм. Он проснулся, обливаясь холодным потом. Каким облегчением было вернуться в пилотское кресло и снова стать одним целым с кораблем. Корабль был чистым, холодным и совершенным, бессмертным подобно богу; можно было забыть, что у тебя когда-то был сфинктер.

* * *

Прошел еще целый день, прежде чем они выловили очередную рыбу.

— Странная траектория, — заметил Феррел, когда Бони заняла свое место за пультом управления буксиром.

— Да... О, я вижу его. Это барраярец. Далеко же его занесло.

— Тьфу ты. Вышвырните его обратно.

— О, нет. У нас есть идентификационные данные на всех их погибших. Это ведь было частью мирных соглашений, также как и обмен пленными.

— Если вспомнить, что они вытворяли с нашими пленными, не думаю, что мы обязаны что-то делать для них.

Она пожала плечами.

Барраярский офицер оказался высоким, широкоплечим человеком; судя по нашивкам на воротнике — командором. Медтехник окружила его такой же заботой, что и лейтенанта Делео. И даже большей: она приложила немалые усилия на то, чтобы выпрямить тело, и

долго массируя кончиками пальцев покрытое пятнами лицо, стараясь вернуть ему хоть мало-мальски человеческий облик. Феррел наблюдал за этим процессом с всевозрастающим отвращением.

— Жаль, что у него так сильно раздвинулись губы, — заметила Терса между делом. — Это придает ему нехарактерно хищный вид. По-моему, он был довольно симпатичным парнем.

В одном из его карманов обнаружился небольшой медальон, в котором был спрятан крохотный стеклянный пузырек с прозрачной жидкостью. Внутренняя сторона золотой крышки была густо испещрена причудливыми завитками барраярского алфавита.

— Что это? — любопытствовал Феррел.

Поднеся медальон к свету, она внимательно рассмотрела его.

— Это что-то вроде талисмана, или памятного сувенира. За последние три месяца я многое узнала о барраярцах. Перетряхнешь десяток из них — и у девятих наверняка обнаружится в карманах какой-нибудь медальон или амулет на счастье. Причем офицеры в этом ничем не отличаются от рядовых.

— Глупый предрассудок.

— Не знаю, предрассудок это или же просто обычай. Однажды мы обрабатывали раненого пленного... он утверждал, что это всего лишь дань традиции. Талисманы по обычаю дарят солдатам, но никто в них не верит. Однако когда мы попытались забрать у него амулет, раздевая перед операцией, он начал сопротивляться. Прежде чем дали наркоз, его с трудом удерживали три санитары. По-моему, это было довольно неслабо для человека, у которого оторвало обе ноги. Он плакал... хотя, конечно, он был в состоянии шока.

Поневоле заинтригованный, Феррел разглядывал медальон, покачивая его на короткой цепочке. Медальон был сцеплен с еще одним кулоном — прядью волос, запаянной в прозрачный пластик.

— Что-то вроде святой воды? — поинтересовался он.

— Почти. Это очень распространенный талисман — называется «материнские слезы». Интересно, смогу ли я разобрать надпись... Похоже, он хранил этот медальон уже много лет. Здесь написано «мичман», и дата... Видимо, он был подарен ему по случаю присвоения офицерского звания.

— Но это же не настоящие слезы?

— Напротив, самые настоящие. Именно поэтому они и должны служить защитой.

— Похоже, это не слишком действенное средство.

— Да, похоже что... нет.

Феррел иронически хмыкнул.

— Ненавижу этих парней, но при этом мне как будто даже жаль его мать.

Бони забрала у него цепочку с кулонами, поднесла локон в пластмассе к свету и прочла надпись.

— Не жалейте ее. Она счастливая женщина.

— Как так?

— Это ее посмертный локон. Судя по надписи, она умерла три года назад.

— И это тоже должно приносить удачу?

— Нет, не обязательно. Просто память, насколько я понимаю. Довольно милый обычай. Самый отвратительный талисман, с каким мне приходилось сталкиваться, да и самый уникальный, представлял собой маленький кожаный мешочек, висевший на шее хозяина. Он был наполнен землей и листьями, в которых находилось то, что я сначала приняла за скелет какой-то твари вроде лягушки, сантиметров десяти длиной. Но потом присмотрелась получше и поняла, что это скелет человеческого зародыша. Очень странно. По-моему, это какая-то черная магия. Довольно неожиданно было найти такую вещь на офицере инженерной службы.

— Не похоже, что им от них был какой-то прок, а?

Она криво улыбнулась:

— Ну, если существуют такие, которые помогают, то я их не увижу, верно?

Терса перешла к следующему этапу: прежде чем упаковать барраярца в мешок и вернуть его в холодильник, она вычистила его одежду и осторожно одела труп.

— Барраярцы просто помешаны на всем военном, — объяснила она. — Я всегда стараюсь оставить им их униформу. Она так много значит для них — наверное, в ней им уютнее.

Феррел беспокожно нахмурился.

— Я все равно считаю, что его надо было выбросить.

— Отнюдь, — возразила медтехник. — Подумайте обо всей работе, результат которой он представляет. Девять месяцев беременности, роды, два года пеленок, и это ведь только начало. Десятки тысяч завтраков, обедов и ужинов, тысячи сказок на ночь, годы учебы. Десятки учителей. Да и все это военное обучение тоже. Множество людей вложили в него свой труд.

Она поправила прядь непослушных волос на голове покойника.

— Когда-то в этой голове была целая вселенная. Довольно высокое звание для его возраста, — добавила она, глянув на монитор. — Тридцать лет, командор Аристид Форкаллонер. Как самобытно звучит. Очень барраярское имя. И вдобавок фор, из воинской касты.

— Касты психопатов-убийц. Если не хуже, — механически отозвался Феррел, но уже без прежнего пыла.

Бони пожала плечами:

— Ну, теперь-то он соединился с великой демократией. И у него были хорошие карманы.

* * *

Три последующих дня прошли без единой тревоги — лишь изредка попадались механические осколки. Феррел начинал надеяться, что барраярец был их последней находкой в этом рейде. Они приближались к концу поискового маршрута. «Давно пора, — угрюмо размышлял Феррел. — А то у меня от этой работы уже начинается расстройство сна». Но медтехник обратилась к нему с просьбой.

— Если вы не против, Фалько, я хотела бы попросить вас об одной услуге, — сказала она. — Сделайте еще несколько дополнительных витков. Понимаете, поисковый район задается исходя из средних значений рассеивания, а ведь если кто-нибудь получил дополнительный импульс во время крушения корабля, то их могло занести и дальше.

Феррел не испытывал особого энтузиазма, однако перспектива еще одного дня пилотирования была не лишена привлекательности, и он нехотя согласился. Правота ее доводов подтвердилась: не прошло и полусуток, как они наткнулись на еще одни искореженные останки.

Когда они разглядели их поближе, Феррел тихонько охнул. Это была женщина-офицер. Бони втянула ее на корабль с невероятной осторожностью. На этот раз Феррел совсем не жаждал наведаться в морг, но медтехник, уже привыкшая к его присутствию, похоже, дожидалась его.

— Я... мне не очень-то хочется смотреть на изуродованную женщину, — попытался отговориться он.

— Хм-м, — задумчиво протянула Терса. — Разве это честно — отвергать человека только потому, что он мертв? Вы бы не имели ничего против ее тела, если бы она была жива.

Он мрачно рассмеялся:

— Равные права для мертвых?

Ее улыбка скривилась.

— Почему бы и нет? Многие из моих лучших друзей — трупы.

Он фыркнул.

Она посерьезнела:

— Мне... как-то не хотелось бы на этот раз быть одной.

Так что он занял свою обычную позицию у двери.

Медтехник уложила на стол тушу, бывшую когда-то женщиной, раздела ее, обмыла и распрямила. Закончив с этим, она поцеловала мертвые губы.

— О Боже, — воскликнул шокированный Феррел. Его мутило. — Вы сумасшедшая! Вы просто какая-то чертова некрофилка! Причем лесбиянка-некрофилка! — Он развернулся к выходу.

— Вот, значит, как вам все это видится? — Голос ее был мягок, в нем по-прежнему не было обиды. Это его остановило, и он оглянулся через плечо. Она смотрела на него так нежно, как если бы он был одним из ее бесценных покойников. — В каком же странном мире вы тогда, должно быть, живете.

Она открыла чемоданчик и достала оттуда платье, тонкое белье и пару белых вышитых туфель. Подвенечный наряд, сообразил Феррел. Это женщина настоящая психопатка...

Она одела труп и тщательно уложила мягкие темные волосы, прежде чем уложить его в мешок.

— Пожалуй, я положу ее рядом с тем милым высоким барраярцем, — сказала она. — По-моему, они могли бы понравиться друг другу, случись им встретиться в при других обстоятельствах. Да и потом, лейтенант Делео женат.

Она закончила заполнять бирку. Подсознание пыталось что-то подсказать Феррелу, но ему, все еще пребывающему в шоке, никак не удавалось уловить мысль. Понимание ударило его точно обухом по голове.

Она не стала проводить идентификацию!

«За дверь, прочь от этих ужасов — вот куда тебе следует идти, — сказал он себе. — Ты не хочешь оставаться здесь, ручаюсь в этом».

Но вместо этого он, трепеща от волнения, приблизился к трупу и прочел бирку.

Мичман Сильва Бони, гласила надпись. Двадцать лет. Его ровесница...

Он задрожал, словно от холода. Здесь, в этой комнате, и впрямь было холодно... Терса Бони закончила собирать свой чемоданчик и снова повернулась к платформе.

— Дочь? — спросил он. Других слов не было.

Она поджала губы и кивнула.

— Вот уж... невероятное совпадение.

— Никакого совпадения. Я сама попросилась в этот сектор.

— О. — Он сглотнул, повернулся, чтобы уйти, затем развернулся обратно. Лицо его пылало. — Простите за то, что я наговорил...

Она улыбнулась своей тихой печальной улыбкой.

— Ничего.

* * *

Они нашли еще один механический обломок и поэтому решили сделать еще один виток поисковой спирали, чтобы удостовериться, что все возможные траектории пройдены. И вскоре они действительно обнаружили еще одного мертвеца — жутко изуродованного, бешено вращающегося, с вывалившимися от какого-то мощного удара обледенелыми внутренностями.

Служительница смерти проделала свою грязную работу, ни разу даже не поморщившись. Когда дело дошло до обмывания — задачи, не требующей профессиональной подготовки, — Феррел неожиданно спросил:

— Могу я вам помочь?

— Конечно, — Она немного подвинулась, освобождая место. — Честь не уменьшится, если ее разделить.

И он приступил, робко, как начинающий последователь святого, обмывающий своего

первого прокаженного.

— Не бойтесь, — сказала она. — Мертвые не могут вас обидеть. Они не причинят вам боли — если не считать того, что в их лицах вы видите собственную смерть. А с этим можно справиться.

Да, думал он, хорошие люди не отворачиваются от боли. Но великие... они идут ей навстречу.